

**ДМИТРИЙ
ЯЗОВ**

**АВГУСТ
1991**

**В ГДЕ БЫЛА
АРМИЯ?**

**ДМИТРИЙ
ЯЗОВ**

**АВГУСТ
1991**

**ГДЕ БЫЛА
АРМИЯ?**

**ЭКСМО
Москва
алгоритм
2011**

УДК 355/359
ББК 63.3
Я 40

Язов Д. Т.

Я 40 Август 1991. Где была армия? / Дмитрий Язов. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 240 с. — (Суд истории).

ISBN 978-5-699-50434-3

Дмитрий Тимофеевич Язов — Маршал Советского Союза, министр обороны СССР — был одним из противников горбачевской «перестройки». В 1991 году он вошел в состав ГКЧП с первого же дня его создания: в Москву по приказу Д.Т. Язова были введены танки и прочая тяжелая техника; обсуждался план штурма Белого дома, где находился Борис Ельцин и его сторонники. Однако штурм так и не был осуществлен, армейские части отведены в казармы, что позволило Б. Ельцину одержать победу, ставшую катастрофой для СССР.

В своей книге Д.Т. Язов отвечает на вопрос, который вот уже двадцать лет занимает многих: почему Советская армия позволила «демократам» нанести смертельный удар по государству, которое она обязана была защищать? В чем причина ее нерешительных действий и кто повлиял на них? Книга основана на материалах личного архива Д.Т. Язова и его дневниках.

**УДК 355/359
ББК 63.3**

© Язов Д. Т., 2011
© ООО «Алгоритм-Издат», 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-50434-3

ИЗ ФОРОСА — В МОСКВУ

Это случилось в 2 часа 15 минут 22 августа 1991 года. Разрывая густые облака, самолет Ил-62 вышел на посадочную прямую во Внуково.

Предчувствуя недоброе, я всматривался через иллюминатор на ярко освещенную прожекторами площадку перед Внуково-2, где уже суетились какие-то люди в камуфлированной форме, бегали солдаты. «Ну что же, — подумал я, — освещают, значит, вот-вот грянет политический театр. Статисты уже под «юпитерами».

Перед нами приземлился Ту-134, на котором прилетел президент М.С. Горбачев со своей прислугой и охраной. Сопровождали его из Фороса А. Руцкой, И. Силаев и В. Бакатин. В этот же самолет под предлогом «поговорим по душам в самолете» пригласили и В. Крючкова.

Мы — А.И. Лукьянов, В. Ивашко, О.Д. Бакланов, А. Тизяков и я — вылетели из Крыма через 15—20 минут после президентского лайнера.

И вот поданы трапы. Я обратил внимание, что к каждому трапу поспешили крепыши из соответствующих спецслужб. Они приняли устрашающую стойку, пытаясь припугнуть кое-кого из именитых пассажиров. Первым к трапу направился В. Баранников. Оценив все эти маневры, я сказал сопровождающему меня полковнику П. Акимову, что мы подоспели к аресту.

— Не может быть, — возразил он, — от президента передали: вам назначена встреча в Кремле в 10 часов утра.

Спустившись по трапу, мы направились к зданию аэропорта. При входе в зал Баранников сказал Акимову:

«Вы свободны», — а затем мне: «А вас прошу пройти в следующий зал».

Вошли в небольшую комнату, где обычно размещалась охрана. Здесь к нам поспешил незнакомый человек с копной нестриженных волос на голове. Он довольно бойко представился: «Прокурор Российской Федерации Степанков Валентин Георгиевич!» — и спросил, есть ли у меня оружие. Затем объявил, что я арестован по подозрению в измене Родине в соответствии со статьей 64 УПК.

За дверями рычали автомобили. Люди из ведомства Баранникова выстраивали машины. Меня подвели к «Волге», толкнули на заднее сиденье между вооруженными автоматами Калашникова охранниками.

Наступила зловещая тишина. Темная беззвездная ночь давила на сознание: «Я арестован».

В. Крюкова арестовали минут на двадцать раньше. Он уже сидел в одной из машин, запрудивших весь проезд у боковых ворот аэропорта. А.Тизякова арестовали чуть позже. Мы долго сидели в машинах. Баранников витийствовал, продолжая «украшать» машины арестантами. Между «Волгами» с «изменниками» расставлял автобусы с курсантами Рязанской школы милиции. Я, конечно же, знал старинную русскую поговорку: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», — и вот наконец-то ощутил ее гнетущий смысл.

Я представил, что происходит сейчас в Баковке, на даче, где осталась моя супруга Эмма Евгеньевна. Она была «закована» в гипс и не могла передвигаться без посторонней помощи. «Там наверняка, — думал я, — собрались лучшие ищейки, идет грандиозный шмон». «Куй железо, пока горячо» — этим лозунгом руководствовалась рвущаяся к власти «волчья стая».

На снисхождение рассчитывать было легкомысленно. Поверженных политических противников принято добивать.

С 19 августа 1991 года эта «стая» фактически приступила к захвату всей полноты власти на общегосударственном уровне. Стороннику Ельцина Степанкову необходимы были улики, факты для обоснования ареста руководителей ведущей державы мира.

Наконец колонна тронулась в путь. Вышли на Кольцевую дорогу, повернули на север. Сначала я ехал без фуражки... в салоне было душно, но вскоре, когда «Волгу» разогнали, в машине стало прохладнее, пришлось ее надеть. Это заметил следовавший за нами «наблюдатель», он быстро догнал нашу машину и, поравнявшись с нами, обратил внимание охранников на мою фуражку. «Не попытается ли он сбежать? Не подает ли фуражкой сигнал к побегу?» — очевидно, подумал этот бдительный страж.

Фары высветили целующихся прямо на обочине парня и девушку, рядом стояли два их обнявшихся велосипеда. Один из охранников сострил что-то в адрес парочки, и опять наступила гнетущая тишина. Колонна повернула на Ленинградское шоссе...

ДОПРОСЫ В «СЕНЕЖЕ». ЧТО ДЕЛАЛА АРМИЯ В АВГУСТЕ 91-го?

...Подъехали. Я понял, что это «санаторий» на берегу озера Сенеж. Кроме «санаторных» корпусов, стояло несколько финских домиков, вот к ним-то и притулился наш кортеж. Вдоль дорожки, ведущей на задворки этих домиков, Баранников с помощью офицеров внутренних войск выстроил курсантов Рязанской школы милиции. Нас, троих арестованных — Крючкова, Тизякова и меня, выводили из машин по одному, чтобы даже и взглядом не обменялись. В одной из комнат, пропахшей сыростью, где небрежно была расставлена скрипучая мебель, меня обыскиали.

В качестве понятых следователь Леканов с лоснящейся от жира физиономией пригласил все тех же курсантов — Сергея Чижикова и Дмитрия Егорова.

Я посмотрел на часы. Они показывали 5 часов 55 минут 22 августа. Курсанты стояли в растерянности: следователь пухлыми пальчиками выворачивал карманы маршала, ощупывал воротник кителя. Врач, выполняя формальность, поинтересовался: «Вы здоровы? Есть жалобы?»

К этому времени комната наполнилась следователями, привезли аппаратуру, шла какая-то мышиная возня перед допросом. С крайне озабоченной физиономией появился Степанков. Пытался завязать разговор о Хабаровске, передать от кого-то привет... Я прекрасно оценил эту наивную игру в «доброго прокурора» и попросил сообщить моей жене, что я арестован, и привезти мне необходимые вещи. Леканов спросил:

— Что конкретно?

— Бритву, спортивный костюм и прочее.

— А что прочее? Все, что нужно, изложите на бумаге.

Прищурясь, глядя прямо в глаза, Юрий Иванович начал задавать вопросы, которые были подготовлены заранее. Ельцинской обслуге предстояло мне, фронтовику, доказать мою вину перед моим Отечеством. Как мне потом довелось узнать, вопросы сформулировали загодя, утром 19 августа, в ельцинских хоромаш на даче.

Изначально разговор шел без записи в протоколе, сыщики полностью доверились магнитофону.

— Судя по нашему разговору, — заметил Леканов, — вы не осознали всей тяжести совершенного преступления и даже не думаете о раскаянии.

Я ответил:

— Хуже преступления, чем развал Союза, придумать невозможно.

Следователь спросил:

— Вы отдаете себе отчет в том, что для вас, а не для кого-то другого означает статья 64 УПК?

— Понятия не имею...

Тогда он весьма профессионально разъяснил: Статья 64 — это измена Родине, деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание помощи в проведении враждебной деятельности против СССР...

Я заметил:

— Вы сами-то верите, что говорите? Да еще применительно ко мне?

Леканов еще больше сощурил глаза, на лице появилась ядовитая улыбка. Он продолжал: «А равно заговор

с целью захвата власти наказывается... но это будет решать суд»...

Чувствовалось, что он гордился знанием УПК, но вскоре я понял: все его знания почерпнуты из газетных и журнальных штампов последних дней: «путч», «неконституционный», «союзный договор», «интернирование», «изоляция», «Белый дом», «штурм».

Леканов взял на себя функции «забойщика», конструктора вопросов и предполагаемых ответов. Допрашивал вежливо, но вопросы ставил так, что я вынужден был отвечать, исходя из его предположений...

Был конец августа. Подступала грибная пора. Плыли высокие облака с востока, как далекий привет с моей Родины. Там наверняка знают: министр обороны арестован. Матери не скажут, ей 88 лет, но она поймет своим материнским чутьем, сердцем и, уж конечно, что-то увидит во сне и свяжет материнский сон с моей судьбой...

В 8.20 установили «Панасоник» для съемки и записи допроса. Самый удобный случай выдвинуть требование: пригласить на допрос адвоката.

— Адвоката должны нанять ваши родственники, — отрезал следователь.

— В таком случае свяжите меня с адвокатской конторой.

— У нас связь с адвокатской конторой не предусмотрена.

— Президент назначил мне встречу в Кремле в 10 часов, сегодня... Она состоится?

— А вы обратитесь к Горбачеву с письмом. Мы отправим, если последует команда. А пока давайте побеседуем.

Все это были уловки. И прокурор и следователи знали, что допрос без адвоката — фикция. Для суда он не имеет юридической силы. Но следователи старались подать себя новым властям в выгодном свете, показать результативность своей работы.

Следователь старался говорить вкрадчиво. «Кирпичики» вопросов ложились ровно, чувствовалась «кремлевская кладка». Тогда я еще не знал, что кассеты с записью допроса продадут «Шпигелю» и что весь мир узнает, как я перед допросом вздохнул. Если бы я знал, что в прокуратуре все продается и все покупается, возможно, я бы германскому «Шпигелю» напомнил слова из песни: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой»...

* * *

А пока следователь чеканил каждое слово:

— Я должен заявить: вас допрашивают в связи с участием в преступлении. Мы квалифицируем его как измену Родине. Заговор с целью захвата власти, злоупотребление служебным положением. Я хочу услышать от вас, что вы скажете по поводу предъявленного вам обвинения?

— У меня иное понятие о том, что такое измена Родине. Измена президенту — пожалуй, да, имеет место. Но Родину свою я не предавал. Что в моих действиях было конституционно, что нет — надо разобраться. Я считаю, что подписание новоогаревского договора явно неконституционно. Организатор этого акта — Горбачев. Более того, раньше, еще на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, он вещал с трибуны о необходимости улучшить жизнь народа. Тогда никто и думать не смел о развале государства, о ликвидации политической системы.

Но вот наступил 1991 год. Партия не по дням, а по часам теряла свой авторитет. Открыто на Пленумах ЦК КПСС говорили о том, что Горбачев исчерпал себя в качестве активного государственного деятеля, его историческое время закончилось. Мало того, 17 марта 1991 года народ дружно проголосовал за сохранение Союза Советских Социалистических Республик, и вдруг президент

предлагает проект договора, в котором речь идет уже о суверенных государствах. Убежден: это не просто ошибка. Идет целенаправленная работа по ликвидации Союза. Нам предлагают хиленькую конфедерацию республик с самостийными президентами. Тут следователь остановил меня:

— Вернемся снова к вашей проблеме. Вас назначили министром обороны не без поддержки Горбачева. Но вы внезапно приняли решение лишить его власти. Вы же давали присягу президенту, парламенту, народу. Почему вы пришли к убеждению, что президента надо лишить власти? Причем антиконституционным путем?

Я понял из вопроса: Леканов в армии не служил и понятия не имеет, кому я присягал в 1941 году.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь: быть...

...Я всегда готов по приказу Советского правительства...»

Где же здесь клятва верности президенту? Народу я давал клятву, а не хозяйчику Кремля. И за спиной Горбачева мы не шушукались. Мы всего-навсего выразили наше возмущение по поводу распада СССР, потребовали от президента ввести чрезвычайное положение. К этому времени суверенизация и сепаратизм, особенно на Украине и в России, достигли своего апогея. Стремясь освободиться от сверхцентризма, «демократы» запросили самую высокую цену: ликвидацию Союза.

Мы решили, что 18 августа к президенту в Форос вылетят Шенин, Бакланов, Варенников, Болдин и Плеханов вразумить президента — отменить подписание договора, дабы выполнить волю народа о сохранении единого Советского Союза.

Что бы я ни говорил, по виду следователя чувствовалось, что он ждет от меня другого: признания в загово-

ре, рассказа, кто был зачинщиком. Поэтому он резко перебил меня:

— Звучит весьма наивно для такого государственного деятеля, как министр обороны...

* * *

Мне захотелось рассказать следователю о разгоне ЦК, избранного съездом партии, о неравноправном договоре с США по сокращению стратегических и обычных видов вооружений. О выводе войск из Венгрии и Чехословакии, о поспешном бегстве из Германии через Польшу, с которой ни о чем даже не договорились толком. О том, что президент продолжал разглагольствовать о строительстве «европейского дома», не замечая, как свой разваливается. Он не уставал талдычить об «общечеловеческих ценностях», зато своих соотечественников унизил, доведя их до нищеты. Практически ни одна программа за последние 5 — 6 лет выполнена не была. Когда Горбачеву на сессиях Верховного Совета СССР депутаты говорили о необходимости конкретной программы, он невозмутимо отвечал: «Я указал ориентиры».

Что же понимал генсек под новыми ориентирами? Оказывается, надо было лебезить перед Западом, свои традиции обменять на чужеземные.

Когда Горбачева избрали Генеральным секретарем, на первом же Пленуме ЦК он говорил, что прирост ВВП составил 4 процента и, мол, мы вползли в застой. Но именно в застойные времена построили ВАЗ, БАЗ, КамАЗ, перевооружали армию, а начиная с 1985 года мы уже ничего не возводили, только разоружались.

На Президентском Совете, на заседаниях Совета безопасности, в присутствии Горбачева анализируя обстановку, говорили о тяжелом положении в стране, о развале партии, экономики, о растущих долгах государства. Уже

все понимали в Кремле, что корни многих бед исходят от президента. Но следователя Леканова, похоже, не интересовала моя боль, он требовал: «Пожалуйста, фамилии тех, кто это говорил?»

Я объяснял Леканову, что это были дискуссии среди руководителей, озабоченных судьбой страны. Сам Ельцин признавал это. Горбачев в последнее время разъезжал по всему миру, но мы, члены правительства, даже не знали, о чем он говорил с глазу на глаз с лидерами иностранных государств. Раньше было принято все вопросы предварительно обсуждать на Политбюро, на Президентском Совете или Совете безопасности, а теперь все отдано на откуп Горбачеву.

Затем я рассказал Леканову, как президент Южной Кореи передал Горбачеву 100 тысяч долларов из кармана в карман. Да, за подобные «сувениры» принято расплачиваться.

Но следователь меня как будто не слышал. Он ждал признаний в заговоре. Ну что же, слушайте. Мне скрывать нечего.

Когда мы собрались в субботу 17 августа на объекте КГБ в конце Ленинского проспекта, то пришли к выводу: необходимо лететь к Горбачеву в Форос, убедить его в том, что с подписанием союзного договора Советский Союз прекратит свое существование. Горбачев прекрасно знал: Украина подписывать договор отказывается, впрочем, как и прибалтийские республики. Давили на Ельцина и демократы в лице суетливого царедворца Юрия Афанасьева.

Премьер-министр В.Павлов охарактеризовал экономическую ситуацию в стране как тревожную. Он сказал, что перед отъездом на «отдых» Горбачев принял участие в заседании Кабинета министров, потребовал в случае необходимости ввести чрезвычайное положение. Потому-то

и полетели в Форос для откровенного разговора. До подписания договора оставалось двое суток. Самолет выделило Министерство обороны. Вылет назначили на 13 часов в воскресенье.

Возвратились товарищи из Фороса поздно вечером, около 22 часов. Мы ждали их в Кремле в кабинете Павлова. Кроме меня и Павлова, присутствовали Крючков, Пуго, Ачалов. Янаев подъехал около 20 часов, вслед за ним — Лукьянов.

Прибывшие из Фороса товарищи рассказали: Бакланов обрисовал Горбачеву ситуацию — страна катится к катастрофе, необходимо вводить чрезвычайное положение, другие меры уже не спасут, оставим иллюзии*.

Поделился своими впечатлениями о встрече с Горбачевым и Шенин. Вдруг оказалось, что у Горбачева разыгрался радикулит. Олег Семенович резюмировал: «Скорее всего, Горбачев хотел избежать встречи с товарищами. Но когда понял, что без разговора товарищи не уедут, через час объявился».

Затем Болдин высказал свое мнение о необходимости принятия срочных мер по стабилизации обстановки, отказа от подписания договора. Затем Варенников доложил о положении в армии. Валентин Иванович не любит мямлить, говорит всегда четко и ясно. Это и дало повод президентской чете сделать вывод, что генерал армии Варенников из всех приехавших был самым настойчивым и грубым. Валентин Иванович понимал, что мы теряем.

Он прошел с боями от Сталинграда до Берлина, видел, что творили немцы на советской земле. Докладывая президенту о положении в армии, о том, как восприняли офицеры и весь личный состав вывод войск из Германии, он искренне волновался. Варенников напомнил пре-

* Эту мою фразу из записи допроса журнал «Шпигель» убрал, оберегая авторитет «лучшего немца».

зиденту слова, сказанные в его адрес на офицерском собрании капитаном К. Ахаладзе:

«Михаил Сергеевич! Я один из многих, кто беспредельно любил вас. Вы были моим идеалом. Везде и всюду я готов был за вас драть глотку. Но с 1988 года я постепенно ухожу, удаляюсь от вас. И таких становится все больше. У людей, восхищавшихся перестройкой, появилась аллергия на нее».

На этой встрече мы поняли: болезнь Горбачева притворная. Он желает поставить Правительство Союза и народ перед свершившимся фактом — подписанием договора, развалом государства.

* * *

Проработка варианта ввода чрезвычайного положения в стране велась Комитетом государственной безопасности с 7 августа. От Министерства обороны принимал участие командующий Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Грачев... С 15 или 16 августа к этой работе подключились Грушко — первый заместитель председателя КГБ и заместитель министра обороны генерал-полковник Ачалов. О создании Комитета по чрезвычайному положению тогда и речи не было. Об этом разговор зашел только вечером 18 августа в кабинете Павлова после возвращения наших товарищей из Фороса. Тогда же я впервые увидел список Комитета в составе 10 человек.

Этот список показали Анатолию Ивановичу Лукьянову. Он твердо заявил, что участвовать в деятельности Комитета не намерен и не будет, так как представляет законодательную власть. «Единственное, что я могу сделать, — сказал Анатолий Иванович, — это опубликовать заявление о нарушении действующей Конституции в связи с подписанием новоогаревского союзного договора».

Вспоминаю и реакцию министра иностранных дел Александра Александровича Бессмертных, он прибыл в кабинет Павлова около 23 часов. Александр Александрович заметил: «Если вы меня включите в список членов Комитета, то для меня будут закрыты все столицы мира — и Вашингтон, и Париж, и Рим, и Лондон...»

Александр Александрович знал о недовольстве общественности поведением Горбачева, как и то, что через 20 минут после выступления на закрытой сессии Верховного Совета СССР наше общее мнение о необходимости навести в стране порядок стало известно и в американском посольстве. В роли информатора от московских «демократов»-стукачей выступил Гавриил Попов, хотя он прекрасно понимал, что и у государства могут быть секреты. Но демократ не убоился, побежал в американское посольство и сообщил послу США Мэтлоку, что назревает заговор, назвал и зачинщиков: Павлов, Крючков и Язов, — попросил передать этот доклад и Ельцину, который в это время находился в США. Мэтлок сообщил о том, что говорилось на сессии Верховного Совета СССР, президенту США Бушу. А тот, в свою очередь, сразу же связался с Горбачевым, как будто последний не знал о наших выступлениях.

Как нетрудно понять, видимость заговора создавали «демократы». И разве не Гавриил Харитонович* является главной персоной, которой так интересуется Фемида? Ведь налицо предательство национальных интересов России...

Как может судить мой читатель, дело ГКЧП — пример виртуозного превращения изменника Попова в «защитника» земли русской. А тех, кто на самом деле пытался отстаивать интересы страны, ошельмовали, назвали преступ-

* Гавриил Попов сегодня известен в столичных кругах как демократический наследник дачных владений бывшего генсека Л.И. Брежнева.

никами. И потому Леканов искал любые зацепки, чтобы доказать, что я изменил Родине.

Пришлось восстанавливать события по часам и по минутам; из Кремля я уехал в первом часу ночи 19 августа 1991 года. Документы, рассматриваемые в кабинете Павлова, должны были зачитать по радио и по телевидению в 6 часов. Для охраны телецентра мы к 6.00 направили подразделение ВДВ из «Медвежьих озер».

Леканов, будучи уверенным в справедливости обвинения, не терял нити допроса. Стремясь услышать подтверждение моей вины, повторял одни и те же вопросы, правда, в другом контексте.

— А не хотели ли вы выяснить реакцию населения? Не испугалось ли оно?

Прокуратура, конечно, знала о крайней политизации населения к тому времени. Суверенизация, самостоятельность, децентрализация, антикоммунизм расцвели махровым цветом. Одуревшие от жажды власти «демократы» боролись и с центром и с Горбачевым. С волей народа, проявленной в ходе референдума 17 марта, не посчитались бы ни Ельцин, ни Кравчук, ни другие.

Кстати, два года спустя «всенародно избранный» по-другому заговорит о референдуме. В своем указе № 1400 от 21 сентября 1993 года он заявит: «Большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной 25 апреля 1993 года». Значит, по Ельцину, волю российского народа попирает нельзя, а волю советского всего народа растоптать надлежало без зазрения совести.

Признаюсь, сложные чувства овладевают мной даже сегодня, когда я перечитываю стенограмму допросов. Я ненавижу себя за скованность, презираю наведенную на меня кинокамеру, все эти кадры политической киношки. Одно могу сказать: режиссер был талантливым, он бы украсил фестиваль и в Каннах.

Еще во время «съемки» я подумал: через часок-другой «кино» повезут на просмотр самодовольному Горби и его домашнему философу. Но, по-моему, ошибся: по дороге в Кремль пленку умыкнули, запродали на Запад.

* * *

...В окно заглянуло солнце, его лучи упали на противоположную от окна стену, на которой красовался пейзаж: северные олени переплывают озеро. Хотелось бы, чтобы и это озеро, и этих оленей освещало незаходящее солнце.

Следователь попросил выключить камеру, подошел к окну и задернул шторы. Как бы выражая заботу обо мне, произнес: «Береженного Бог бережет». Но я понимал: он старается, чтобы никто не узнал, куда увезли арестованных. Ему важно было подтвердить правоту слов из указа Ельцина: «Считать ГКЧП антиконституционным и квалифицировать его действия как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением». Впоследствии стало известно, что эти строки написал Р.Хасбулатов, который нашел в себе мужество сбежать из стаи самозванных кремлевцев.

И снова следователь старается вытянуть у меня признание, что мы действовали вопреки Конституции: «Вы наверняка рассчитывали на то, что народ все проглотит, что вас поддержат, не спрашивая, а конституционно ли это?»

Да, мы надеялись на народ. Мы считали: народ прекрасно понимает, что начатая по инициативе Горбачева перестройка — политика реформ — в силу разных причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Но, увы, понимание всего этого сложилось у населения позднее...

— Когда вы увидели, что завязли в афере, из которой нужно выбираться? — гнул свою линию следователь.

— А нам и не надо было выбирать. Мы были вместе с народом. И это лишний раз подтверждает, что заговора не было. Иначе бы «заговорщики» подготовились. Напротив, инициатива была в руках поповых, афанасьевых и других ярых ельцинистов.

Почему-то на допросе я вспомнил, как Г. Попов отдал чудовищный приказ столичным торгашам больше не отпускать продукты жителям других областей. И стоял казах-панфиловец в Елисеевском гастрономе проездом из Талды-Кургана в Калининград, защитивший Москву от фашистов, выпрашивая двести граммов «Любительской» колбаски на дорожку. Но никто из продавцов не осмелился нарушить указа мэра. Какой позор! Уже тогда россияне разглядели хамовитое лицо московской демократии...

— Если вы уже после пресс-конференции увидели, что зашли чересчур далеко и совершили преступление, почему вы продолжали вводить танки в ночь с 20 на 21 августа, ввели комендантский час, назначили коменданта города?

— Чрезвычайное положение введено согласно Заявлению Советского правительства, а затем подтверждено указом и.о. президента Г.И. Янаева, где говорилось:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице СССР, вызванной невыполнением постановления ГКЧП № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127 части 3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в городе Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками МВО генерал-полковника Н.В. Калинина, который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Кроме того, в заявлении ГКЧП говорилось о необходимости с 4.00 часов взять под охрану важнейшие государственные учреждения и объекты. Что же касается комендантского часа, то он был объявлен, но не введен.

— Кто мог рекомендовать Янаеву ввести комендантский час? Янаев же не военный. Прошу честно ответить.

Я говорю честно:

— Закон о чрезвычайном положении принимал Верховный Совет. Там разве одни военные заседали? Янаев ввел чрезвычайное положение, а Калинин, исходя из обстановки, как комендант города объявил комендантский час. Сил и средств, несмотря на то, что были вызваны и прилетели в Москву еще два парашютно-десантных полка, все же было недостаточно для обеспечения ввода ЧП. Потом мы с Калининым обговорили все вопросы по выводу тяжелой техники из Москвы.

* * *

— Что можете сказать о вашей рекомендации разогнать силы, защищавшие Белый дом? Ведь формальный повод был — в 23.00 все должны были разойтись по домам, — продолжает вопрошать следователь.

— Объясняю следствию: у здания Верховного Совета РСФСР собралось около 70 тысяч человек, поэтому вопрос о разгоне толпы даже не обсуждался на совещании ГКЧП. По городу было организовано патрулирование на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах. Применять оружие было строго запрещено. Это было похоже на ситуацию, когда пытаются зажечь спичку перед пороховой бочкой.

Кто мог предположить, что Попов и Лужков организуют возведение баррикад? К тому же при проходе техники под мостом в районе проспекта Калинина и были задержаны БМП. Их забросали бутылками с зажигательной смесью.

— Заменялись ли войска, которые стояли перед Белым домом, по той причине, что военнослужащие были уже политически неблагонадежными?

В связи с этим вопросом я заметил:

— В мире много домов белого цвета, но официально называют Белым домом резиденцию президента США в Вашингтоне. Называть здание, где размещался Верховный Совет и Правительство России, «Белым» — это значит притязать на чужое наследство. Тем более что на месте, где американцы возвели свой Белый дом, когда-то стоял бордель. И кроме того, вам неизвестно: заменяли войска или нет, почему же вы сделали вывод, что после общения с народом войска политизировались? Это байки радио «Эхо Москвы».

Батальон ВДВ для охраны здания Верховного Совета РСФСР был направлен по просьбе Ельцина генерал-лейтенантом Грачевым, который доложил мне об этой просьбе. Я дал согласие, и он по радио, когда дивизия была еще на марше, передал приказ генерал-майору А.И. Лебедю. Охрана возле здания была постоянной, танковые подразделения находились там до 22 августа.

Леканов вновь спросил:

— Когда вы осознали, что это государственный путч и переворот?

— Как можно называть это государственным переворотом? На законодательную власть Союза и республик никто не покушался. Не было ни военного, ни гражданского переворота. Президент сам говорил по телефону, что ему звонил Ельцин, высказывал мысль, что Россия тоже хотела бы воздержаться от подписания договора. Потому и выехала к нему группа товарищей, чтобы предостеречь от ошибки. Но Горбачеву во что бы то ни стало хотелось подписать антинародный документ о развале Союза.

— И тогда вы решили отвести войска? С 21 августа вы практически встали на путь покаяния?

Решение о выводе войск было принято вечером 20 августа. Если объективно проанализировать события этих трех дней, то напрашивается вывод: армия не участвовала в каком-то подавлении демократии. Широко разрекламированные «баррикады» не смогли бы остановить танки и БМП. Позже А.Н.Яковлев признается: «У меня было такое ощущение, что мы вышли в поле, а противник так и не явился».

Затем Леканов предложил прерваться, якобы на обед. Но мне разрешили выйти из комнаты, лишь когда он закончил прослушивать кассеты. Столичная «демократия» продолжала возводить надолбы лжи, и вскоре появились телевизионные репортеры. Они начали меня уговаривать обратиться с покаянной речью к Горбачеву, дескать, для защиты от статьи, которую вам «шьют». Мол, все средства хороши, Дмитрий Тимофеевич, особенно выбирать-то вам и не приходится.

И под влиянием усталости я поддался на их уговоры, «Покаянное кино» подали как часть допроса. И «Шпигель» и прокурор посчитали их доказательством «совершенного преступления» по расстрельной статье — измена Родине...

И вот я снова в комнате-«камере» вспоминаю картинки горбачевской эпохи. Какие обжорные презентации и юбилеи устраивали «новые русские». Вот уже появились новые веяния в оформлении банкетов. По черной икре обязательно красной икрой лозунги: «Российской демократии — слава!», «Слава Горбачеву!». Были и другие варианты, но все равно красной икрой по черной: «Михаил Сергеевич, до встречи в Тель-Авиве!»

...В первом часу ночи 23 августа майор из охраны полупрошепотом приказал:

— Поднимайтесь, мы уезжаем.

Я задал естественный вопрос:

— Куда?

— Этого я не знаю, прошу не мешкать. — И положил на тумбочку яблоко. — Возьмите, возможно, ехать придется долго.

И снова машина с ревом разрывала тишину в округе. За ней следовал автобус с вооруженной командой, три «Волги», замыкали колонну еще один автобус с вооруженными курсантами, машина с врачами и несколько автомобилей различного назначения.

Ехали в сторону Твери. Несмотря на то что я уже трое суток не спал, в сон не клонило. Справа и слева от меня на заднем сиденье размещались вооруженные офицеры, сидящий рядом с водителем офицер держал между ног автомат.

Проехали Клин. Может, мы едем в Ленинград, в знаменитые «Кресты»? Перед глазами маячила разделительная полоса на дороге. Я еще подумал, что эта полоса разделяет мое прошлое от совсем не ясного будущего... Я предался воспоминаниям, чтобы согреть свою душу среди этой бесовщины, дурмана лжи.

* * *

Я вспомнил свое фронтовое прошлое и тяжелые бои 1942 года, когда немцы рвались к Волге и Кавказу. 28 июля нарком обороны подписал приказ № 227. В приказе излагалась суровая правда о создавшемся положении на советско-германском фронте. Резко осуждались пораженческие настроения: дескать, земли у нас много, можно и отступить. И. Сталин потребовал любой ценой остановить продвижение фашистских орд. Предусматривались самые строгие меры к военнослужащим: генералам, офицерам, рядовым — ко всем, кто проявит в бою трусость и малодушие. В приказе намечались и практические меры по укреплению боевого духа и дисциплины воинов.

Приказ наркома обороны больше известен в народе как приказ «Ни шагу назад». Сегодня вокруг этого приказа достаточно спекуляций, Сталина обвиняют в излишней жестокости. Но разве можно представить себе жизнь, особенно когда решается судьба страны, без требования быть сильным, требования, которое ты должен предъявлять прежде всего сам к себе? Генерал де Голль писал в своей знаменитой книге «На острие шпаги»: «Сила — средство мысли, инструмент действия, условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила — это щит мудрецов, оплот тронов. Сила — могильщик пришедшего в упадок, она дает законы народам и определяет их судьбу. Сильные личности не всегда воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, принятую в повседневной жизни».

Интересно сравнить настроения обитателей Кремля летом 1942 года, когда И. Сталин подписал исторический приказ, с атмосферой в ставке Гитлера в конце 1945 года, когда кое-кто из немецких генералов уже подумывал, как достойно расстаться с жизнью. Если в Кремле пораженческие настроения на корню пресекались и не было намека на какие-либо дворцовые интриги, то в Германии в высших сферах царил раздрай. Генералы, пленившие гордые европейские столицы, писали друг на друга доносы Гитлеру.

Особенно отличился идеолог рейха Йозеф Геббельс. Уже в самом начале 1945 года он выдал весьма нелестные характеристики многим полководцам фюрера: «У Гудериана нет твердости в характере. Он слишком нервный. Эти свои недостатки он обнаружил, командуя войсками и на западе и на востоке. У Гиммлера нет никаких оперативных способностей. Уж, конечно, он никакой не полководец». Не повезло и Герингу: «Во всяком случае, колебания в отношении Геринга привели нацию к тяжелейшим бедам. Я намерен послать фюреру одну главу из Карлейля,

как поступил Фридрих Великий с принцем прусским Августом-Вильгельмом, когда тот совершенно испортил ему циттауское дело. Фридрих устроил над своим родным братом и наследником трона расправу, которую я считаю образцовой».

Понятно, Геббельс не жалел черных красок для своих товарищей по партии, призывая к расправе над ними. Со всем другие нравы царили в Кремле: если кому-то и перепало, то исключительно за дело. Сталину даже в эти критические для Отечества дни нельзя было отказать в справедливости и великодушии. И это главная причина, почему нынешние лжедемократы без чувства меры прокручивают заезженную пластинку о жестокости вождя. С точки зрения отечественной «завлабовской» демократии приказ № 227 и связанные с ним чувства патриотизма, любви к Родине — анахронизм.

И чтобы отсечь народ от его величественного прошлого, ангажированная свора историков проводит беспрецедентную акцию по очернению защитников державных интересов. Атаку на державников начали еще во времена Хрущева, развенчивая деяния Сталина, его полководческий дар.

Несомненно, те, кому это было выгодно, в лице Хрущева нашли идеального «героя истории». Недавно вышла в свет книга известных ученых Б.Г. Соловьева и В.В. Суходеева «Полководец Сталин». Они поведали неприглядную историю из жизни Н. Хрущева. Но сначала напомним читателям о сыне главного докладчика на XX съезде КПСС. Как известно, сын Хрущева Леонид активно сотрудничал в плену с фашистами. Он призывал красноармейцев сдаваться в плен, обещая райские кущи. И тогда Верховный Главнокомандующий приказал нашим разведчикам выкрасть сына Хрущева у немцев. Вскоре Леонид Никитович предстал перед военным трибуналом, который приговорил его за измену Родине к расстрелу. Н. Хрущев умолял И. Стали-

на не допустить смертной казни. На что И. Сталин ответил: «Вы просите как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?»

Умер И. Сталин, и спустя несколько лет, будучи Первым секретарем ЦК, Хрущев потребовал от министра обороны страны Г. Жукова представить летчика Леонида Хрущева к званию Героя Советского Союза. На что Жуков резко возразил, дескать, предателей не представляют к боевым наградам, тем более к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист, Жуков бросил его в сторону Хрущева. Этот случай и послужил поводом наряду с другими для снятия Г. Жукова с поста министра обороны СССР. К сожалению, этот факт, чтобы обелить Хрущева, предали забвению, впрочем, как и многие другие факты.

* * *

Нет сомнений, что И. Сталин догадывался: могут наступить новые времена и его оппоненты попытаются учинить над ним расправу. Посол СССР в Швеции А.М. Коллонтай сохранила некоторые фрагменты беседы со Сталиным в ноябре 1939 года:

«Многие дела нашей партии и народа, — говорил Сталин, — будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут много злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет надавлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на

отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали.

С особой силой поднимет голову национализм. Он » какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, Но только на некоторое время. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом развитие в будущем пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия и с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Свое будущее они будут строить на примерах нашего прошлого».

...Но вернемся к приказу наркома обороны за № 227. Это «пятая колонна» снабдила «порушителя русских святынь» подлейшими вымыслами из жития-бытия И.Сталина, замутив «оттепельные» воды истории грязными домыслами. Через критику Сталина открывался путь для развенчивания подвига россиян в годы борьбы с фашизмом. Критикуют Сталина, а на самом деле учиняют расправу над славянами, отечестволюбивыми мусульманами. Приказ наркома обороны за № 227 идеологи «пятой колонны» рассматривают как своеобразную высоту, которую необходимо взять, чего бы это ни стоило. Именно с этой высоты отчетливо просматривается будущее России, наша соборность, сопротивленческий дух. Сровнять с землей эту высоту, на которую так вовремя позвал нас Сталин, — вожделенная мечта врагов России. За это они все отдадут. Вне этой высоты мы не нация, а сброд.

Сегодня мы все беженцы в своем Отечестве. Одни бегут от надвигающегося будущего, другие устремлены в прошлое, ищут спасения у духовников. Бывшее древко государственного флага СССР для многих стало посохом...

Мне вдруг вспомнилась китайская мудрость: «Не дай бог жить в эпоху перемен».

Перемены в СССР происходили явно не в интересах государства. Горбачев не в состоянии был воспринимать мир в его целостности и единстве. Он выхватывал лишь отдельные фрагменты из жизни и потому постоянно рушил вязь времен. По-моему, он так и не понял, что Закон — это символ любви ко всему живому, хотя и закончил юридический факультет. Ни в коем случае Закон не должен служить для эгоистических побуждений фарисеев, обслуживать их идеологию. Что значит Закон для личности, славяне почерпнули по крупицам из Евангелия. «Не думайте, что я пришел нарушить Закон, — говорит Христос, — не нарушать я пришел — исполнять!»

Может, самая большая беда Горбачева заключалась в том, что он не научился отличать добро от подделок под добро. Он любил красоваться в зареве перестройки и национальные пожары в республиках воспринимал не как бедствие, а как еще один спецэффект для освещения своей фигуры. Поразительно, что Горбачев, имея в доме специалиста по Великобритании, будет прислушиваться к советам М.Тэтчер, какие конституционные реформы необходимо провести в СССР. Хотя студенту юрфака известно: Великобритания отличается от других стран отсутствием писаной Конституции. Внимал Генсек и советам Буша — как ограничить влияние спецслужб на важные решения президента. Горбачев, соглашаясь с Бушем, кивал головой, хотя надобно было знать, что «бесценные» советы он выслушивает от бывшего главы ЦРУ, матерого разведчика.

История падения Горбачева началась с политического флирта с М. Тэтчер, когда Михаил Сергеевич с Раи-

сой Максимовной отправились на «смотрины» в Лондон за год до своего звездного часа. К тому времени «забугорные голоса» всюду обсуждали геронтологические проблемы членов Политбюро. При этом столичные слушатели забугорного бреда совсем не замечали, что президент США Р.Рейган — ровесник К.Черненко, а Ф. Миттеран заменял восьмой десяток, когда его переизбрали президентом Франции. Не все также догадывались, что это не Брежнев окружил себя старцами под стать себе. Что сей букет из старцев селекционировал по цветочку Андропов, дабы обеспечить себе мощный финиш в борьбе за главную должность в партийной иерархии. Так что «проблема старцев» имела свою подоплеку.

Раиса Максимовна каким-то седьмым чувством угадала, что именно их семейству сигналият из европейских столиц. Что полный мандат доверия на избрание ее благоверного на пост Генерального секретаря могут обеспечить, как это ни выглядело парадоксально, Тэтчер, Рейган и Буш.

Надо отдать должное, на лондонских «смотринах» Раиса Максимовна весьма преуспела. Это была феерия! Несколько раз на день она меняла наряды. То набросит кокетливо на плечики горжетку, то предстанет перед дипломатами в шитых золотом туфельках. Все ждали, что чета Горбачевых отправится на кладбище поклониться Марксу, ан нет! Мадам Горбачева проложила новый маршрут, неведомый женам других членов Политбюро. И вот уже блицают камеры вездесущих фотокорреспондентов: супруга Горбачева примеряет бриллиантовые сережки в ювелирном магазине на берегах Темзы! Протокольный венок с крепом для Маркса так и не был востребован. Но почему же? Ведь еще школьником сообразительный Миша Горбачев нарисовал портреты Ильича, за что и получил премию на районных смотрах юных дарований.

Пришло время, и чета Горбачевых «посигналила» сильным мира сего — мол, мы ваш намек поняли. Оставалось спровадить Черненко в последний путь...

Флирту своего благоверного с сиятельной особой с Даунинг-стрит рассудительная Раиса Максимовна придавала огромное значение. В свою очередь, Михаил Сергеевич постарался не заметить прискорбного обстоятельства: «железная леди» в дни фолклендского конфликта отдала приказ потопить аргентинский крейсер «Хенераль Бельграно».

Словом, и «железная леди», и «бриллиантовая дама» из Москвы не переставали восхищаться своим кумиром. Маргарет Тэтчер настолько увлеклась «новым мышлением» Горбачева, что не придумала ничего лучше, как напечатать в стране великого Шекспира последние творения Генсека умопомрачительным тиражом: по три книжки на каждого жителя Лондона, восседающего у камина. Каков успех!

При всем при этом позволю себе сделать комплимент домашнему философу Горбачева. Будущие историки наверняка уловят некоторое сходство Раисы Максимовны с Маргарет Тэтчер. Последняя, взглянув на портреты своих предшественников в знаменитом доме на Даунинг-стрит изрекла: «Не беспокойтесь! Я сдвину их всех вниз!»

И Раиса Максимовна не церемонилась: раздражающие ее политические фигуры убирала!..

* * *

Разглядел Горбачева среди минеральных источников и деревянных орлов Ставрополя Юрий Андропов, он и привел его чуть ли не за ручку в Кремль. Юрий Владимирович был опытным политическим тяжеловесом-борцом, по своему усмотрению создавал политическую ауру вокруг «дорогого Леонида Ильича». Это Андропов осматрительно согнал на обочину молодых претендентов на выс-

ший партийный пост в государстве: Шелепина, Шелеста, Полянского, обвинил в барских замашках и Романова.

Андропов понимал прекрасно, что понятие «враг народа» раздражает общественность, куда более благозвучно звучит «диссидент». Не разобрать: то ли это осуждение, то ли награда, признание заслуг перед другим государством. Вот почему на закате хрущевской эпохи, когда формировался политический сленг брежневского времени, и укоренилось слово «диссидент».

Сегодня диссиденты «от Андропова» почти все при регалиях, должностях, а кое-кто из них обороняет смятые перестройкой рубежи марксизма.

Поразительно: больше всех пострадали и сегодня не востребованы те, кто остался в стране. Это известные русские писатели, публицисты, философы. И здесь, как мне кажется, необходимо вернуться к так называемому делу «русистов», ибо из «дела писателей» будущим политикам предстоит черпать нравственные ориентиры. Поможет сей экскурс в «дело писателей» взглянуть иными глазами и на фигуру Андропова.

В кремлевском деле «русистов» было больше политики, чем литературоведческих изысков. Первую страничку в этом нашумевшем деле открыл сам Юрий Владимирович. И потому западные политологи постарались представить это дело как танковую атаку державников в так называемой бескровной «филологической войне». К тому времени в некоторых республиках посчитали зазорным изучать даже язык Пушкина. Вслед за филологическими спорами в республиках получили распространение разные виды сепаратизма: от экономического до политического. К неописуемой радости нынешних столичных демократов свой гнев Андропов обрушил прежде всего на русских писателей: В. Ганичева, С. Куняева, С. Семанова, В. Сорокина, В. Чалмаева, А. Никонова. Сокрушительной критике подвергли и книгу В.Белова «Лад».

Пожалуй, этой позорной войне с русскими писателями не найти аналога в мировой истории. Мне трудно представить, чтобы государственные деятели Франции или Норвегии развернули беспощадную борьбу со своей национальной литературой, с писателями, повязанными обоюдно «самой жгучей, самой смертной связью». Неужели Юрий Владимирович не знал о «дружеском» напутствии наркома внутренних дел Ягоды М. Шолохову: «А все-таки вы — контрик». И вот о чем я подумал: если бы Юрий Владимирович жил в эпоху Л. Толстого, Ф. Достоевского, он так же бы боролся с русской литературой? Почему Андропов запретил Никите Михалкову снимать художественный фильм «Дмитрий Донской» по сценарию известного русского писателя Юрия Лощица? Впрочем, бытует и другое мнение: кто-то же должен был отвечать за всеобщую политическую наружку. В Кремле стояла ненастная погода, и нет ничего удивительного, что Юрий Владимирович прогуливался по Дзержинке под зонтиком идеологии. Шербургские были явно не в моде. И разве возвращение еще одного расстрельщика русской литературы А.Яковлева из Канады на кремлевский Олимп не штрих в биографии Юрия Владимировича?

Надеюсь, теперь понятно, почему М. Горбачев не воспользовался услугами русской партии и сервировал свою политическую кухню блюдами с тель-авивского стола, усадив за этот стол помощников и референтов Андропова. К тому времени политическая и финансовая столица из США переместилась в Израиль...

Начинал свои экономические реформы Горбачев активно и вдохновенно. Основные ее положения он косноязычно считывал с американского листа, ни в чем себе не отказывая в политической борьбе. И здесь не обойтись без замечания немецкого профессора Шубарта: «Когда Наполеон взял Берлин, немцы встали на вытяжку, когда же он взял Москву, русские подожгли свою столицу».

Похоже, история повторилась, но в ее трагическом варианте: когда последний Генсек завез в Москву демократию, как ее понимали Рейган и Буш, то порешил, что нашел панацею от всех бед, и на радостях подпалил всю экономику России и братских республик. Вскоре от них остались одни руины. Отныне мы живем в своем Отечестве подобно погорельцам, по всему миру бродим с сумой. Гитлер ограбил Германию, дабы почти 100 миллионов марок вложить в броню, пушки и самолеты. Наши же «новые русские» разворовали Россию, чтобы укрепить могущество других государств.

* * *

...Туман на дороге с рассветом становился плотнее. Над островерхими елями краснело, как огромный раскаленный жернов, солнце. Колонна остановилась. Никто ничего не объяснял. К машине, в которой ехал А.И. Тизяков, поспешили две женщины. Я узнал их — это были врачи, они-то и сделали укол Тизякову прямо в машине. Видимо, от высокого давления, оно беспокоило его и раньше.

Деревни, деревни... Проехали Завидово. Поворот влево на Козлов. Фары высветили дорожные знаки. Вот здесь в мае произошла авария.

19 мая 1991 года... Как будто кто-то требовал от меня расслабиться, побыть с женой, поехать куда-нибудь, подышать воздухом на природе. Был чудесный день, туман полз из леса к дороге, по которой юрко сновали «Жигули», «Волги» и наши две машины, как два вороненых крейсера. Мы неслись в сторону Твери, в Завидово, шутили, смеялись, а Грей, английский кокер-спаниель, сидел на самом почетном месте, положив мне лапы на колени.

В Завидовском заповеднике нас встретили Вадим Кузнецов и Тамара, повели к пруду, где резвилась форель. Каждый раз мы радовались, когда пестрая, с ярко-красными крапинками форель кувыркалась в сочной зеленой траве.

Ближе к обеду мы поблагодарили радушных хозяев и поехали в Москву. И опять рваные серые облака, скользкая дорога. Какой-то, как бы предупредительный, монолог произнес Петр Сергеевич Акимов в адрес водителя: «Ты помнишь про езду Брежнева? Сколько было аварий». И все это бы не касалось нас, думалось, что застрахованы от всех напастей.

И вдруг! Перед самым поворотом на Ленинградское шоссе молоковоз, огненно-красный, как зловещий призрак, ударил в бок багажника. Нашу машину понесло через дорогу на большой скорости. Передние колеса перепрыгнули через глубокий кювет, а задние осели.

Больше всех пострадала Эмма Евгеньевна. Правая нога в нескольких местах оказалась сломана, а левая рука, которой она ухватилась за поручень, оторвалась и держалась только на коже. Мы перенесли Эмму Евгеньевну в связную машину и помчались в Москву. Еще в машине мне удалось дозвониться до Андрея Демьянова, дежурившего в приемной министра обороны. Попросил встретить нас в красногорском госпитале. Был воскресный день, многие хирурги уехали на дачу, но к нашему прибытию их всех собрали в хирургической.

И началась операция. Первая, через три дня — вторая. Телефон не умолкал, нам спешили выразить сочувствие. Позвонил и Валентин Иванович Варенников. Он предложил мне положить на гипсовую руку Эммы Евгеньевны гвоздику... И так было каждый день, пока Эмма Евгеньевна сама не подняла упавшую на пол гвоздику...

...Колонна остановилась. Полковник из охраны предложил мне, не вылезая из машины, накинуть плащ-палатку, дескать, крестьяне глазастые, любопытные, уж они-то опознают Язова. Я ответил, что мне в машине не холодно, а что касается любопытных, во всяком случае мне не стыдно, что меня везут арестованного в Кашин.

— Откуда вам известно, куда вас везут? — взметнулись брови полковника.

— Посмотрите на указатель, на нем написано «На Кашин». Об этом городке, как и о древней Тверской земле, я кое-что знал. Например, что вдова Михаила Святого, князя Тверского, Анна после его убийства в Золотой Орде удалилась в Кашинский монастырь. В Кашине княжил один из сыновей Анны. В монастыре Анна прожила почти 30 лет, намного пережив своего недруга — князя Владимирского, больше известного как московский князь Иван Калита.

Перед въездом в город возвышался обелиск со славянской вязью: «1289 год». Обратил я внимание и на старинные, из красного кирпича лабазы, около которых стояли длинные очереди — визитные карточки эпохи Горбачева. Остряки шутили: «Это люди обсуждают новое мышление Горбачева!»

Вдруг на высоком берегу незнакомой мне речушки показалась церквушка, чуть поодаль стоял монастырь. В этом святом месте и располагалась тюрьма. Со скрипом отворились тяжелые створки ворот, и уже неласковым лаем поприветствовали правительственный кортеж Степанкова местные волкодавы.

Машины въехали на грязный тюремный двор, мне же предложили пройти в одноэтажное здание. Обыскивали тщательно, долго вертели в руках фуражку, прощупали все швы на кителе, выписали квитанцию на форму, отдельно на часы и на зажим для галстука. Взамен мне выдали широченные зековские брюки и куртку с нашивкой на рукавах: «ЗМИ». Не знаю, что это обозначало, но было ясно, что отныне я зек.

В моей комнате — две металлические кровати, металлический стол, в углу — чаша «генуя» — вот и все удобства. Чуть позже охранник принесет тощий матрас, рваные застиранные простыни, тонкое дерюжное одеяло.

Окно в камере было разбито, тюремный пейзаж заключала рамка из толстой металлической решетки. Вот и первая весточка, кто-то о себе оставил бесценные сведения: «Пенза — Николай», «Тверь — Иван», «Петр — Кострома», «Фомич из Орла». Я еще подумал, что за решетку угодили русские города, не стыдно будет подписать и Язово! А вот и неожиданная встреча: на стене среди оборванных наклеек «огоньковский» портрет Новодворской с роскошными нарисованными вахмистерскими усами Буденного. Валерия Ильинична выглядела как заправская надзирательница за славянами. Она денно и ночью бдила...

Иуда-глазок в двери постоянно открыт — он тоже бдит. Закрывается глазок лишь на секунду, когда по коридору мимо камеры ведут заключенного. Первая ночь в кашинской тюрьме показалась вечностью. Тяжелы и беспросветны мысли зека. Все счастливое рушится грудой обломков, сплошные утраты.

* * *

Утром 24 августа в камеру завели человека с большущим черным мешком. Наголо остриженный, он приветливо улыбнулся еще на пороге: «Юрий! Механик из Минска».

Говорил он не умолкая, к тому же оказался зятем Петра Мироновича Машерова. Первое, что я подумал: подсадная «кряква», психолог-оперативник.

Хорошо придумали с «зятем» Машерова. Любому захочется узнать, как убрали Петра Мироновича. Циркулировали слухи, мол, ниточка вела в Кремль. Хотя и нет доказательств справедливости этой версии, но именно Машеров разрешил опубликовать антиссионистскую книгу В.Бегуна в Минске. В Москве публицисту отказали буквально все издательства, даже «Политиздат», который увлекался этой темой. А если учесть, что сам Андропов возглавил кампанию по борьбе с «русистами», писателями

славянофильского крыла, эта версия не лишена исторической правды, более того, сегодня она обрastaет новыми подробностями. Вызывает удивление и то факт, что проводить в последний путь Машерова поехал в Минск М. Зимянин, хотя он и не был членом Политбюро, а это явное нарушение протокола, который обитателями Кремля тщательно соблюдался. Так что есть над чем поразмыслить...

Ну что же, послушаем твою версию, утенок «подсадной». Когда у тебя, «зятек», началась командировка? Как только вертухай запустил в камеру? Открой профессиональную тайну: день «заезда» в камеру и «выхода» на волю в твоей конторе оплачивают за одни сутки, как и мастерам сцены? Будучи командующим Центральной группой войск в Чехословакии осенью 1980 года, мне довелось отправлять из Карловых Вар супругу Петра Мироновича, поэтому я знал кое-какие подробности о гибели Машерова.

Юрий обстоятельно обрисовал мне детали последней поездки Петра Мироновича. Бронированный «ЗИЛ» вдруг посчитали неисправным и Машерову предложили «Чайку». Ехали по Московскому шоссе с приличной скоростью, по осевой линии, до Жодино оставалось 14 километров. Навстречу шел «МАЗ», водитель, заметив кортеж из трех машин, затормозил. Но за «МАЗом» шел самосвал, он и протаранил «Чайку». Удар был настолько сильным, что Петр Миронович, его охранник майор В. Чесноков и водитель Е. Зайцев погибли мгновенно.

Я заметил сокамернику, что почти при таких же обстоятельствах погибли Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР и командующий армией ПВО, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Беда. Что это было? Цепь нелепых случайностей или определенная закономерность? Не будем забывать: неспокойно было в Кремле, постоянно шла подковерная борьба за выживание. Политические «селекционеры»

не дремали, они все чаще задумывались над своим будущим, понимали: Брежнев не вечен, и кадры подбирали себе под стать...

А в новые времена мне больше всего запомнился траурный митинг, когда хоронили Кричевского и его компанию. Конечно, было жалко ребят, они были пешками в политической игре сильных мира сего. Чаще всех на митингах слышался голос Елены Боннэр, оперативная кличка — Лиса. Она сравнивала путчиков с фашистами. Думаю, Елена Георгиевна догадывалась: идет соревнование, кто больше грязи выльет на «путчиков». Ораторы спешили пролезть в самые высшие эшелоны власти.

Не скрою, к Елене Георгиевне я относился более терпимо, чем к другим демократическим пассионариям, все-таки она была фронтовичкой, разделяла невзгоды с академиком Сахаровым.

Андрей Дмитриевич Сахаров воевал со всеми, и нет ничего удивительного в том, что и с Сахаровым воевали все и продолжают воевать и поныне, при этом аргументы выбирают в споре с академиком самые сокрушительные, убойной силы. «Академик Сахаров, — пишет один из казахских политологов, — испытывал водородную бомбу на родине Абая и Ауэзова, великих казахских писателей». Но на это обстоятельство Андрей Дмитриевич даже не обратил внимания. Не дрогнул! И я хочу спросить межрегионалов: как бы они отнеслись к Сахарову, если бы он взорвал водородную бомбу на родине Шагала, Гроссмана, в окрестностях дачных владений Ростроповича? Да мало ли где можно было взорвать бомбу?! Полистайте справочник Союза писателей и — взрывайте, испытывайте! Почему сия доля выпала родине Абая и Ауэзова? Разве академик не располагал данными о последствиях взрыва атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки? Ведь многим интеллектуалам хорошо известно, что когда президент Трумэн принял решение сбросить одну из атомных бомб и на древнюю

столицу японцев — Киото, то бывший посол США в Японии встал на колени перед президентом США, умоляя его помиловать древнюю столицу. И тогда Трумэн на атомную казнь пригласил Нагасаки. Прекрасный сюжет для фрески в стенах ООН: коленопреклоненный посол уговаривает своего президента помиловать народ.

Ну что тут скажешь? Трудно пробиваться к истине. Смогли же русские писатели отменить поворот сибирских рек, никого не убоялись...

На траурном митинге, посвященном первым жертвам демократии, который транслировали по тюремному радио, выступил и Горбачев. Слушал я выступление Горбачева о событиях 19-21 августа и думал: «Ну вот, еще один зарождается миф. Когда же мы освободим Историю от завалов лжи?»

— Михаил Сергеевич, — разразился тирадой мой сокамерник, — на виду у всего честного мира перебегает из одного политического окопчика в другой! Самый ходовой товар в России — политические румяна. Вот увидите: сначала во всех грехах обвинят коммунистическую партию, а потом на ее развалинах начнется бурное строительство самых разных политических движений.

Мой сокамерник оказался на редкость прозорливым. Я часто его вспоминаю, когда размышляю о печальной судьбе черномырдинского движения «Наш Дом Россия». Нет, не Черномырдин виноват в развале НДР. Виноваты большие и малые вожди, которые пристроили к «Дому» Виктора Степановича свои политические мансарды. Вот дом и обрушился под тяжестью пристроек, все из него выбегают, как во время пожара. Каждый заботится о своей репутации, престиже, дабы возвести свою пристройку к новым, щедро финансируемым политическим хоромам. Когда же мы подпалим нашим миром эти политические притоны и на их месте позволим многострадальному народу построить что-нибудь и для себя? Чтобы и детей

растить с чистой совестью и со светлыми помыслами защищать наш общий дом от врагов. Когда же мы построим дом с окнами на Родину?

Где-то во второй половине дня меня и «родственника» Машерова вывели на прогулку. «Полянка» для прогулки находилась на крыше двухэтажного здания и больше напоминала камеру с потолком, увитым колючей проволокой. Над проволочным двориком — настил, по которому ходят охранники с овчарками. Спрашиваю у опытного в тюремной жизни Юрия: «А зачем собаки? Неужто отсюда возможно сбежать?»

— Для чего волкодавы? Чтобы давить на нашу психику. Чтобы мы выглядели ниже четвероногих. И наш долг — не оскотиниться. Поэтому перейдем лучше к культурной части нашей программы. Дмитрий Тимофеевич, что вам известно о Кашине?

— Судя по стеле при въезде в городок, дата основания Кашина — 1289 год, время княжения в Твери Михаила Святого. Отец его, Ярослав Ярославович, был братом Александра Невского. По утверждению историка Сергея Соловьева, князь Михаил родился в 1272 году и был убит в Орде в результате дворцовой интриги. После его гибели Кашинский уезд унаследовал младший сын Михаила Святого — Василий.

Говорили мы с Юрием долго, пора было и вздремнуть, но цепь на двери вдруг заскрежетала, защелкал ключ в огромном замке, со скрипом полуотворилась тяжелая дверь...

— Язов, — слышалось, — на выход с вещами!

Вещи были тюремными, и потому сборы оказались недолгими. Я догадался: на сей раз мы поедем в Москву! Выхожу из блока — снова стоят БТРы, кругом охрана, «Волги». Подошел к машине. В свете фар видно, как ветер рвет и крутит пожухлые листья. В тюрьме, отметил я, осень наступает чуть раньше...

Российский «Маяк», радио «Эхо Москвы» в эти дни стояли у плиты политического варева. Всех, кто ратовал за сохранение СССР, называли «путчистами». А тех, кто вел страну к развалу, именовали последовательными демократами. Наступят иные времена, и демократы начнут грызть друг другу глотки. Таковы нравы стаи.

* * *

Уже 23 августа нас по инициативе генерал-лейтенанта Махова исключили из партии. Поговаривали, правда, но я в это не верю, дескать, офицеры Главного штаба ВМФ приняли обращение к министру обороны Язову: объявить о своем выходе из ГКЧП, «следовать указаниям всенародно избранного».

Мне доподлинно было известно, что вечером 21 августа Горбачев по телефону разговаривал с начальником Генерального штаба генералом армии М.А.Моисеевым и приказал ему возглавить Министерство обороны СССР. Но нашлись более «преданные», они-то и подставили Моисеева и других совестливых генералов, лелея надежду занять сей ключевой пост.

Первым отрапортовал о своей преданности демократам генерал-полковник Шапошников. Он поспешил заявить, что сегодня, 23 августа, на заседании Военного совета ВВС будет обсуждаться вопрос о его, Шапошникова, выходе из рядов КПСС. Шапошников потом вспоминал, ему позвонил Моисеев и предупредил:

— Евгений Иванович, я в приемной Горбачева. Он просит вас прибыть к нему.

— По какому вопросу?

— Не знаю, — ответил Моисеев и спросил: — А это правда?

— Что правда?

— А то, что ты из партии вышел?

— Правда!

— Ну, ладно, подъезжай...

Кто же взрастил генерала? Кому он обязан своей блистательной карьерой? Если бы Шапошникова спросили об этом в начале 1991 года, Евгений Иванович без колебаний бы ответил: «Партии!» И уточнил бы: «Родной партии!» Одним словом, Шапошников повторил уже не смертельный трюк театра Марка Захарова.

Но это было только «славное начало». Позже Шапошников сдаст козырную карту, о которой мечтали в германском рейхе. В минуту величайших стратегических размышлений, озарений в борениях с коммунистами, бывшими своими товарищами, Шапошников выдаст перл — дескать, ради торжества демократии не грех сбросить и бомбы на Кремль.

Через три года в интервью программе «Новый взгляд» Шапошников подробно опишет и свой визит в Кремль. «Я не угадал причину вызова к Президенту СССР. Оказывается, в Кремль меня пригласили, чтобы назначить министром обороны Советского Союза. Произошло это в присутствии всей новоогаревской команды — Горбачева, Ельцина, Назарбаева, Кравчука и других. Когда Михаил Сергеевич объявил о своем решении, я немного посопровтивлялся. Очень уж неожиданно все случилось, да и авиацию бросать не хотелось. Горбачев, правда, тут же возразил: «У тебя и ВВС останутся, и все другие войска добавятся. Мы сейчас у товарищей спросим, есть ли возражения против твоего назначения?»

Борис Николаевич Ельцин, которого я впервые в жизни так близко видел, сказал: «Какие возражения могут быть? Мы же все решили!»

Бесценную мысль Ельцина подхватил Михаил Сергеевич, он распорядился: «Принесите указ».

— Пока руководитель аппарата Президента Г. Ревенко, — продолжает Шапошников, — ходил за документом,

я решил, что нужно до конца прояснить ситуацию. «Михаил Сергеевич, вы не все обо мне знаете. Я только что вышел из КПСС». Немая сцена. Все молча переглядываются и смотрят на Президента СССР, ожидая его реакции. Спустя мгновение Горбачев ответил: «Вышли — значит вышли. Это не самая большая беда», — и подписал указ. После этого пригласил Моисеева. При этом Михаил Сергеевич предупредил Михаила Алексеевича, чтобы тот не делал никаких глупостей, очевидно, имея в виду самоубийство.

Моисеев же, не разобравшись, ляпнул: «Заверяю вас, товарищ Генеральный секретарь, что таких глупостей, как Шапошников, делать не буду и из партии никогда не выйду».

Проинформировало меня тюремное радио и о других кадровых перестановках: начальником Генерального штаба назначен генерал армии В.Н. Лобов, первым заместителем министра обороны — генерал П.С. Грачев.

* * *

Я, конечно, догадывался, что в эти дни на самой вершине власти царит что-то невообразимое. Самозванные «кадровики» подбирали команду. Бывшие денщики советских вождей сбрасывали с вершины власти менее расторопных, более совестливых. Почувствовав себя под сенью какого-нибудь вождя-демократа, они называли Россию не иначе, как «империей зла». В те памятные дни 1991 года многие карабкались на танк у стен Белого дома и слезали с брони уже при орденах, чиновниками самой высочайшей пробы. Без зазрения совести они изгнали с дач вдов полководцев, видных военачальников, конструкторов-оружейников, захватив их собственность под самыми разными предлогами. К сожалению, великий передел нравственности царит и поныне. Но еще Лукреций предупреждал: «На страшное злодейство нас обрекает без-

нравственность». Увы, не было в Белом доме кабинета с табличкой «Лукреций»!

Вспоминаю А. Бовина, придворного льстеца. Как он удивился, что на пресс-конференции среди членов ГКЧП сидел крестьянин Василий Стародубцев. Литобработчик статей и выступлений генсеков чуть ли не плакал от досады. Судьбу отныне вершили простые русские мужики. Это Бовин обкормил весь народ бездарным лозунгом: «Экономика должна быть экономной». За свою пылкую любовь к Генсеку потребовал ни много ни мало — место посла в Люксембурге. Брежнев оторопел от подобного проявления чувств преданности к Марксовой идее. «Такой большой Бовин — и на маленький Люксембург?» — умело отказал Брежнев льстецу.

Успешно набирал политический вес и бывший преподаватель, окроплявший марксизмом уральское студенчество, Геннадий Бурбулис, один из редакторов позорного Беловежского документа.

С Бурбулисом чуть позже приключится презабавная история. Возомнив себя вождем-идеологом при ельцинском дворе, которому и океан по колено, практик-теоретик на одном из приемов изрядно набрался «коньяков из Парижа». При этом он обрушил все это «богатство» на дивный цветок в горшке, дар японских парламентариев. И как на беду — рядом стояла Наина Иосифовна. Супруга президента, она нашла в себе мужество решить «кадровую» проблему Бурбулиса. Правда, пикантность сей ситуации состоит еще и в том, что несколькими годами позже памятного приема Бурбулис попытается возглавить «Конгресс российской интеллигенции». По-видимому, ожидался большой завоз икебаны из Страны восходящего солнца. Другой, более светской кандидатуры, дабы возглавить интеллигенцию России, не нашлось...

Среди столпов демократии все чаще встречаются типажы, которые заставляют задуматься: да неужто катего-

рия нравственности канула в прошлое? Посмотрите на глашатая столичной демократии Николая Сванидзе, который на российском ТВ поучает нас, как следует понимать права человека. «В СССР я был дворником, — сообщил о себе бесценные сведения служба демократии, — но когда в августе 1991 года Россия вернулась в лоно цивилизации, мои друзья воспрянули духом!»

И я хочу спросить бывшего дворника: «Да неужели кремлевские вожди мешали М. Ромму снимать фильм «Девять дней одного года», Г. Товстоногову работать над «Холстомером», С. Бондарчуку создавать мировые шедевры, Е. Евтушенко А. Вознесенскому сочинять хрестоматийные глянцы: «Казанский университет», «Лонжюмо», и разве Г. Вишневская, поработавшая буфетчицей, свой певческий дар угробила в офицерской гарнизонной столовой?»

Но вернемся к Николаю Карловичу. Стоило ему заполнить свой идеологический «надел» на российском ТВ, как ярый борец с цензурой и притеснениями без зазрения совести закрыл неудобные ему телевизионные передачи. Более тридцати программ «прихлопнул» певец демократических свобод! Да М. Сулов и за всю свою жизнь столько не закрыл. Но если Сулов расправлялся с чужаками, то Сванидзе беспощадно бьет по своим. Не верите — спросите Светлану Сорокину, со всем своим демократическим «скарбом» от глашатая свободы она перешла на другой телевизионный канал.

Может, кто-то попытается оспорить мое мнение, но я называю ее коллегу Ирину Зайцеву мужественной женщиной. Автор передачи «Герой без галстука», она умудряется, вопреки царящей строгой цензуре на ТВ, показывать «скромный» быт кремлевских вождей, глав администраций, республиканских президентов. Да подобная роскошь в их логовах-коттеджах не по плечу и многим арабским шейхам! Не понимаю я, почему Сажи Умалато-

ва до сих пор не присвоила звания Героя Социалистического Труда за последовательное разоблачение «скромных» возможностей зарвавшихся местных царьков. Молодец, Ирина!

А что же наш давний знакомый Николай Карлович? Железной метлой идеологии он выметает всех инакомыслящих с ТВ, и прежде всего — русских.

Не понимаю я и Марка Захарова. Уж так добросовестно пропагандировал лучезарное ленинское учение среди столичной молодежи, советовал школярам в себе искать Ленина. Это Марк Анатольевич клятвенно заверял вождя московских коммунистов Гришина, что еще послужит торжеству марксизма-ленинизма. Правда, были и другие режиссеры, например, Андрей Александрович Гончаров, он обошелся без ленинианы и ничего — выжил, остался великим режиссером в истории русского театра!

Сегодня Марк Анатольевич любит вспоминать, как после каждой шатровской премьеры его вызывали на Старую площадь, учили подлинному марксизму. Но мы-то знаем подоплеку этих «проработок». С легкой руки Марка Захарова шатровских Ильичей тиражировали по всем провинциальным театрам, ибо запретный плод — сладок!

* * *

Предвижу, что кто-то может меня упрекнуть в забвении идеалов социализма, дескать, даже Язов сомневается в учении Ильича, еще немного — и запишется в партию Новодворской — Борового сплавлять картонные гробы с коммунистической символикой по Москве-реке.

Хочу успокоить своих боевых товарищей, соратников: не для того я проливал свою кровь на фронтах Великой Отечественной, чтобы вляпаться в гражданскую войну яковлевых, бурбулисов, чубайсов, кохов. Хотя признаюсь: взять Москву нам будет труднее, чем Берлин...

Да, тяжек крест людей, их ответственность перед державой, которые не ради политического вождения пришли управлять этим непростым миром. И чтобы не рухнул наш славянский мир, не распалась связь времен, каждый, стоящий у власти, обязан находиться в светлом поле деяний и поступков. Давно пора нам понять, что Родина — это не только деревня, где ты появился на свет, где работаешь и живешь ради своих детей. Государство — это наши благородные деяния, нечто слагаемое из полей, гор, лесов, рек, дающих жизнь таким же городам и деревенькам, соединенным общностью языка и историей, нравственными поступками наших предков, их верой и воинской доблестью. Вся политическая география нашего государства издавна вплетена в суровую нить личной судьбы каждого из нас.

К сожалению, сегодня что ни политик, то наставник. А «нравственность» политиков такова, что перед ней меркнут подвиги отцов-пустынников. Вот в такую драматическую эпоху мы живем.

НОВЫЕ ДОПРОСЫ. ГОРБАЧЕВ И «ЯДЕРНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК»

Машины шли на большой скорости по вновь отремонтированному шоссе Сергиев Посад — Москва. Часам к двум 26 августа подъехали к «Матросской тишине», открылись тяжелые ворота, около которых стояли бронетранспортеры.

В камере номер 201 на втором этаже «Матросской тишины» меня встретил молодой человек Андрей Антонов. Камера была наполовину покрашена в черно-зеленый цвет, наполовину небрежно оштукатурена серым цементом. Шел третий час ночи. Я начал раскладывать тонкий черный матрац на металлические полосы двухэтажной, сваренной из труб кровати. Андрей, конечно же, знал, что эти полосы врезаются в тело, потому невозможно уснуть. Он и предложил мне подложить картонный лист, который тут же достал из-под своего матраца.

— У меня два листа, — пояснил Андрей. — Здесь сидел узбек, его ночью срочно перевели в другую камеру, и я этот лист подложил под свой матрац.

Впервые с 21 августа я крепко уснул, но тут же услышал команду; «Подъем!», которую старательно, словно спала в камере целая рота, через «кормушку» проорал охранник. Теперь-то было ясно, что меня привезли в Матросскую Тишину на допросы. Правда, я пока не знал, кого еще арестовали, кто находится в этой «Тишине». Всю информацию тщательно дозировали, радио не включали.

Утром новость: застрелился Борис Карлович Пуго. Позже в камеру пришла весточка, что ушел из жизни и Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев. Я понимал, что степень участия Ахромеева в августовских событиях был символичной, и до сих пор не могу поверить в эту нелепую смерть. Слишком много здесь загадочного, Сергея Федоровича отличали мужество и кристальная порядочность. Ну что ж, держись, Язов! Уходить из жизни сейчас — подарок для переворотчиков, они об этом только и мечтают. Все на тебя спишут.

Снова меня пригласили снять отпечатки пальцев, сфотографироваться в зековском костюме. Я попытался объяснить, что в кашинской тюрьме уже фотографировали в профиль и анфас, но «специалисты» не церемонились: «Мы выполняем приказ, вот и весь сказ».

Вечером Андрей рассказал о себе, как попал в «Тишину». Родом он из Якутии, отец — кумык, мать — русская. Закончил геолого-разведочный институт в столице, поступил в заочную аспирантуру. Но на свою беду связался с кооперативом, которым «руководил» муж его двоюродной сестры. Этот деятель направил его в Якутию за золотым песком, где Андрея и повязали. А муж сестры изловчился и, получив свободный кредит, выехал в Израиль.

Верить Андрею? Или нет? Камера на восемь человек, но почему мы вдвоем? Почему «золотоискателю» подобная привилегия? Нет, с ним надо держать ухо востро...

Через день мне вручили под расписку посылку от Эммы Евгеньевны. Спортивный костюм, рубашки, электрическая бритва. Но почему нет записки? Что случилось? Наверняка был обыск в доме, как она там одна?

Я рядил и гадал: где Эмма Евгеньевна? В Баковке или в нашей московской квартире на улице Косыгина? Никто мне на мои вопросы так и не ответил, ни Леканов, ни Соловьев. Правда, Леканов вручил мне от супруги две пач-

ки сигарет «Мальборо», хотя, как я позже узнал, Эмма Евгеньевна передала мне целый блок.

Меня волновало также, когда состоится первая встреча с адвокатом. Я же не могу сам связаться с адвокатской конторой. Вскоре Соловьев назвал мне фамилию адвоката — Печенкин. Соловьев установил треногу для фотоаппарата и начал снимать мой офис-камеру, меняя ракурс. Тогда я еще не знал, допрос без адвоката не имеет юридической силы, что я имею право сколько угодно встречаться с защитником, в том числе и наедине. Все разговоры с защитником тайно подслушивались, правда, добытые подобным образом сведения доказательной силы не имели. Они могут быть использованы против обвиняемого в иных целях.

В камеру нам доставляли исключительно «демократическую» газету — «Известия». Официальное чтение для зеков. «Вот почему, — подумал я, — у «Известий» всегда был большой тираж». Заливалось радостным щенячьим визгом и «Радио России»: «Наступил поворот во внешней политике. Наконец-то закончилась «холодная война». Полководцами мира отныне называли Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе.

Целый день в камере горел дневной свет. Только ночью зажигалась красная лампа, словно кровью налитый глаз. Я пытался прикрыть это направленное свечение газетой, но тут же открывалась дверь. Каждый раз бдительный наблюдатель-майор срывал мое нехитрое «изобретение», дескать, не положено, я вас не вижу. Наверное, охранник полагал, что я повешусь на своем спортивном костюме... Я еще подумал: «В армии майоры командуют батальонами, в войну командовали полками, а здесь майор стоит возле «глазка» каждой камеры».

В эти же дни пришла весточка с Воробьевых гор. Горбачев даровал мою квартиру на улице Косыгина Шапош-

никову: «Язовскую жену куда-нибудь переселим, ты моим соседом будешь».

Неправедный суд творил Горби. Он хорошо знал, что, пока обвиняемый находится под следствием, жилье за ним сохраняется в течение всего времени, как за временно отсутствующим гражданином...

* * *

Я еще раз напомнил следователю об адвокате, а он, в свою очередь, начал расспрашивать меня о «ядерном чемоданчике», о РВСН, КВО и других видах Вооруженных сил, степени их участия в событиях 19 — 21 августа. Интересовался также, привлекались ли работники Министерства обороны для обсуждения вопроса о штурме Белого дома?

По нашему делу работало более 100 следователей, и, естественно, Прокуратура РФ располагала огромным набором фактов, достоверных и вымышленных. А главное, заканчивался срок нашего пребывания в качестве подозреваемых. Поэтому следствие во что бы то ни стало готовилось предъявить нам обвинение. Собранных доказательств по делу было недостаточно, но тем не менее 30 августа мне предъявили обвинительное заключение. Мой защитник при этой процедуре не присутствовал.

Леканов, безусловно, знал, что если мой защитник не может участвовать в деле по каким-либо причинам — болезнь, отпуск, командировка, — то предъявление обвинительного заключения должно быть отложено до явки адвоката. Только после 30 августа Леканов приехал в СИЗО вместе с адвокатами Н.В. Печенкиным и Л.С. Абельдяевым.

Следователь, хитрый «забойщик», начал разговор с того, что 30 августа, когда было предъявлено обвинение, не было защитника. «Сейчас же, в присутствии адво-

катов, — объяснил Леканов, — мы будем вести разговор практически о том же, о чем договорились до 30 августа. Я хочу узнать: чувствовали вы себя ущемленным в своих правах?»

Я ответил, что не могу сказать, что меня ущемляли, хотя я и не имел возможности получить юридическую консультацию. Это не шуточное дело, когда тебе инкриминируют измену Родине. Разве из допроса следует, что я подорвал обороноспособность страны?

— Из нашего разговора, — подчеркнул Леканов, — вытекает, что вы и другие лица сговорились и, не соглашаясь с политикой Президента, решили его отстранить от власти. Вот в чем соль и ваша беда!

На это я ответил:

— В любом государстве народ представляет собой главную ценность. Народу принадлежит право выбирать, какой иметь общественный и государственный строй. На референдуме 17 марта народ проголосовал за Союз Советских Социалистических Республик, поэтому новогаревский договор — антиконституционный. Мы были вправе выступить против его подписания. Возможно, в способе сорвать подписание договора мы и ошибались. Но почему вы не поставите вопрос: не оскорбил ли Президент свой народ, заменив название СССР на СНГ? И для чего собирались подписывать договор по формуле «9+1»? Неужто забывали, что в Союзе 15 республик, почему другие республики не приняли в расчет?

— Вы не знаете свой народ. Вы даже не заметили, что оскорбили его воззванием ГКЧП. Мне кажется, вы сами почувствовали отрицательную реакцию народа на ваши действия.

— На стороне порушителей Конституции выступила жалкая кучка, несколько десятков тысяч человек из девяти миллионов москвичей. А потом, Москва — не весь

Союз. Учтите, народы Союза проголосовали за сохранение государства.

Наконец адвокаты стали задавать и мне вопросы. Первым спросил Печенкин:

— Вам вменяется в вину, что вы участвовали в устранении от власти руководства РСФСР.

— Ничего подобного не было. Силаев, Руцкой, Хасбулатов были у Янаева, Лукьянова, никто их не задерживал. Янаев и Крючков разговаривали с Ельциным, тот их спрашивал о штурме Белого дома.

Нас прервал Леканов:

— Ну уж если так, то давайте поговорим о плане, который разрабатывался в Министерстве обороны по захвату руководства РФ и штурму Дома правительства.

Я ответил:

— Весь этот «свист», извините за такое выражение, необходим был Ельцину для поднятия своего престижа. Без штурма нет и героев. Ростропович не напрасно там околдовался, играя роль подушки для спящего защитника. Свою лучшую роль в политическом спектакле сыграл и Шеварднадзе. Он жаждал получить свой надел — Грузию.

Но вот в разговор включился Абельдяев:

— У меня вопрос, связанный с признанием суверенитета республик и выхода их из состава Союза. Как это отражается на обороноспособности государства? Усиливается она или ослабляется?

— Это важный вопрос. С развалом государства ликвидируется вся система обороны. Система предупреждения ракетного нападения строилась исходя из целостности государства. Большинство станций предупреждения о ракетном нападении размещены вне территории РСФСР. Какой теперь может быть разговор о боевой готовности?

Тогда еще пытались обманывать народ разговорами о едином командовании, о том, что станции будут работать на безопасность России. Теперь же, спустя несколько

лет, все поняли: это был блеф. Пример тому — «Скрунде». Заискивая перед американцами, разрушили систему предупреждения ракетного нападения. То, что годами создавал весь народ.

«За нами — подвиг наших отцов и дедов, — кликушествовал Горбачев, — миллионы людей труда: рабочих, крестьян и интеллигентов, которые 70 лет назад взяли на себя прямую ответственность за судьбы нашей страны».

* * *

3 октября в «Тишину» примчался меня допрашивать и заместитель генерального прокурора независимой и самостийной Украины Даниленко. От российской прокуратуры присутствовал Соловьев. В полном смысле слова шла «охота на ведьм», и, конечно же, Кравчук не хотел отставать от Горбачева и Ельцина.

По совету моего адвоката иностранному прокурору на все вопросы я отвечать отказался. Вопросы мне переадресовывал Соловьев. Вот запись этого допроса.

— Вы планировали ввод чрезвычайного положения на Украине и кто должен был оказывать вам в этом содействие?

— Не планировал. Это прерогатива украинского руководства.

— Кто из должностных лиц Украины — парламентариев, членов кабинета министров, ЦК КПУ был информирован о вашем замысле еще до 19 августа? По чьему указанию приезжал в Киев Варенников и с какой целью?

— Никто. По служебной необходимости, связанной с выводом войск из-за границы, Варенников сам решал, с кем ему надо встретиться. Валентин Иванович являлся членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР, так что полномочий у него было достаточно.

— Поручалось ли Варенникову проводить совещание и по какому поводу?

— С властными структурами он совещаний не проводил, а что касается военных, то в поручениях он не нуждается. Он — заместитель министра обороны и имел на это право.

— Поручалось ли Варенникову создавать ГКЧП на Украине, какие действия он должен был совершить?

— Не поручалось.

— Поступали ли от Варенникова шифровки?

— Да.

— С какой целью в дни путча Михалкин был на Украине? Кто его туда послал?

— Он находился в отпуске, куда ехать, где отдыхать — это его право.

— Отправляли ли вы директивы на Украину?

— Да. Была послана одна директива по приведению войск в повышенную боевую готовность.

— После прилета в Москву из Киева о чем вас проинформировал Варенников?

— Доложил, что войска приведены в повышенную боевую готовность, что его вместе с командующим войсками округа генерал-полковником Чечеватовым принял Кравчук.

* * *

4 октября меня снова вызвали на допрос, на сей раз к Лисову, заместителю Генерального прокурора России.

— В феврале 1991 года у А.И. Лукьянова в кабинете состоялось совещание ответственных руководителей нашего государства. Чтобы мой вопрос не был в какой-то степени наводящим, я бы просил ответить на него сле-

дующим образом: подтверждаете ли вы, что такое совещание было, свое участие в нем, и если да, то кто в нем принимал участие?

— Ни на одном совещании в кабинете Лукьянова ни в феврале, ни после я не был.

— По данным следствия, была встреча на даче у Крючкова, где присутствовали и вы.

— Нет. Я даже не знаю, где дача Крючкова. Мы встречались однажды в здании КГБ. Там был Крючков, один его офицер и секретарь ЦК Компартии Латвии. Шел разговор о положении в Латвии.

— В июне вы встречались с Крючковым и Баклановым в кабинете Крючкова. О чем шла речь?

— Речь шла об испытании ядерных боеприпасов на Новой Земле. Через некоторое время туда вылетала группа специалистов, состав которой был определен на этой встрече.

Лисов назвал фамилии якобы присутствовавших на совещании: Пуго, Янаев, Тизяков, Прокофьев, Шенин, Агеев, Плеханов.

Я ответил, что на подобном совещании, да еще с участием названных товарищей, мне не доводилось присутствовать.

Лисов продолжал допрос:

— А вопрос о положении в стране, о возможном вводе чрезвычайного положения не обсуждали?

— Я же сказал, что в связи с закрытием Семипалатинского полигона мы втроем обсуждали вопрос испытаний ядерных боеприпасов на Новой Земле.

— Что вы можете ответить на вопрос о том, что подобная встреча состоялась 12 августа между вами, Пуго, Баклановым и Стародубцевым?

— Пуго в это время был в отпуске, со Стародубцевым я не был знаком, мы ни разу не встречались.

— Имела ли место встреча в первой половине августа в таком составе: Лукьянов, Пуго, Язов, Крючков, Янаев, Бакланов, Тизяков?

— Нет, на подобной встрече, как и на других, в первой половине августа я не присутствовал.

— Кто направил вертолет за Лукьяновым?

— Я посылал, но прилетел Лукьянов на гражданском вертолете.

— Обсуждался ли вопрос об уничтожении самолета с Ельциным при перелете его из Алма-Аты?

— Даже разговора на эту тему я не слышал.

— Зачем 20 августа заходили в кабинет к Ачалову, к чему призывали? Говорили: «Товарищи, Отечество в опасности».

— В деле находится предсмертная записка Сергея Федоровича Ахромеева. Там говорится, что мы заглянули в кабинет Ачалова на 3-5 минут. Заслушали мнение Ачалова, Громова, Карпухина и других товарищей о ситуации в Москве. Но что я произнес «пламенную» речь — чепуха. Я напомнил несколько строф из стихов Семена Гудзенко — вот и все мое выступление.

— Следствие рассматривает важные вопросы обороноспособности страны. Речь идет о структуре защиты государства от любого нападения извне, которая у нас существует и предусмотрена. Получилось так, что президент Горбачев был лишен возможности в эти дни принимать участие в защите государства от нападения, потому что специально приспособленные устройства, заключенные в соответствующие чемоданы, были отозваны в Москву.

— Никакой кнопки в чемоданчике нет, это кодовая телесвязь для двух-трех корреспондентов, позволяющая посоветоваться в чрезвычайной ситуации. Вопросы применения ракетно-ядерных средств решаются на командном пункте Генерального штаба. В случае, если же про-

тивник упредил нас в нанесении ядерного удара, то ответный удар происходит автоматически.

Я понял, что Лисов верит в то, что был заговор, он находится под гипнозом газетной, радио- и телевизионной трескотни. Впоследствии я узнал, что прокуратура в эти дни получала от «доброхотов» пачки писем с предложением «пролить свет», рекомендации по уничтожению «путчистов».

* * *

Допросы продолжались практически до Нового года. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого вторично было вручено мне 2 декабря 1991 года.

Приведу его полностью, хотя и это постановление было отменено, также как и последующее, третье.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о привлечении в качестве обвиняемого
2.12.1991 года
г. Москва

Заместитель Генерального прокурора РСФСР Лисов Е.К., рассмотрев материалы уголовного дела о заговоре с целью захвата власти, сделал вывод, что в настоящее время собранные в процессе дальнейшего расследования доказательства дают основания для изменения, дополнения этого обвинения и предъявления Язову Д.Т. нового обвинения, а именно: в заговоре с целью захвата власти как самостоятельного преступления, совершенного им при следующих обстоятельствах.

В августе 1991 года Язов Д.Т., будучи Министром обороны СССР, в составе лиц, занимающих государственные посты: Премьер-министра СССР Павлова В.С, Председателя КГБ СССР Крючкова В.А., заместителя Председателя

Совета Обороны СССР Бакланова О.Д., руководителя аппарата Президента СССР Болдина В.И., а также секретаря ЦК КПСС Шенина О.С, не разделявших позиции Президента СССР по вопросу подписания 20 августа 1991 года нового Союзного договора, в котором он вместе с указанными лицами усматривал опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения и утрату личного благополучия, организовал заговор с целью захвата власти в стране.

Для осуществления преступных планов в заговор по предложению его организаторов также вошли Председатель Верховного Совета Лукьянов А.П., Вице-президент СССР Янаев Г.П., Министр внутренних дел Пуго Б.К., президент ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР (АГПО СССР) Тизяков А.И., председатель Крестьянского союза Стародубцев В.А., первый заместитель Председателя КГБ СССР Агеев Г.Е., начальник службы охраны КГБ СССР Плеханов Ю.С., начальник специального эксплуатационно-технического управления при ХООЗУ КГБ Генералов В.В., заместители Министра обороны СССР Варенников В.И. и Ачалов В.А. 17 августа 1991 года на расположенном в г. Москве конспиративном объекте «АБЦ» КГБ СССР Язов вместе с Крючковым, Павловым, Баклановым, Шениным, Болдиным при участии Варенникова, Ачалова и Грушко разработали план захвата власти, в соответствии с которым участниками заговора было намечено: Президента СССР, находящегося на отдыхе в Форосе (Крым), изолировать на даче и лишить связи с внешним миром, после чего предъявить ему ультимативное требование: ввести в стране режим чрезвычайного положения либо уйти в отставку.

При отказе Президента выполнить указанное требование осуществить его дальнейшую изоляцию, представить его больным и потому не способным к руководству,

обязанности Президента возложить на Вице-президента СССР Янаева, образовать для управления страной Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР с передачей ему полномочий высшего органа власти, ввести в стране чрезвычайное положение.

Для осуществления намеченного плана при участии Язова было принято решение о направлении в Форос к Президенту СССР группы участников заговора в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова и Генералова с задачей изолировать Президента и предъявить ему выработанные требования.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года возвратившиеся от Президента СССР Бакланов, Шенин, Болдин и Плеханов сообщили о его отказе выполнить предъявленные требования; по совместному решению Язова, Крючкова, Павлова, Бакланова, Шенина, Болдина, Янаева, Пуго, Лукьянова, Грушко, Плеханова и Ачалова, к которым впоследствии присоединились Тизяков и Стародубцев, Янаев в нарушение Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР, подписав на этот счет соответствующий Указ.

Продолжая преступные действия, Язов совместно с другими участниками заговора принял решение об образовании для управления страной антиконституционного органа — ГКЧП СССР с передачей ему всей полноты власти в стране, вошел в состав указанного Комитета и, таким образом, наравне с членами ГКЧП Баклановым, Крючковым, Павловым, Пуго, Стародубцевым, Тизяковым и Янаевым незаконно принял на себя полномочия высшего органа власти, то есть непосредственно осуществил захват власти в стране.

Совместно с другими участниками заговора Язов с целью обеспечения действий ГКЧП принял обращение к советскому народу и обращение к главам государств и пра-

вительств и Генеральному секретарю ООН. Осуществляя дальнейшие планы заговора, Язов 19 августа 1991 года непосредственно участвовал в принятии членами заговора противозаконных решений о введении в г. Москва чрезвычайного положения и о вводе в город войсковых подразделений; постановления ГКЧП № 1, которым грубо нарушались суверенитет республик и конституционные права граждан; постановления ГКЧП № 2 об ограничении в нарушение Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» перечня выпускаемых центральных, московских, городских и областных общественно-политических изданий; решения о проведении пресс-конференции для советских и зарубежных корреспондентов для обоснования действий заговорщиков.

20 августа 1991 года также совместно с другими участниками заговора Язов принял решение об ужесточении режима Гостелерадио СССР; о признании не имеющими юридической силы Указов Президента РСФСР № 59, 61, 62, 63 и постановления Совета Министров РСФСР № 435 от 19 августа 1991 года; об образовании штаба ГКЧП под руководством Бакланова; о направлении руководителям республик, краев и областей РСФСР телеграммы с предписанием образовать на местах органы, аналогичные ГКЧП.

Принимал участие в совещании в Министерстве обороны и на заседании ГКЧП по вопросу захвата Дома Советов РСФСР, что не было осуществлено в результате массового противодействия граждан и неповиновения непосредственных исполнителей операции.

Для осуществления планов заговора Язов использовал имевшиеся в его распоряжении силы и средства Министерства обороны и Советской Армии, а именно: 16 августа 1991 года он дал указание о подготовке двух вертолетов для доставки 18 августа в Москву для участия в реализации планов заговора А.И. Лукьянова.

18 августа направлял в ряд военных округов своих представителей для обеспечения предстоящего режима чрезвычайного положения.

Дал поручение о содержании и охране на территории в/ч 54164, расположенной в Московской области, подлежащих интернированию народных депутатов и других лиц из числа возможных противников заговора.

Распорядился о предоставлении самолета для доставки в Крым к Президенту СССР членов заговора Бакланова, Болдина, Шенина, Варенникова, Плеханова и Генералова. Распорядился отозвать из места пребывания Президента СССР офицеров, обеспечивающих возможность Президента воспользоваться в случае необходимости абонементским комплексом № 1 управления стратегическими и ядерными силами, и об изъятии указанного комплекса. 19 августа 1991 года дал указание о введении в Москву воинских подразделений.

Поручил организовать над Москвой воздушную разведку.

Отдал приказ о приведении всех войск в состояние повышенной боевой готовности и направил на этот счет директиву.

20 августа 1991 года поставил командующему Московским военным округом Калинин у задачу по обеспечению в Москве комендантского часа.

Распорядился о перевозке из Одесского военного округа двух полков ВДВ.

Таким образом, Язов Д.Т. совместно с Павловым, Крючковым, Баклановым, Шениным, Болдиным, Пуго, Тизяковым, Агеевым, Плехановым, Генераловым, Варенниковым, Ачаловым организовал и осуществил заговор с целью захвата власти в стране, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (статья 64 УК РСФСР).

На основании изложенного, руководствуясь статьями 143, 144, 154 УК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Привлечь Язова Д.Т. в качестве обвиняемого по настоящему делу, предъявив ему обвинение в преступлении, предусмотренном статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (статья 64 УК РСФСР) — заговор с целью захвата власти, о чем ему объявить.

Заместитель Генерального прокурора РСФСР

Е.К. Лисов».

* * *

После возвращения с допроса я показал сокамерникам записку, присланную Эммой Евгеньевной через адвоката. Временами надоедало говорить только о следствии. Отдушиной была возможность поговорить о семье. Я рассказал, что из Омска приехала жена брата Мария Степановна, из Хабаровска прилетела моя двоюродная сестра Нина Петровна. Они помогают Эмме Евгеньевне преодолеть одиночество. Особенно я был благодарен врачу Владимиру Ивановичу Галину, который поддерживал в трудную минуту мою супругу, не позволял ей впасть в уныние.

Моих сокамерников на допросы не вызывали. Поэтому у них было время читать прессу. Вспоминаю статью в «Известиях» «За чашкой чая», которую они мне порекомендовали почитать. Горбачев на встрече с журналистами рассказывал байки. Якобы десантники уже ползли по территории дачи, а корабли шли в атаку! Вместо четырех сторожевых кораблей на рейде обитатели дачи насчитали четырнадцать. Ах, как умел приврать Михаил Сергеевич, ему не было равных! Хотя я ошибаюсь: был еще один враль — Яковлев. Упрятанные за решетку, мы вынуждены были сносить и клевету, и оскорбления в свой адрес. Даже руково-

дитель следственной группы Лисов 4 сентября 1991 года заявил в «Литературной газете»: «От нас требуют не разбирательства, а быстрой кары для этих людей».

Лев Абельдяев, мой защитник, дал ответь оборотням в своей статье в «Патриоте». Приведу маленький фрагмент из этой статьи, ибо он характеризует нравы новых обитателей Кремля: «Судя по всему, над маршалом, как, впрочем, и над другими обвиняемыми по этому делу, готовят не суд, а самую настоящую расправу, не имеющую ничего общего с правовыми действиями. Вспомним август 1991 года. Уже с 19-го числа пошли указы президента Российской Федерации. В них все члены ГКЧП заранее были названы преступниками. На весь мир объявили, что они совершили тягчайшее государственное преступление. А ведь ни у кого, даже у президента, нет права причислять кого бы то ни было к преступникам. Это прерогатива суда и только суда.

Сознательно предпринимались меры, которые прямо подсказывали правоохранительным органам: делайте то-то, идите по такой-то дорожке... А глава Правительства Силаев пошел еще дальше: одному из арестованных членов ГКЧП он определил и меру наказания — расстрел...»

Обратила на себя внимание и публикация в «Московских новостях». Авторы — доктора и кандидаты юридических наук поспешили теоретически подкрепить правомерность президентских обвинений. О какой, мол, презумпции невиновности речь вести? Они — члены ГКЧП — изменили Родине, и этим все сказано.

Все делалось для того, чтобы настроить общественное мнение против арестованных. В этом отношении показательно выступление в тех же «Московских новостях» Нуйкина. Его статейка называлась «Рыбу — ножом?». Ее суть отвратительна: не следует соблюдать букву Закона, когда имеешь дело с членами ГКЧП. А мотивировка к такому призыву следующая: если бы они, гекачеписты, пришли

к власти, то они с нами бы не церемонились. Значит, и нам надо отбросить в сторону все правовые формальности.

Нуйкин известен с середины 80-х годов своими русофобскими экзерсисами. Правда, будучи у власти, мы не покушались на нуйкинскую свободу, хотя он частенько выступал с критикой КПСС, возводил напраслину на армию.

Похоже, что Нуйкин в этой статье запомнил, что построить правовое государство нельзя на фундаменте беззакония. Но так рассуждал ангажированный публицист; хуже, когда сия забывчивость посещает прокурора. Его забывчивость оборачивается катастрофой для общества.

Не имея достаточных доказательств нашей вины и не в силах опровергнуть показания обвиняемых, следствие избрало испытанный годами прием: если нельзя опровергнуть идею, надо опорочить личность. Идею еще будут отстаивать, а с человеком разбираться некогда. «Дирижировал» хором журналистов Бурбулис. Мы и пьяницы, и деградирующие личности, и властолюбцы. Но всех перещеголяли следователи. Они ступили на коммерческую стезю. Отдали за мзду видеоматериалы немецкому «Шпигелю». Лисов потом оправдывался, дескать, для добычи материалов допроса путчистов кто-то использовал специальную технику. С расстояния в сотни метров через стены списали с монитора следователя все, что им было угодно. А ведь допросы велись в тюрьме, подступы к которой охранялись достаточно тщательно.

Обмолвился Лисов и о том, что 60 — 70 процентов авторов писем в прокуратуру поддерживают заговорщиков. А ведь это было 30 октября 1991 года, когда еще существовал Союз и не наступил беспредел. Любопытная сложилась ситуация: Генеральный прокурор руководит расследованием и сам же его контролирует. К тому же на себя и судебные функции возложил, мол, делает с Верховным судом общее дело. Отныне политики типа Шахрая и Бурбулиса решали, «кого казнить или миловать».

Не случайно Генрих Падва, защитник А. Лукьянова, выступил с открытым письмом в печати к своему подзащитному. Генрих Падва писал, что адвокат не вправе отказываться от защиты. Но творится политическая расправа, а не правосудие, действуют иные доводы, на которые он как юрист не имеет возможности ответить...

Но были и маленькие радости. Я был весьма тронут, когда получил письмо и телеграмму от известного актера Ивана Герасимовича Лапикова. Он пожелал мне бодрости духа и не сдаваться. Иван Герасимович был истинно народным артистом. Познакомился я с ним в Чехословакии на съемках фильма «Фронт за линией фронта». В этом фильме Лапиков пронзительно сыграл роль солдата. Как же богат русский народ могучими талантами, не придуманными и не раздутыми продажными критиками. Хорошо сказал один актер: «Живу без комплиментов, потому что я русский актер!»

Взволновало меня до глубины души и письмо от поэта Алексея Маркова с самыми добрыми пожеланиями. Алексей знал, что в беседах я часто использовал его стихи. Выступая в Московском общевойсковом командном училище, я напомнил курсантам:

Не всегда снисхождение найдешь
У товарищей и у знакомых...
Надо быть наготове, мой друг,
Промах твой порой не простится,
Как саперу, которому вдруг
В минном поле пришлось оступиться.

Весьма интересным было письмо из Минска, написанное на полях газеты «Мы и время» водителем автобуса:

«Товарищи Язов и Крючков! Прошу извинения, под рукой нет бумаги. Я водитель автобуса и, перевозя пасса-

жиров, знаю их настроение. Если вы сообщники Горбачева по ГКЧП, тогда вас надо судить. Если вы патриоты Советского Союза, то тогда тоже должны год отсидеть. Имея такую силу и возможности, не довели дело до конца. А теперь страдает нищий, обездоленный народ. Развал Союза и последующая либерализация цен, анархия привели народ в ужас. Мужайтесь!»

Трогательное послание получил от писателя-фронтовика Ивана Федоровича Курчавова, с которым мы воевали в одной армии на Волховском и Ленинградском фронтах:

«Дорогой Дмитрий Тимофеевич! Не могу не поведать вам об одном случае, похожем на анекдот. Стою я в очереди за ветеранским заказом. Люди ругают Гавриила Попова. Я их поддерживаю. Вдруг одна дама смотрит на меня и говорит:

— А я за Попова! А вы что — за Язова?!

— За Язова, — говорю, — он мой однополчанин.

— Так он, этот Язов, погубил моего отца! — гневно бросает дама.

— Где, когда? — уточняю я.

— Летом 1941 года на Украине.

— А Язов, — говорю, — в 1942 году закончил пехотное училище и прибыл к нам лейтенантом под Синявино под Ленинградом. Получил там в командование взвод. А взводный командир — это тот же рядовой боец. И в атаку идет первым, и погибает первым. И еще несет ответственность за своих подчиненных. Вы, дамочка, ошибаетесь. Не было Язова на Украине в 1941 году».

* * *

В нашей камере пополнение, посадили новичка. Владимира Дмитриевича. Лет сорока, крепкого телосложения. Родом он из Алма-Аты, в Казахстане начинал свою

ресторанную карьеру. Правда, выдающихся высот на этом поприще не достиг и потом перекочевал в ресторацию на Белорусском вокзале в Москве.

Не принято лезть в душу человека с расспросами, за что он угодил на нары. Обычно арестанты сами рассказывают о своих похождениях. Но почему-то чаще всего сокамерников интересовало мое продвижение по службе.

Старейшина нашей камеры Алексей Алексеевич десятый год томился по разным тюрьмам. Зачем его привезли из Нижнего Тагила и посадили со мной в одну камеру — до сих пор загадка. Несколько лет ему обещали устроить очную ставку с какой-то дамой из Орехово-Зуева, директором магазина, которая вручила взятку, причем взятку фирменным армянским коньяком.

Когда человек привирает, да еще вдруг и запутается, вот тогда он и называет себя фантазером. Но где ложь, а где правда для арестанта, просидевшего девять лет, — не принципиально. Главное — выжить, дожидаться встречи с родными, получить передачу, особенно согревает душу весточка об амнистии.

Больше всего Алексея интересовало мое отношение к Горбачеву. Денно и ночью Алексей костерил «пятнистого», никчемного президента, Владимира Дмитриевича, напротив, больше интересовала война. Несколько наших общих знакомых служили в Среднеазиатском округе. Словом, у каждого сокамерника была своя «специализация» по Язову...

Видимо, прокуратура взяла на себя повышенные «социалистические обязательства» — досрочно закончить следствие. Извлекли на свет божий и «Положение о Министерстве обороны»: искали зацепку, где я нарушил присягу, в чем превысил свои полномочия. Предъявили мне и директиву, которую я подписал 19 августа утром. В ней говорилось:

«В связи с обострившейся внутривнутриполитической обстановкой в стране приказываю:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооруженных Сил СССР на территории СССР привести в повышенную боевую готовность. Руководящий состав округов, флотов, армий, флотилий, корпусов, эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать.

Усилить охрану позиций РВСН, арсеналов, баз и складов хранения ядерных и обычных боеприпасов, вооружения и боевой техники, парков, аэродромов, позиций военных городков, штабов и важных военных и административных объектов.

Ограничить командировки, выезды автотранспорта и полеты авиации. Особое внимание обратить на соблюдение уставного порядка и воинской дисциплины. Организовать действенный контроль за личным составом, не допустить дезертирства военнослужащих. Принять все необходимые меры по розыску военнослужащих, самовольно оставивших части и учреждения.

Руководящему составу объединений, соединений, частей и учреждений, военно-политическим органам постоянно вести разъяснительную работу среди военнослужащих, служащих Советской Армии и ВМФ и местного населения о необходимости консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза.

Принять все меры по уборке урожая, заготовке всех видов материально-технических средств и всесторонней подготовке к зиме.

В штабах соединений и выше установить круглосуточное дежурство руководящего состава. Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотлагательные меры по наведению должного порядка. Организовать взаимодействие со здоровыми силами местных органов власти, органами КГБ СССР и МВД СССР.

Обо всех случаях изменения общественного порядка и противоправных действиях немедленно докладывать по командной линии штабов и линии оперативных дежурных».

Следователь расспрашивал, каким документом определено введение повышенной боевой готовности. Я ответил:

— Директивой Генерального штаба.

— В соответствии с этой директивой, какие права имеет министр обороны?

— В самом полном объеме. Директиву подписал министр и начальник Генерального штаба.

Вот такие дремучие вопросы задавал следователь. Предъявили мне и решение коллегии МО о выводе войск из Москвы.

«Коллегия Министерства обороны СССР 21.8.91 г. в 8.00 рассмотрела ситуацию, сложившуюся в результате осуществления мер чрезвычайного положения, введенного в отдельных местностях СССР 19 августа с.г. решением Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР.

Для реализации мер, предусмотренных Конституцией СССР и Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», привлечены отдельные подразделения и части Советской Армии. Перед ними поставлены задачи по обеспечению стабильности обстановки, предотвращению возможных провокаций экстремистских сил, охране важнейших государственных учреждений, коммуникаций. Воины этих подразделений и частей с достоинством и честью выполняют свой конституционный долг, добросовестно решают поставленные перед ними задачи. Они, как и весь личный состав армии и флота, отчетливо осознают, что их участие в реализации мер чрезвычайного положения направлено на претворение в жизнь воли советских людей, выраженной в итогах всенародного референдума, на сохранение и упрочение единой для всех народов страны многонациональной Родины — Союза ССР. Время,

прошедшее с момента введения чрезвычайного положения, показало, что личный состав в основном выполнил задачи, поставленные перед ним руководством страны.

Коллегия Министерства обороны СССР заявляет, что Советские Вооруженные Силы были, есть и будут частью народа, верным защитником его коренных жизненных интересов. Они твердо поддерживают политику перестройки, обновления советского общества, сохранения и упрочения международного мира и всеобщей безопасности и всегда готовы обеспечить достаточную и надежную оборону нашей страны.

21.8.91. Моисеев, Кочетов».

Из того, что решение Коллегии подписал не Язов, а Моисеев и Кочетов, следствие сделало вывод: решение вывести войска из Москвы было принято без министра обороны, якобы он был против, а на выводе настоял Шапошников.

Надо было доказать следствию, что инициатива собрать Коллегию принадлежала мне, что мы еще до начала работы Коллегии начали выводить тяжелую технику. Члены Коллегии были едины в том, что личный состав и технику выводить необходимо. Правда, еще никто из членов Военной коллегии не думал, что рушится единый Союз и нам угрожает сепаратизм. На обломках великой страны появятся 15 государств без единой армии, с обездоленными и обнищавшими народами.

Загадка состояла в том, что я после Коллегии уехал во Внуково, а директиву поручил подписать начальнику Генерального штаба.

* * *

...Приближались ноябрьские праздники. Эмма Евгеньевна была на свидании в октябре, передачи на троих хватило всего на два дня. Самые тяжелые дни в тюрьме —

воскресенья. В один из воскресных дней слышим: в коридоре беготня. Спросили через «кормушку», что происходит? «Не знаем, не ведаем», — был ответ. Вдруг заиграло радио, чтобы нас отвлечь. А через жалюзи в окне донеслись звуки духового оркестра. Оказалось, что в штабе воздушно-десантных войск, расположенном напротив тюрьмы Матросская Тишина, проходила репетиция оркестра.

Ноябрьские праздники не запретишь шахрайским указом, не запретишь и русскую песню. Сколько теплоты она излучает. Да если бы ее запретили, мы бы выродились в нацию бурбулисов, гайдаров, превратились бы в стадо обезьян. И чем больше глумятся над нами демокры, тем больше бронзовеют на ветрах Истории фигуры наших духовников: истинных русских писателей, философов, публицистов, кинорежиссеров, мастеров сцены, полководцев, которые радели о благе державы. И никакие международные авантюристы не замутят святые родники русской души. Выживем!

А пока за стенами тюрьмы репетируют «Прощание славянки» и песню на слова славянина А. Фатьянова. Вся «Тишина» с воодушевлением подхватила знакомую мелодию. Нет, не запамятовали русские свои родные мотивы. Пока напеваем русские песни, мы — нация!

ТЮРЕМНЫЕ ДУМЫ. С ЧЕГО НАЧАЛСЯ РАСПАД СТРАНЫ?

Спецназовцев, которые охраняли членов ГКЧП, самых преданных ельцинскому режиму, завозили вахтенным методом из российской глубинки. Нас охраняли бригадами куряне и ростовчане, ребята из Кургана и Саратова, но первыми удостоились чести нас охранять спецназовцы с родины «вождя», свердловчане. Обычно вахта продолжалась чуть меньше трех месяцев. Видно, Степанков подсчитал, что это крайний срок, чтобы верно служить ельцинскому двору, не переметнуться на сторону гекачепистов. Но этот срок не все выдерживали. Уже через месяц устанавливались товарищеские взаимоотношения между гекачепистами и их охранниками. А тут еще цены поползли вверх.

Известно, что конвоиры, прежде чем доставить Валентина Павлова, премьер-министра советского правительства на допрос, находили минутку-другую, дабы получить исчерпывающую информацию, что делать со сбережениями. Один спецназовец даже разоткровенничался: «Матушка попросила, поинтересуйся у Валентина Сергеевича, не сгорят ли ее деньги, которые скопила на похороны?» А когда Чубайс заморочил головы, мол, на ваучер можно получить две легковушки, бывшего премьер-министра каждый день одолевали просьбами: «Как обменять ваучер хотя бы на одну машину?» И Валентин Павлов читал ребятам лекции по экономике. Так что охранники находились в привилегированном положении, на ваучеры уже не надеялись, все чаще спрашивали: за какие такие прегреше-

ния вас держат в «Тишине»? Один из охранников настолько прозрел, что ходил на демонстрации в колонне «Трудовая Россия» вызволять из тюрьмы гекачепистов.

Новый, 1992 год я встретил в камере. По старой армейской привычке вытащил шматок сала, краюшку хлеба, луковицу, представил фирменное блюдо моей благоверной, Эммы Евгеньевны — узбекский плов, и на душе стало тепло и безмятежно. Это был первый Новый год в моей жизни, когда я не поднял чарочку...

Не знал я, что в эти предновогодние часы жены членов ГКЧП собрались перед воротами Матросской Тишины. «Отпраздновать Новый год с мужьями» им посоветовали руководитель издательства «Палей» Николай Мишин и поэт Анатолий Тихомиров. Они привезли из Подмосковья распушистую елочку, а Екатерина Петровна Крючкова — крестовину. Тамара Александровна Шенина — игрушки, Елена Лукьянова — шампанское. Нарядили елочку, подпоясали бусами, подняли бокалы. Никто и не подозревал, что из соседнего дома всю честную компанию держали на прицелах снайперы...

Демократическая пресса настолько была уязвлена этой выходкой, что посоветовала президенту ужесточить режим пребывания членов ГКЧП. Дескать, пора и всыпать, им бы горе мыкать, а они новогоднюю пирушку устроили у стен тюрьмы. Наутро «Вечерняя Москва» напечатала сразу два репортажа о праздновании Нового года в стране. Один из Кремля, с портретом Ельцина, другой — у стен «Тишины».

* * *

Рассказываю «товарищам по нарам» о жизни своей, а сам задаю себе вопрос: «С чего начался распад страны?»

Помню, как в 1982 году праздновали 250-летие присоединения Казахстана к России. На торжествах я сидел

в президиуме. Опоздавший на заседание председатель Совета Министров Грузии говорил: «Я польщен честью всех вас поздравить... Я надеюсь получить опыт празднования... Мы скоро отметим 200-летие Георгиевского трактата о добровольном вхождении Грузии в состав России. Некоторые княжества Грузии по двести и более лет домогались права стать подданными России».

Представители Татарии и Башкирии говорили о 400-летию единения татарского и башкирского народов в общем государстве Российском... Казалось, все возможное делается для сплочения народов, укрепления их дружбы.

И вдруг... из каких-то тайных закоулков нас захлестнул национализм. И этому способствовал сам Горбачев. Он поучал, указывал, менторствовал и всегда уходил от ответственности. Мне приходят на память слова Льва Толстого: «Ужасен тип людей, желающих быть всегда правыми. Они готовы осудить невинных, святых, самого Бога, только быть правыми».

В декабре 1986 года состоялось заседание Политбюро, на котором приняли решение освободить Д.А. Кунаева от работы в связи с уходом на пенсию. Динмухамеда Ахмедовича не пригласили даже на заседание Политбюро. А 16 декабря собрали Пленум ЦК Компартии Казахстана, на котором секретарь ЦК КПСС Г.Л. Разумовский предложил избрать Первым секретарем Г.В. Колбина, до этого работавшего секретарем Ульяновского обкома КПСС.

Это назначение вызвало в республике непонимание. Если в Бюро ЦК Компартии Казахстана, по мнению Горбачева, и были малоопытные товарищи, то в республике 19 областей, следовательно, 19 секретарей обкомов, аппарат Совета Министров, Президиум Верховного Совета Республики «малоопытные». Выходит, Политбюро никому не доверяет?

До избрания Первым секретарем обкома в Ульяновской области Г.В.Колбин был вторым секретарем в Грузии и даже изучал грузинский язык. Я не исключаю, возможно,

он согласился на высокую должность Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, чтобы изучить еще и казахский язык. Но казахи этого не оценили и 17 декабря вышли на центральную площадь. Потребовали разъяснить решение прошедшего Пленума ЦК.

В разговоре с Кунаевым Горбачев пообещал: «Мы разберемся и наведем порядок». И 17 декабря началось избиение молодежи, многих студентов исключили из институтов, бросили за решетку. Так Горбачев демонстрировал возможности демократии...

И что же дальше? У Горбачева появилась страсть перетасовывать партийные кадры. Первым, на ком он отыгрался, был Григорий Романов. Он составлял серьезную конкуренцию Горбачеву. И когда на Политбюро обсуждали, кому быть генсеком, ни Щербицкого, ни Романова на заседание не пригласили, да и о Кунаеве вспомнили в последнюю минуту.

Г.В. Романов долгое время возглавлял ленинградскую партийную организацию. В 1973 году, по предложению Брежнева, его ввели в состав Политбюро. Заполучив власть, Горбачев поспешно спровадил Романова на пенсию. Затем Горбачев под предлогом обновления кадров расстался с Тихоновым и Алиевым и, наконец, подобрался к Николаю Ивановичу Рыжкову. За мужество, проявленное при ликвидации последствий землетрясения в Армении, Рыжкова называли «Человеком года». Какой прекрасный повод учинить расправу, смести с дороги. Еще, чего доброго, выберут генсеком. Надо принять превентивные меры, убрать Рыжкова.

Председателя Совмина подвергли несправедливой критике, и вскоре Совет Министров урезали в правах, а Политбюро сформировали по национальному признаку.

Запылали Карабах, Сумгаит, Фергана, Ош, Узген, Осетия, Чечня, Приднестровье — Горбачев подрастерялся. Проблемы необходимо было решать, но они не решались.

В Америке на встрече, организованной Билингтоном, директором Национальной библиотеки Конгресса США, Горбачев признался: значимость национальных проблем он оценил только осенью 90-го года. Это, мягко говоря, неправда. На Политбюро национальные проблемы рассматривались частенько. Вспыхнул крымско-татарский конфликт — создали комиссию под руководством А.А. Громыко. Произошла трагедия в Фергане — председателем комиссии назначили Н.И. Рыжкова.

...Многие писаки утверждали, мол, у Горбачева гибкий ум, он отличается оригинальностью мысли. После смерти Черненко злые языки гадали, с чего Горбачев начнет: «Сажать или сеять?» Ошиблись. Он начал дрейфовать, подгоняемый чужими мыслями. Кто-то из помощников посоветовал ему почаще беседовать с народом, это было горе для русского языка. В интеллигентных семьях родители затыкали детям уши. Околесицу нес человек с университетским образованием. Чем он занимался в университете? Стучал на товарищей?..

* * *

Здесь я должен забежать в своем рассказе несколько вперед. Позже я узнал, что, когда с флагштока Кремля был спущен флаг Советского Союза и поднят флаг Российской Федерации, Шеварднадзе откровенно заявит: «В этом историческом подъеме флага России над Кремлем есть и моя доля участия. Все прогнило. Надо менять. Я действительно сказал эти слова Горбачеву зимним пицундским вечером 1984 года и не отрекись от этих слов и сегодня».

Мне хотелось спросить Шеварднадзе: что же надо менять и что прогнило? Вы же, Эдуард Амвросиевич, на XXII съезде КПСС пели дифирамбы в адрес руководителей партии. Почему же не посоветовали прямо на съезде, что надобно поменять?

В своей книге «Мой выбор» вы рассказываете об отношениях с Генеральным секретарем: «В условиях «феодальной» вертикальности мне не оставалось ничего другого, как играть по правилам системы. А именно — добиваться поддержки сюзерена. И я получил ее. Было бы нечестно утверждать, что поддержку я получил лишь благодаря славословию в адрес Брежнева. Гроссмейстеров лести у него хватало и без меня».

Ах, как скромничает Эдуард Амвросиевич. Да неужто запамятовал, как сотрясал воздух Дворца съездов во время работы съездов партии слащавыми панегириками?

«Иногда мы встречались и беседовали, — вспоминает Шеварднадзе. — Я делился с Генсеком своими планами — это ему импонировало». И даже не высказали Генсеку свои взгляды на самостоятельность Грузии? Лишь через два десятилетия вы, Эдуард Амвросиевич, освободили грузин от «ига» русских. А жаль! Под вашим мудрым руководством грузины бы не ведали беды. Только корочки от мандаринов разлетались бы в стороны... Слишком долго вы изливали чувства преданности и любви к московским колонизаторам — дух захватывает! И если раньше вы, Эдуард Амвросиевич, вкушали деликатесы с московского стола, то сегодня предпочитаете рейнские объедки.

Чего же добилась Грузия в эпоху второго воцарения батона Шеварднадзе в Тбилиси? Быть может, величайшего расцвета поэзии? Да нет! Музе, нищенке в ветхих одеяниях, оставшихся от советской эпохи, не до стихов. Она ушла в «челночницы» после ваших экономических преобразований, Эдуард Амвросиевич. Неудобно и Мельпомене выходить на сцену при свете коптилок. Зато щедро проплаченные клакеры каждый выход батона Шеварднадзе на политическую авансцену встречают бурными аплодисментами. И моноложит Эдуард Амвросиевич, и расточает бесконечные комплименты единственному зрителю в этом театрике — Международному валютному фонду.

Ни Армения, ни Азербайджан, ни Казахстан, да никакая другая республика жить лучше не стала. Повсюду развал! Ни двуглавый орел, ни лунный серп, никакие атрибуты суверенности и гроша ломаного не стоят по сравнению со страданиями народа, разъединенного и ограбленного.

Ложь, желание приукрасить себя в изобилии встречаются на страницах вашей книги, Эдуард Амвросиевич. Вы пишете: «В декабре 1979 года мы с Горбачевым почти одновременно узнали из газет о вступлении советских войск в Афганистан и поспешили встретиться друг с другом, чтобы обменяться мнениями».

И это ложь, Эдуард Амвросиевич! Вот вырезка из газеты «Заря Востока», там ваше выступление. Вы одобряете, приветствуете ввод войск в Афганистан. И когда я читаю в вашей книге критику в адрес Политбюро, которое вы осуждаете за вмешательство в дела суверенного Афганистана, я вспоминаю, как уже после выхода советских войск из Афганистана, вы вместе с Горбачевым требовали от меня продолжать оказывать помощь Наджибулле.

И последнее, о чем я хочу сказать: «После неудачных покушений на вашу персону, Эдуард Амвросиевич, матери сыновей, которые стреляли в вас, как правило, идут с цветами на могилу Серго Закариадзе, Нодара Думбадзе, чтобы поблагодарить их за то, что не оставили они равнодушными юношей к судьбе Грузии...»

* * *

Вернусь к воспоминаниям о национальных пожарах в СССР. В Азербайджане Первым секретарем ЦК Компартии республики был Гейдар Алиевич Алиев. Л.И. Брежнев с глубоким уважением относился к своему питомцу. Не случайно в 1976 году Алиев — уже кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

Вспоминаю, как Д.Ф. Устинов, министр обороны, проводил стратегические командно-штабные учения «Юг». Результаты учения анализировали в Баку, после чего Дмитрий Федорович устроил обед, на который пригласили командующих округами. На обеде присутствовал Г. Алиев. На этом приеме я стал свидетелем шпажного политического боя, когда Алиев и Устинов скрестили шпаги, да так, что звон от них донесся аж до стен Кремля, на что, помо-ему, и рассчитывал глава республики.

Алиев как бы в шутку сказал, что Устинов узурпировал власть в Азербайджане. Бакинцы и слова не могут молвить. Но как оказалось, Гейдар Алиев таким образом подбирался к самым глубинам своего велеречивого тоста, он закончил свою речь перечислением выдающихся заслуг маршала Устинова во имя укрепления обороноспособности солнечного Азербайджана.

Кто-то из местных коммунистов попытался расширить официальные рамки елеля, призывая маршала Устинова всех собравшихся за столом взять в плен, ибо это самое сладостное и справедливое пленение бакинских «сыновей» маршала Устинова.

Конечно, все эти «искренние» тосты заранее обговорили и отредактировали в кабинетах республиканской элиты, и Дмитрий Федорович прекрасно понимал, с каких партийных вершин обрушивались на него водопады восхвалений.

«Очень хорошо, что стальные мускулы Азербайджана, — подчеркнул маршал, — отрезвляюще действуют на воспаленное воображение политических деятелей в Турции. Мы дружбу народов никогда не разменяем на лживые ориентиры».

Командуя армией, я никогда не замечал националистических пристрастий у Алиева, а вот легкая неприязнь к армянскому руководству просматривалась. Как-то на одном из военных советов в Тбилиси командующий

П.В. Мельников высказал мысль, мол, пора Военный совет провести в Ереване. Но, к моему удивлению, Алиев и Шеварднадзе вылететь в Ереван наотрез отказались. Они даже не попытались мотивировать свое решение.

В 1982 году Гейдара Алиевича назначили первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, он переехал в Москву. Но вскоре к власти пришел Горбачев, и звезда Алиева закатилась. Горбачев всячески ограничивал его контакты с Азербайджаном. Конечно, это вызывало обиды у гордого и честолюбивого Гейдара Алиевича, он хорошо знал республику, и его бесспорный авторитет мог бы развязать многие узелки недоверия, стабилизировать ситуацию в Азербайджане, вернуть ее в мирное русло.

Сумгаит, Карабах, изгнание азербайджанцев из Армении, безусловно, оставили рубцы на сердце Алиева. Один из лидеров народного фронта Азербайджана Рагим Казиев вспоминал: еще будучи членом Политбюро, Алиев пошел на контакты с лидером НФА, фактически он был теньвым идеологом народного фронта. Да и не могло быть иначе, под политическим обвалом могли быть погребены все добрые начинания. Весь 1989 год в Баку был беспокойным, в новогодние дни 1990 года толпы людей сокрушали пограничные заграждения вдоль государственной границы. Причина? Противостояние властных республиканских элит и НФА, карабахский кризис. Набрал кульминационную силу и процесс вытеснения армян из республики. И уже 13 января в Баку выехали секретарь ЦК КПСС А.Н. Гуренко и член президентского совета Е.М. Примаков.

Страсти в Баку накалялись не по дням, а по часам, на многочисленных митингах руководителей республики призывали уйти в отставку. В эти судьбоносные для Азербайджана дни Горбачев мне напоминал черепаху. Из панциря власти он высовывал свой меченый лоб, чтобы оглядеться, что происходит в округе. При малейшей опасности он снова забирался с головой в этот панцирь, надеясь

отсидеться в нем до лучших времен. Надо было что-то решать с Карабахом, счет пошел уже на минуты, а Горбачев демонстрировал черепаший скорости в этом вопросе. Его помощники сучили ножками, увязая в песках проблем под этим же панцирем власти...

Еще зимой 1987 года в Баку появилось историко-литературное общество «Ченлибель». Его лидерами стали М. Гатаин, политэмигрант из Ирана, Шахвердиев, методист бакинского Дворца пионеров, Н. Понахов, рабочий завода имени лейтенанта Шмидта. На волне перестройки под флагом борьбы с коррупцией они и призывали к борьбе «за чистоту нации, за объединение иранских азербайджанцев с Баку в «независимое и сильное азербайджанское государство». «Великая независимая Армения» и напротив «Великий независимый Азербайджан», и никто не отважился выступить против этих бредовых идей «чистоты нации». К чему это привело? К кровавым разборкам. Этому процессу дали «зеленую улицу» Горбачев и Яковлев своей перестройкой «без руля и без ветрил».

* * *

Войска в Баку ввели в три часа ночи, предварительно все вопросы согласовали с руководством республики — Везириным, Поляничко, Муталибовым.

Введя чрезвычайное положение в Баку, там удалось стабилизировать положение. Везиринов сменил А.З. Муталибов, но положение в других местах — в Карабахе, Гяндже — было далеко не спокойным. В Степанакерте мы с В.В. Бакатиным застали мрачную картину — дома разрушены, голодные люди ютятся в подвалах, город был опустошен, «чистота нации» достигнута.

Нам передали, что в село Чайнекенд прибыли армянские вертолеты — мы вылетели туда. Там действительно находился один поврежденный вертолет, он доставил в Чайнекенд муку.

Картина ужасная, голодные люди показывали нам на градобойные орудия, направленные на дома мирных жителей. Власти никакой. Все кричали, доказывали, что их убивают, просили оказать помощь. Все, что можно было сделать, мы сделали, во всяком случае, успокоили жителей, обеспечили охрану села подразделениями внутренних войск МВД.

Решили лететь в Ереван. На аэродроме в Ереване нас встретил второй секретарь Компартии Армении О. Лобов и другие руководители республики. Нас прежде всего интересовало, откуда у армянских боевиков бронетранспортеры, орудия и даже танки? Поэтому пригласили к разговору, кроме руководства армии, военкома республики и начальников военных кафедр высших учебных заведений, представителей ДОСААФ.

Председатель ДОСААФ полковник в отставке Карапетян доложил, что из общества похищено 125 единиц оружия, якобы прокуратура ведет дело.

А начальник военной кафедры сельскохозяйственного института, в свою очередь, сообщил, что с кафедры забрали танк Т-62. Пригнали боевики трейлер, погрузили танк и увезли. В политехническом институте боевики забрали 57-миллиметровую пушку... Начальник военизированной противогорадовой службы Осепян проинформировал, что боевики забрали 9 противогорадовых орудий и 1604 снаряда.

Отмечено несколько случаев нападения боевиков и на склады пограничников, подразделений ПВО. Было совершенно очевидно, что боевики организованы.

Удивительно, но многие коллективы Азербайджана обращались не в центр, который приказал ввести чрезвычайное положение в Баку, а непосредственно к военным, полагая, что от их поведения зависит судьба народа в Азербайджане, Армении, Молдавии.

Обращались и националисты из НФА, они ловко использовали Совет воинов-интернационалистов Азербайджана, Академию наук Азербайджанской ССР:

«Солдаты, мы обращаемся к Вам от имени азербайджанского народа, народа-труженика, интернационалиста. Народ, который перенес все тяготы и лишения, у которого отняли духовные ценности и его историю, проснулся!

Вы можете потопить наше движение в крови, как это было сделано в Венгрии и Чехословакии, но мы уверены, Вы не послушная серая масса сталинского и брежневского периода.

Наша борьба священна, мы не хотим крови и беспорядков. Хаос и кровь на руку нашим врагам. Остановитесь! Одумайтесь! Мы единый народ!»

А вот обращение к русскому солдату:

«Русский солдат! Одумайся! Подумай над тем, зачем ты здесь? Каждый твой шаг может вызвать ненависть не только к тебе, но и к твоему народу. Ты обманут, ты защищаешь не жизни армян, которых здесь уже нет, ты призван утопить в крови волю народа к свободе.

Сегодня ты — оккупант! Сделай так, чтобы завтра тебя снова назвали человеком!»

Нам было известно, что все эти воззвания, обращения — дело рук комитета обороны. Члены этого комитета вели учет оружия в школах, военкоматах, на военных кафедрах. Они взяли на учет все радиостанции «скорой помощи», таксомоторных парков, кораблей бакинского пароходства. Дело дошло до того, что 19 января 1990 года Президиум Верховного Совета Нахичеванской АССР издал указ о выходе из состава СССР.

Введя чрезвычайное положение, нам удалось стабилизировать обстановку. При этом для закрытия границы Министерство обороны передало КГБ воздушно-десант-

ную дивизию, мотострелковую дивизию и один мотострелковый полк в Баку. Заказной характер «освободительных войн» в республиках не вызывал сомнений.

* * *

...Государство разваливалось, а президент собрался на отдых в Форос. Утром 4 августа, согласно списку, в аэропорт примчались провожающие: члены Политбюро, секретари ЦК, министры-силовики. Станный этот обычай — всем партийным гуртом маячить перед светлыми очами президента. Говорят, что традиция пошла от Троцкого, когда его сопровождали в поездках одесские нахлебники. Времена были голодные, и в этих поездках весь честной интернационал Одессы отъедался в надеждах, что перепадет и какая-нибудь должность. Словом, кадры у Троцкого всегда были под рукой. Он насаждал их по всем весям, заботливо окучивая взором эти политические грядки.

При Сталине институт провожающих упразднили, всего три-четыре человека для официальной фотографии. И в самом деле, зачем выстраиваться у трапа самолета, чтобы проявить верноподданнические чувства? Лучше выпусти на 100 самолетов больше, испытай новую ракету, собери урожай, и Родина оценит твою деловую сноровку. Нет, не любил Сталин провожающих аэродромных истуканов, к ним вернулся Никита Хрущев.

По табели о рангах партийные деятели делились на «не-выезжающих», которые еще не попали в списки «провожающих-встречающих», и на «аэродромных». Эмма Евгеньевна обычно шутила, когда кто-нибудь звонил ближе к ночи из партийных сановников: «Дмитрий Тимофеевич, звонит «аэродромный». И что за мода всей гурьбой встречать генсека? Обычно так князей провожали в последний путь на Руси.

И действительно, во времена Горбачева штат «аэродромных» рос, как на дрожжах, всяк старался попасть в кадры кинохроники. Отвоевали себе позицию у трапа и сотрудники арбатовского института. А с рассветом верно-подданнических «услуг» дошла очередь и до артистов — «звезд» эстрады. Самые везучие попадали сразу в «спальники» — те, кто летел с Горбачевым в одном салоне.

Конечно, преимущества в этой политической опаре имели «целовальники», они обычно позволяли себе прямо у трапа самолета продемонстрировать интимную близость — облобызать генсека. Самым искренним «целовальником», он же и «спальник», в Москве называли Георгия Арбатова. Американские ценности Михаил Сергеевич считал приоритетными, и поэтому директор Института Америки и Канады имел преимущество в гешефте, случались встречи после дальних странствий, когда Горбачев попадал в объятия Шеварднадзе обцелованным прыткими арбатовцами...

Зашел разговор о том, что Кравчук не склонен подписывать Союзный договор, Горбачев что-то произнес невнятно, мол, как миленький подпишет. Накануне отъезда он принял участие в работе кабинета министров, наставлял следить за ситуацией вплоть до принятия чрезвычайных мер. На «хозяйстве» он оставил Янаева и Шенина.

С Г.И. Янаевым я встретился на торжественном собрании, посвященном Дню Военно-Воздушного Флота, мы не перекинулись и словечком, хотя и сидели рядом в президиуме.

С Павловым В.С. мы встретились в его кабинете по служебным делам, что подтверждается документами, и второй раз 17 августа на объекте КГБ — «АБЦ», где было принято решение лететь к Горбачеву в Форос. Цель все подследственные подтвердили: принять меры для сохранения Союза, вплоть до введения ЧП.

С О.С. Шениным встречались только 17 августа там же, он, как исполняющий обязанности секретаря ЦК в отсутствие Горбачева, согласился лететь, чтобы убедить его немедленно возвратиться в Москву, принять меры для сохранения государства.

С В.А. Крючковым и О.Д. Баклановым я встречался чаще. Бакланов проводил в Кремле совещание с участием атомщика Ю.Б. Харитона. Речь шла о необходимости испытания ядерного оружия на Новой Земле. По этому же вопросу собрались у Крюčkова минут на 20-30, где было принято решение вылететь на Новую Землю, определиться, когда начать работы по подготовке испытаний.

С А.И. Тизяковым и В.А. Стародубцевым я встретился только 19 августа на совещании у Янаева.

Анализ складывающейся ситуации показывал: если 20 августа подпишут Союзный договор, то СССР перестанет существовать. Для меня, как и для большинства граждан, развал Советского Союза являлся личной трагедией. За пределами России оставались русские, украинцы, белорусы. Что будет с ними? Тогда мы предполагали, а теперь это явь, когда о трагедии русских говорят в Прибалтике, Чечне, Грузии, в других республиках. Мы видели издалека, как наплывал на армию волкогоновский идеологический туман. Уже Яковлев форсил на подиуме американской демократии.

Все это вызывало необходимость лететь в Форос к Горбачеву. Собрались на объекте «АБЦ», здесь приняли решение, что в Форос полетят Шенин, Бакланов, Вареников, Болдин, Плеханов и Генералов.

В 16 часов 18 августа, в воскресенье, они прибыли в Форос, предварительно отключив средства связи. Все спрашивают: почему? Да иначе бы не получилось разговора. Горбачев позвонил бы Бушу, а наших товарищей не стал бы и слушать.

Около часа он не принимал руководителей государства. Совещался с Раисой Максимовной, потом с дочерью

и зятем, и наконец вывод: заговор. Не потрудился Горбачев задать себе вопрос: если заговор, то зачем они приехали к нему? Ведь его даже не изолировали. Охрана осталась, уехал только В.Т. Медведев. Но у страха глаза велики. Семейству Горбачева почудилось, что вместо 4 кораблей их теперь охраняли 14, вместо 6 человек, прибывших с Генераловым, — 600. «Даже ползли какие-то десантники в черном». Поделится своими страхами Михаил Сергеевич «за чашкой чая» в газете «Известия».

Горбачев во всех интервью похвалялся, что он устроил «холодный душ» Шенину, Бакланову, Варенникову и Болдину. Через четыре года журналист Борис Славин задаст Горбачеву вопрос: «Михаил Сергеевич, а не приходило вам в голову в тот момент стать Сталиным и решить все, как говорится, одним махом?»

Горбачев: «Нет! Не могло мне это прийти в голову. Потому что это уже был бы не Горбачев». Хоть в этом сознался, действительно — не Сталин. Сталин не поставил бы Родину на колени перед фашистской Германией. Сталин создавал, а Горбачев рушил. Да, были у Сталина ошибки, просчеты, но в самые трудные годы он не оставил Москву.

* * *

...Когда началась война, Горбачеву минуло 11 лет. На три месяца его станицу оккупировала фашистская орда. Леонид Гозман в журнале «Огонек» так прокомментирует этот факт из биографии Горбачева: «Немцы были врагами, с которыми на фронте сражался его отец. Но он увидел не окарикатуренных персонажей, а живых людей, и это было первым опытом понимания того, что пропагандистские стереотипы упрощают, примитивизируют мир, а значит, и относиться к стереотипам в собственной стране следует осторожно».

Мне лично Михаил Сергеевич рассказывал, как его прятали у чужих людей. Потому что его дед по материн-

ской линии Пантелей Гопкало — большевик, председатель первого колхоза. И к его семье, следовательно, оккупанты могли и не применить «стереотипные» решения.

Отец Горбачева, Сергей Андреевич, служил в саперном подразделении в стрелковой бригаде, затем бригаду переформировали в 161-ю стрелковую дивизию, и в саперном батальоне сержант С.А. Горбачев прошел до самого конца войны. Был дважды ранен, награжден двумя орденами Красной Звезды, несколькими медалями за освобождение европейских столиц.

В партию Сергей Андреевич вступил после войны, в 36 лет, добросовестно трудился рядовым механизатором. На уборке урожая на пару с сыном работал на комбайне. Оба были отмечены государственными наградами. Уже в 17 лет Мишу Горбачева наградили орденом Трудового Красного Знамени. В 18 лет он член РК ВЛКСМ, а через год его принимают кандидатом в члены ВКП(б).

Начало славной биографии сверстано, и Горбачев поступает в МГУ на юридический факультет. А где же еще учиться орденоносцу? Годы комсомольского вождизма зародили в нем стремление что-то переделывать и реформировать. Его даже называли мини-Хрущевым, как позже — мини-Брежневым, мини-Андроповым, пока он не приобрел славу реформатора-разорителя.

Карьера Михаила Сергеевича начинается в Ставрополе, где Горбачев припал к светлому родничку комсомольской славы. Так легче делать карьеру. К тому же в самый раз присмотреться, к какому коммунисту наверху прикипеть душой. Очень скоро Миша Горбачев с комсомольского воя взобрался на партийный. В 39 лет — случай, прямо скажем, редчайший — Михаил Сергеевич становится первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. В 48 лет он уже кандидат в члены Политбюро.

Заискивающие тирады в адрес вождей всегда были на устах Горбачева. Он дозировал лесть словно заправский провизор на весах тщеславия.

После смерти К.У. Черненко по предложению А.А. Громыко Горбачева избрали Генеральным секретарем. Позже ходили слухи, что ставропольская мафия отметила то событие бурными возлияниями, несколько дней пиновала.

В минуту коронации новоиспеченный генсек выступил с короткой речью на Политбюро. Обстоятельную речь он произнес только на апрельском Пленуме ЦК КПСС. Он доложил ЦК, что экономика нашего государства топчется на месте. И чтобы польстить новым инициативам Горбачева, будущие карьеристы шептались в курилках: «Как рубит, о таком генсеке мы мечтали все эти годы!» А тех, кто не простаивал часами в политических курилках, Горбачев с темпераментом Минздрава предупредил: «Молчание опасно для карьеры!»

Светлана Шипунова, изучая Горбачева в перестроечный период, пришла к трем версиям:

1. Горбачев начал перестройку как «верный ленинец», а потом перешел в стан «демократов».

2. Горбачев давно замыслил покончить с социализмом, но скрывал это до поры до времени.

3. Последняя версия самая безжалостная: Горбачев — недоумок. Нет, он может быть хорошим семьянином, но для братской семьи народов Страны Советов — он всегда отчим.

В чистом виде ни в одну из предложенных версий я не верю. Все гораздо сложнее. Мне ближе другая версия: Горбачева на вершину власти привела ставропольская мафия. Но подтолкнуть «Мишку-конвертика» на самую последнюю ступеньку власти даже у мафии не хватило сил. Поэтому где-то на полпути мафия сдала Горбачева спецслужбам СИТА.

Развал экономики, падение жизненного уровня народа, безработица, забастовки, кровавые национальные конфликты, беженцы, преступность в стране — вот не полный перечень заслуг Горбачева перед своими хозяе-

вами, которые заказали ему развалить могущественную страну. Заказчики выбрали на эту роль М. Горбачева — и не разочаровались...

* * *

7 декабря 1991 года охранники облачились в бронежилеты. Вскоре врубили и радио на полную мощность. Но тем не менее через жалюзи оконной решетки мы ясно слышали музыку, звуки военного оркестра. Кто-то обращался к нам по мегафону, но разобрать что-либо было невозможно. «Нанайские» мелодии по «Маяку» заглушали все голоса с улицы.

Позже от адвокатов мы узнали кое-какие подробности. Патриоты Москвы организовали демонстрацию у стен Матросской Тишины. Это был акт гражданского неповиновения, колонна манифестантов в сопровождении оркестра Военно-инженерной академии им. Куйбышева прошла от станции метро «Сокольники» до стен изолятора. Пожалуй, это был первый акт негодования, и преследовал он не столько цель поддержать гекачепистов, сколько выразить протест против того беспредела, который нарастал в древней русской столице. К стенам «Тишины» пришли военные, от солдат до генералов, депутаты, писатели, корреспонденты, единомышленники духовной оппозиции «День» со своим ведущим Александром Прохановым. Затерялись в толпе и переодетые «блустители порядка».

Манифестанты развернули транспаранты: «Иуды — в Кремле, патриоты — в тюрьме!», «В. Степанков — карманный прокурор!», «Позор карманной юстиции!», «Меченый, оставь Советскую власть в покое!». Многие из демонстрантов и не подозревали, что Советской власти уже нет.

10 декабря в Москве собрали военных, чтобы нарисовать радужные перспективы. Впервые после 1985 года на

совещание прибыл Горбачев. Он хотел показать Вашингтону, что сохраняет за собой пост Верховного главнокомандующего. В своем выступлении Горбачев обрисовал сложившуюся ситуацию в стране, говорил о необходимости проведения коренных преобразований, в том числе и в Вооруженных Силах. Он отметил, что реализация реформ идет неровно, кое-кто, спекулируя на переживаемых трудностях, пытается навязать нам сепаратизм.

Президент напомнил генералам и офицерам, что новоогаревский процесс дает хороший шанс для выхода из кризиса. Глаголил Горбачев на этом совещании около пятидесяти минут, а послушать, что думают по поводу антиконституционных Беловежских соглашений командующие войсками округов, флотов, генералы и офицеры Генерального штаба, — у Горбачева не нашлось времени.

На этом совещании выступил и президент Б.Н. Ельцин, он разъяснил генералам и офицерам причины трехстороннего соглашения, о необходимости именно таким образом приступить к созданию Содружества Независимых Государств. Ельцин утверждал, что трехстороннее соглашение позволит сохранить экономические, политические, культурные и другие связи, которые сложились между нашими народами. Мол, живительная формула Содружества позволит заключить договор об оборонительном союзе, о коллективной безопасности, основанной на едином командовании Вооруженными Силами, централизованном управлении ядерными и стратегическими средствами. При этом, отметил Ельцин, некоторые оборонительные функции мы собираемся делегировать руководителям суверенных государств, их министерствам обороны и воинским формированиям.

Следующее высказывание Ельцина показало: вопрос о Вооруженных Силах глубоко не проработан. «Россия не намерена создавать свою армию, свое Министерство обороны, если ее к этому не вынудят». Президент подтвердил

свое решение через российский бюджет обеспечить денежное содержание офицерскому составу. Нарисовал он и радужную картину строительства жилья для военных, призвав к стабильности и спокойствию.

Ельцин выступал около часа и еще 30 минут отвечал на вопросы офицеров и генералов. Все симпатии были на его стороне. Под занавес Ельцин нокаутировал Горбачева, дескать, во время встречи Михаила Сергеевича с президентом США в Мадриде все расходы советской делегации оплатили американцы. Дескать, вот! Он уже ходит по миру. Клянчит...

Ельцин давно заигрывал с военными, обычно к себе на совещания он приглашал командующих войсками. Еще раньше, в самом начале 1991 года, его советник Ю.В.Скоков наведывался в Министерство обороны с предложениями создать структуры из армейских частей и подразделений для охраны железных дорог и грузов. Это был зондаж, как отнесется Министерство обороны к суверенизации России.

Но Горбачев на эти ходки из Минобороны не обратил внимания. Подозреваю, что Горбачев уловил новые веяния из Вашингтона и собирался уйти в оппозицию. Иного пути остаться в номенклатуре у него не было.

Положительно оценили в Белом доме и заявление лидеров трех республик, принятое в Беловежской Пуще. Распад великого государства — давнишняя мечта вашингтонской администрации. Американцы дали понять Горбачеву, что, если он будет «любой ценой» добиваться сохранения Союза, это может для него плачевно закончиться.

И уже 27 декабря 1991 года рано утром хозяином кабинета в Кремле стал Б.Н. Ельцин. По этому случаю Джордж Буш прервал отдых в своей загородной резиденции, поспешил выступить с телеобращением к американскому народу: «Советского Союза больше нет. Это — победа нравственной силы наших ценностей. Каждый аме-

риканец может гордиться этой победой — от миллионов мужчин и женщин, которые служили нашей стране в вооруженных силах, до миллионов американцев, которые поддерживали свою страну и крепили оборону в период правления десяти президентов».

* * *

Вот такую отпраздновали победу в США, уничтожив при помощи «пятой колонны» государство. Чуть позже объяснит причину своей неумемной радости и госпожа Олбрайт: «Кровавый сталинский сапог больше не увидят в Европе». Запомнявала госпожа, как евреи в ермолках в самых кичливых европейских столицах считали за честь припадать к этому сапогу со словами благодарности.

Воздали похвалу на пиршестве в Белом доме и Михаилу Горбачеву, дескать, действовал смело и решительно, весь был в заботах о переустройстве Европы. Поэтому и пала «империя лжи», ненавистный Советский Союз.

Что и говорить, эти свидетельские показания бесспорно тянут на статью Уголовного кодекса за измену Родине. Горбачев снискал себе такую дурную славу в стране, что один из российских депутатов, обсуждавший Договор о Содружестве Независимых Государств, заявил: «Договор хорош уже тем, что, слава Богу, уходит Горбачев».

Зато Гельмут Коль выдал панегирик в адрес уходящего: «В течение почти семи лет, что он стоял во главе государства, М. Горбачев осуществил революционные перемены у себя дома и обновил внешнюю политику СССР.. Михаил Горбачев вывел свою страну из паралича и угнетения, в которых она пребывала последние 70 лет.. Решающий вклад Михаила Горбачева в достижение единства Германии и начало новых взаимоотношений между нашими народами не будет забыт. Мы, немцы, и я лично обязаны этому многим».

Так и хочется спросить Коля: «Это запуск Гагарина в космос — паралич? Расцвет науки в братских республиках — угнетение? Да о таком параличе мечтают во многих европейских странах.

Послушаем бывшего президента Франции Франсуа Миттерана: «Я приветствую Горбачева как самого выдающегося человека в истории нынешнего столетия, добившегося появления демократии в своей стране, завершения «холодной войны» и разоружения».

Ах, как лукавит Франсуа Миттеран. Да неужто он забывал, что в XX веке жили Сталин, Рузвельт, Черчилль, Шарль де Голль?

Мы уничтожили ракеты средней и меньшей дальности, в том числе и «Оку», а Франция в это время приняла на вооружение ядерную систему с дальностью пуска 500 километров.

Как же это понимать? Мы выступили с инициативой уничтожить тактическое ядерное оружие и вывести войска из Германии, а французы и немцы создают совместный армейский корпус. Против кого? Чтобы угрожать России?

Но Миттеран знал, что делает, поэтому и не советовал Горбачеву стремиться к объединению Германии. Пока же Франция, приветствуя «выдающегося человека», продолжает испытания ядерного оружия, ни чуточки не смущаясь тем, что ее осуждают люди доброй воли.

Послушаем Маргарет Тэтчер: «Это великий человек... Он вернул свободу странам Восточной Европы... Он впервые подарил ее народам Советского Союза. Настоящую личную и политическую свободу. Это огромное свершение... И он добился этого, не сделав ни одного выстрела».

Странное понимание свободы. Я был в Бомбее, так там до сих пор помнят о «свободе», насаждаемой в свое время англичанами. Белый город исключительно для богатых, беднякам же — городские трущобы.

Не пройти нам и мимо бывшего президента США Рональда Рейгана: «С самой первой встречи на высшем уровне в Женеве и затем во время других наших важных встреч я всегда находил его очень смелым лидером... Михаил Горбачев останется навсегда в истории. У него было огромное желание убрать те барьеры, которые разделяли наши страны...»

Р. Рейган — актер и довольно неплохо сыграл главную роль в своей жизни — роль президента США. На пути сближения с Советским Союзом он не убрал ни одного барьера, наоборот, чинил препятствия. Он добился, благодаря пособничеству со стороны Шеварднадзе, демонтажа Красноярской РЛС (СПРН) и в то же время строил станции СПРП с фазированной решеткой в Гренландии и Англии. Америка для себя всегда находит оправдание...

Польстил Горбачеву и бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзекер: «В эти дни и недели исторических перемен я бы хотел передать Вам искреннюю благодарность от имени немецкого народа за то сильное влияние, которое Вы оказали на процесс преобразований в Европе и на отношения между Востоком и Западом, а также за инициативы в области разоружения, которые превратили этот мир в более безопасное место».

Рихард фон Вайцзекер воевал под Ленинградом, он был моим противником, я тоже воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, защищая Ленинград, который они — фашисты — жаждали стереть с лица земли.

Кто же нам нахваливает Горбачева? Те, кто под фашистскими стягами разграбили Красное Село, Петродворец, Гатчину, Лугу, Псков, Новгород...

Фон Вайцзекер передает уходящему из Кремля «искреннюю благодарность от имени немецкого народа». А разве Хонеккер не немец, которого Горбачев предал?..

Особенно пленили нас рассказы о Горбачеве из уст министра иностранных дел Германии Ганса-Дитриха Ген-

шера: «...Немецкий народ никогда не забудет, что именно Горбачев дал согласие на объединение Германии... Этим он завоевал признательность и сердца немецкого народа». Горбачев «вернул свободу и независимость народам Центральной и Восточной Европы и самым решительным образом способствовал процессу разоружения».

«Решительным образом способствовал процессу разоружения». Да Горбачев, кроме своей армии, больше никого не разоружил! Это факт исторический. Под прикрытием стремления народов к самоопределению мафиозные политические деятели, используя безволие Горбачева, при поддержке определенных сил на Западе, начали борьбу за власть. Западные спецслужбы сосредоточили все свои усилия на том, чтобы создать в СССР «политическую оппозицию». Рано или поздно история ответит на пока тщательно скрываемые вопросы величайшей трагедии. Как мафиозные структуры и кланы, используя политическое безволие Горбачева, при поддержке русофобской клики на Западе, начали борьбу за свое влияние на умы, не стесняясь в выборе средств...

* * *

Вспоминаю прием Р. Чейни, министра обороны США, в Москве. По протоколу сначала я давал обед в честь министра, на котором присутствовали члены делегации США и посол с супругой. Перед отъездом же из СССР Чейни пригласил нас отобедать в посольство США. От Министерства обороны СССР этой чести удостоились всего шесть человек. Украшением приема стали: взяточник Станкевич, будущие воровские авторитеты, как всегда, подсустились представители творческой интеллигенции — Евтушенко чуть ли не в обнимку ходил с Чейни. Должно быть, поэт, автор сценария «Я — Куба», поэмы «Казанский университет» из жизни Владимира Ульянова, делился секрета-

ми мастерства по созданию нетленок. Вскоре появились и Б. Окуджава, и Б. Ахмадулина, а также И. Заславский с супругой. Западные спецслужбы рассчитывали на «агентов влияния», которые направляли недовольство в нужное ЦРУ русло.

Чейни пригласил шесть человек и в пять раз больше едоков, которые не имели никакого отношения к оборонным делам. Цель этой акции предельно ясна.

Но послушаем З. Бжезинского, который в своей книге «План игры» предельно ясно высказался о том, что взять за основу в борьбе с СССР: «Поощряя нерусских требовать большего уважения к их национальным правам, можно будет постепенно переключить политический процесс в Советском Союзе на сложный и поглощающий внимание вопрос, который ляжет в основу современной политической системы перераспределения политической власти. С точки зрения Запада более желательно, чтобы этот вопрос стал главной заботой советского руководства, а не экономические реформы».

Руководству Министерства обороны, равно как и президенту, было известно, что эмиссары западных разведок довольно часто выходили на прямые контакты с руководителями «демократических» неформальных объединений. А через два года сотрудники разведорганов Запада уже официально состояли на службе в высших эшелонах власти прибалтийских республик в качестве советников и прочих «деловых людей».

«Перестройка», «новое мышление», «плюрализм», «вседозволенность и национализм» использовались Западом с одной целью: убрать с мировой арены СССР.

Не имея четкой концепции, Горбачев шарахался из стороны в сторону, свои неудачи и провалы он списывал на «виноватых» в центре. Газеты запестрели многочисленными перлами Горбачева: «Большая армия — большая кормушка для генералов и офицеров. Маленькая ар-

мия — маленькая кормушка. Выбирайте!» Или: «Во всем виноват Рыжков, с него и спросим».

Попал в немилость и Павлов.

Западные политологи называли Михаила Сергеевича российским Бисмарком. Бисмарк остался в истории как «железный канцлер». Важнейшей своей задачей он считал консолидацию нации, без которой бессмысленно задумываться над проведением каких-либо экономических реформ.

Эту истину Бисмарка прекрасно усвоили в конце XX столетия китайцы. Многие теоретики-экономисты считают, что Ельцин совершил роковую ошибку, передав бразды управления экономикой амбициозному Гайдару, а не реалисту от экономики Валентину Павлову. Кстати, архитектор китайских реформ Дэн Сяопин советовал своим последователям тщательно изучать пакет экономических преобразований, предложенный опальным премьер-министром для возрождения России. Кое-чем из теоретического наследия Валентина Павлова в Пекине даже воспользовались. Но Горбачев, с присущей ему бестактностью, устроил Павлову аутодафе, отдав его на растерзание заангажированным «акулам пера». Вполне вероятно, что политическую участь последнего советского премьера Горбачев решил с подсказки Буша.

«ПОТЕРПЕВШИЙ». СВИДЕТЕЛЬСТВА ГОРБАЧЕВА

Главным свидетелем проходил Горбачев, его считали «потерпевшим» и надеялись, что он справится с этой ролью. Играть ему пришлось много за свою жизнь. На первый вопрос, какова была обстановка в стране в начале августа, Горбачев ответил: «Ситуацию, которая складывалась в стране к моменту моего ухода в отпуск, я могу охарактеризовать как беспокойную, тревожную. Она проявилась накануне, на сессии Верховного Совета, когда вдруг развернулась дискуссия о полномочиях кабинета министров. Причем, возвращаясь к прошлым событиям с позиций сегодняшнего дня, видишь там половину действующих лиц: Янаев от имени президента участвовал, Павлов излагал какие-то требования, Крючков, Язов, Пуго докладывали о ситуации. Но я должен сказать, что сейчас мы связываем это вроде бы как логическое развитие событий, как какие-то звенья всего этого процесса. Словом, противоборство сил нарастало.

Чем дальше мы продвигались по пути перестройки, тем сильнее задевали реформы все сектора жизни — партию, армию, госбезопасность и МВД, не говоря уже про экономику.

Я видел свою задачу в том, чтобы удержать процесс в рамках конституционных, демократических, несмотря на противостояние. На Пленуме партии, в апреле, уже явно была видна заготовленная массированная атака на президента, когда 32 секретаря из 72 российских подписали

заявление с известными требованиями. Консервативные силы консолидируются. Я об этом сказал прямо, чтобы предупредить эти атаки, чтобы двигать партию к реформированию с учетом всех процессов, которые проходят в стране.

Я уже на двух последних Пленумах начинал не с докладов, а прямо с выступления. Называл вещи своими именами. Было очевидно, что противоборство сохранилось. Но все-таки в последние месяцы у меня уверенности было больше в том, что мы через эту трудную фазу будем проходить уверенно, успешно.

К тому же начался «новоогаревский процесс». Эта очень важная тенденция, зародившаяся в самом обществе, им принята. Потому что общество не хотело гражданского конфликта. Нам достаточно региональных конфликтов. На базе «новоогаревского процесса» возникла возможность выйти на Союзный договор. Будет ясно, кому что делать, за что отвечают республики и за что — Центр...».

Отвечая на первый вопрос, Горбачев показал: он плохой мистификатор. Вначале хотел удержать процесс в конституционных рамках, а потом, поклявшись на Конституции, понадеялся на антиконституционный «новоогаревский процесс», который приведет к созданию СНГ.

Что же касается выступлений В.С. Павлова, В.А. Крюкова, Б.К. Пуго и Д.Т. Язова 17 июня 1991 года на заседании Верховного Совета СССР, то следует отметить: все наши выступления санкционировал лично Горбачев. Не было там крамолы. Один Гавриил Попов усмотрел в выступлениях заговор, побежал стучать послу США Д. Мэтлоку, дескать, в Кремле зреет переворот. О каких моральных устоях Попова можно говорить, если на подиуме горбачевских реформ он демонстрировал политический гардероб Буша?..

О чем же говорил В.С. Павлов на заседании Верховного Совета СССР? Он доложил о проделанной работе правительства, об экономическом положении и о мерах, которые следует предпринять, если парламент даст Кабинету министров СССР соответствующие полномочия.

Валентин Сергеевич потребовал:

1) предоставить Кабинету министров СССР право законодательной инициативы;

2) наделить Кабинет министров СССР правом принимать решения нормативного характера по реализации принятых программ экономической стабилизации и экономической реформы до принятия по этим конкретным вопросам Верховным Советом СССР соответствующих законов с докладом о таких решениях Президенту и Верховному Совету СССР не позднее чем в 10-дневный срок с момента их принятия;

3) разрешить правительству создать централизованную, независимую, единую налоговую службу по всей стране;

4) восстановить единство банковской системы;

5) предоставить Правительству СССР право на базе централизации и укрепления соответствующих служб и подразделений КГБ СССР, МВД СССР, Прокуратуры СССР, Минобороны СССР и некоторых других органов создать единую общесоюзную службу борьбы с организованной преступностью.

О чем я докладывал депутатам Верховного Совета СССР?

1. Сокращение ракет средней и меньшей дальности закончено. Рассматриваются вопросы по сокращению стратегических наступательных вооружений на 50 процентов, и предстоит уничтожить около 6 тысяч ядерных

боеприпасов и около 800 ракет-носителей. При этом потребуется для утилизации около 5 млрд. рублей.

2. Из Венгрии вывод войск закончен. Из Чехословакии осталось отправить 5 эшелонов. Из Германии в этом году предстоит вывести еще четыре дивизии.

Далее я подробно остановился на проблеме размещения личного состава выводимых из групп войсковых частей. Немецкая сторона выделила 7,8 млрд. марок на строительство военных городков. Мы провели торги с иностранными фирмами на строительство жилья. Выиграла финская фирма, она строит дешевле немцев.

3. Много идет разговоров и о вывозе с территории Германии ядерных боеприпасов. Но ядерные боеприпасы имеются и у американцев, англичан, французов.

4. После решения президента сократить на 500 тысяч личный состав армии мы уволили 100 тысяч офицеров. Из них 50 тысяч с правом на пенсию, 35 тысяч по собственному желанию — по рапортам. Но это не означает, что в армии нет излишка должностей, наоборот, у нас недокомплект офицерского состава на 8 процентов — в основном младших командиров. Необходимо найти должности тем, кому осталось дослужить 2-3 месяца до ухода на пенсию.

5. Сложная ситуация сложилась с призывом граждан на действительную военную службу. В настоящее время образовался некомплект личного состава — более 350 тысяч человек. Союзные республики приняли законы, в соответствии с которыми практически призвать на службу невозможно. В ряде республик план призыва выполнен всего-навсего на 6 процентов, например, в Прибалтике, Армении, Грузии.

Если и дальше подобными темпами будем вести призыв, то к концу этого года укомплектованность Вооруженных Сил составит всего 70%. В пограничных войсках некомплект уже достиг 20%.

О каких дополнительных полномочиях говорил председатель КГБ В.А. Крючков, выступая на этой сессии?

«В период, когда исполнительные органы власти должны действовать особенно энергично и эффективно, не допуская возникновения всеобщего хаоса и анархии, их работу пытаются блокировать, мешают поддерживать конституционный порядок и стабильность в стране. Проявление терпимости, гибкости, стремление решать возникающие проблемы политическими средствами — понятны и оправданны. Однако есть пределы, за которыми просто необходимо и власть употребить. Нужны настойчивость и решительность в главном — в защите Конституции СССР, кстати, никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной на Всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, в обеспечении прав и законных интересов граждан.

Во всем мире идут процессы интеграции, потому что это — веление времени, другого выхода нет. У нас же идет активный процесс дезинтеграции. Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют определенные внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к одному весьма примечательному документу, направленному в 1977 году высшему руководству нашей страны внешней разведкой Комитета государственной безопасности. Сейчас можно осветить этот документ, потому что источник уже не относится к «особой важности». Датирован он 24 января 1977 года, адресован ЦК КПСС, называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан».

Далее В.А. Крючков познакомил с документом, подписанным Ю.В. Андроповым, в котором говорилось: «...Аме-

риканская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, продвигать их в сферу управления политикой, экономикой и наукой. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение навыков шпионской деятельности. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе».

В одном из американских документов под названием «Требования к разведке в 90-е годы» говорится: «В предстоящем десятилетии тайные операции американских разведывательных органов против СССР будут важным инструментом внешнеполитической деятельности правящих кругов Соединенных Штатов Америки».

Доклад премьера, как и выступления министров, остались без последствий. Уже тогда, в июне, Горбачев, Ельцин, Попов и другие деятели «Демократической России» действовали сообща.

Вопрос Горбачеву: «Когда вы находились на отдыхе, кто выполнял обязанности Президента СССР? И надеялось ли это лицо всеми конституционными полномочиями?»

Горбачев подумал и ответил: «Нет, полномочиями обладал только президент. Подобная процедура не была предусмотрена. Вице-президент, как и премьер-министр, действуют лишь в пределах своих полномочий.

Уезжая в отпуск, я высказал пожелание, чтобы Крюков и Язов находились на месте, я доверял им полностью. На сей раз я, словно что-то предчувствуя, попросил быть на месте и Ельцина».

Небольшой комментарий к «словно что-то предчувствуя» и к тому, что ситуация, возникшая 18 августа, явилась для него полной неожиданностью. Я уже отмечал, что Попов услужливо поднес фитиль к запалу ГКЧП через посла США Мэтлока еще 17 июня.

А. Бессмертных на допросе 6 ноября 1991 года рассказал о том, что 20 июня 1991 года, когда он только что возвратился из американской резиденции после переговоров с Дж. Бейкером в советское посольство в Берлине, ему позвонил сам господин Бейкер, предложив встретиться по весьма срочному делу.

Александр Александрович в это время уже беседовал с министром иностранных дел Кипра. Но, выдумав предлог, он оставил киприота, и через черный ход помчался к госсекретарю США.

Дж. Бейкер сказал Бессмертных: «Я только что получил из Вашингтона информацию. Я так понимаю, она построена на разведывательных источниках. Вполне вероятно попытка уже сегодня сместить Горбачева».

Далее Бессмертных сообщил: «Я, конечно, совершенно опешил! Бейкер сказал, что его слова подтверждает шифровка». Далее он пояснил: «Понятно, это дело сугубо деликатное, и нам нужно как-то такую информацию передать. По нашим данным, в смещении будут участвовать Павлов, Язов, Крючков». Возможно, Бейкер еще кого-то назвал, но за троих я отвечаю точно. Эту информацию необходимо довести до сведения Горбачева».

Далее Бейкер спросил Бессмертных: «Есть ли совершенно защищенная связь с президентом? ВЧ у вас находится под контролем КГБ». Бейкер предложил имеющуюся информацию передать через американское посольство. Я в свою очередь обещал позвонить А. Черняеву, попросить его, чтобы быстро организовали встречу с послом США.

Вернувшись в посольство, Бессмертных свернул беседу с министром Кипра и позвонил Черняеву. Он сообщил о беседе с Бейкером, попросил его, что если на прием запросится посол Мэтлок, то желательно бы принять его. Черняев ответил: «Уже попросился, мы его принимаем».

22 июня утром, в день начала войны с фашистской Германией, состоялось возложение Горбачевым венков на могилу Неизвестного солдата. После церемонии возложения венков Михаил Сергеевич и принял Бессмертных, министр лично доложил полученную информацию от Бейкера.

«Михаил Сергеевич, — вспоминал Бессмертных, — поблагодарил меня за то, что я ему все рассказал. Он также сказал, что с этими деятелями поговорил. Круто поговорил. Но обстоятельства этого разговора мне неизвестны».

Лично со мной ни «круто», ни спокойно никто не разговаривал, президент солгал министру иностранных дел. Кому же он говорил правду? Остается только думать: президенту США!

Но вернемся к протоколу допроса «свидетеля» Горбачева на суде.

Вопрос: «Непосредственно перед отъездом в Крым у вас были контакты с кем-либо из будущих членов ГКЧП? Не показалось ли вам их поведение необычным?»

Ответ: «Да, встречи были, но самого обычного рабочего порядка. Кроме того, они практически все провожали меня на отдых».

Отвечая на вопросы, Горбачев старался унизить приехавших к нему в Форос товарищей. Себя же Горбачев старался представить героем. Это хорошо понимали те, кто стояли за ним и, льстя его самолюбию, помещали Горбачева среди роскошных декораций Истории. Если же Горбачев проговаривался, то его монолог заглушали победными фанфарами. Все другие маленькие театрики Ростроповича, Афанасьева, Боннэр, расстриги Якунина были призваны растиражировать кремлевскую пьеску, как раньше говаривали, «от Керчи до Вологды».

Демократия победила, но среди победителей не оказалось Горбачева. Остались не востребованными и модные платья Раисы Максимовны от столичного кутюрье, в которых доктор философии щеголяла на политических смотринах во время выездов Горбачева на областные партийно-хозяйственные активы.

Со временем костюмы от этой политической массовки на себя примерили «спасители России» с сомнительной репутацией, а реквизит от кремлевского спектакля растащили по бывшим советским республикам.

Валентин Иванович Варенников так воссоздает картину встречи с Горбачевым в Форосе: «Беседа с нашей стороны проходила корректно. Михаил Сергеевич же допускал непарламентские выражения. Для меня это было стран-

ным. Но затем я все это отнес на счет того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено.

Мною первоначально было принято решение — отсидеться и отмолчаться, тем более что никто никаких конкретных задач по этой встрече не ставил. Но беседа сложилась так, что я вынужден был подать реплику, а затем и предоставить президенту широкую информацию о высказываниях офицерского состава. Офицеры, в частности, спрашивали, почему проект Союзного договора не отражает результаты референдума, а также требования Съезда народных депутатов СССР о сохранении Союза? Почему сепаратистским, экстремистским силам позволено действовать так, как они считают нужным? Почему военнослужащие во всем ущемлены? Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент на ней присягал перед всем советским народом?

Горбачеву ничего не оставалось, как сказать: «Я все это уже слышал...»

* * *

Горбачева допрашивали 14 сентября, а Раису Максимовну 8 октября 1991 года, так что было время подготовиться.

Слово Раисе Максимовне: «Под арестом нас держали 73 часа. Первое потрясение, когда Михаил Сергеевич зашел и объявил, что мы изолированы, что это арест. Михаил Сергеевич заметил, что он ни на какие авантюры не пойдет. «Мы с тобой», — сказала семья...

Очень трудно было понять, что в это время творилось и на море. Увеличили число сторожевиков и боевых кораблей... По-видимому, нам демонстрировали, что мы арестованы, что вокруг нас полная изоляция и нас в любой момент могут вывезти. Военные корабли — несколь-

ко десантных кораблей на воздушных подушках, как рассказал Толя, — шли прямо на нашу дачу. Не дошли совсем немного».

Следствие допросило сотни свидетелей, и никто не подтвердил, что менялось число «сторожевиков» на охране акватории вокруг дачи президента. Катера на воздушной подушке из Феодосии переходили на базу в Донузлав и ближе 14 -15 километров к берегу не подходили.

Следователь Леонид Георгиевич Прошкин весьма вежливо поставил вопрос Раисе Максимовне: «Кого-либо из охраны, из obsługi вы просили о помощи, о содействии в организации связи с внешним миром? И был ли отказ с чьей-либо стороны либо препятствие в этом? Или настолько все было поставлено, что было невозможно кого-либо просить?»

Ответ Раисы Максимовны: «Мы вынуждены были общаться с Генераловым. Все требования — включить связь, дать газеты, включить телевизор — мы передавали Генералову через Олега и Бориса из охраны. Они были старшими по охране, и у нас не было оснований им не доверять. К ним я обратилась и с вопросом, можно ли передать информацию на волю, минуя Генералова?»

После того как Олег сказал, что мы блокированы с моря и по суше не проползешь, я стала думать, кому из окружающих нас мы можем доверить пленки и заявление Михаила Сергеевича. Одну из пленок я дала А.С. Черняеву по простой причине — с ним работала Ольга, а у нее, со слов Анатолия Сергеевича, больной ребенок и больной отец в Москве. Они — Анатолий Сергеевич и Ольга — бесконечно требовали, чтобы ее выпустили».

Маленькое пояснение. Муж Ольги Ланиной — водитель президента, его жена Ольга — референт Черняева.

Слово Раисе Максимовне: «Они бесконечно требовали, чтобы ее выпустили в связи с тем, что у нее дома такая ситуация. Поэтому я и попросила Черняева передать пленку

Ольге. Я попросила, чтобы она отнеслась серьезно к этому поручению и тщательно хранила пленку. Остальные пленки мы спрятали, одну из них я передала доктору».

Прошкин: «Доктору — это кому?»

«Игорю Анатольевичу. Другую Ирина спрятала так, что никто бы не нашел. Один документ я взяла себе, надеясь сохранить. С самого начала я чувствовала, что мы одной судьбой объединены — все, кто были в доме: и охрана, и наши женщины».

Очень здорово сказано! Одни царствовали, а другие на них спину гнули. Чего же вы Ольгу в Японию или в Америку не взяли? И почему женщины, которые связаны с вами одной судьбой, не могли искупаться на вашем пляже, а ходили на дикий пляж? Даже помощник Черняев уходил от вашего пляжа в сторону, чтобы искупаться.

Прошкин: «Женщины в доме — это кто?» «В Форосе есть люди, которые постоянно работают и поддерживают порядок. Они работают не только на даче президента, но и на других объектах. Я затрудняюсь сказать, сколько их было».

Вопрос следователя: «Не говорил ли Михаил Сергеевич, кто из участников ГКЧП был самым активным?»

«Чтобы за Михаила Сергеевича не отвечать, я только одно могу сказать, кто наиболее активным был, я не знаю. Он сказал, что вел себя наиболее бесцеремонно Варенников. Но меня, конечно, поразил Плеханов. Раньше без разрешения даже в дом не заходил. А на сей раз он не только их на территорию дачи провел, но и в дом...»

* * *

Перечитываешь ответы бывшей первой леди обкомов, крайкомов, национальных округов и думаешь: Сколько кичливости в ответах профессора философии, знатока английского этикета. Не инопланетяне прибыли посоветоваться с Горбачевыми — соратники по партии. На вопрос:

«Сказалось ли происшедшее на здоровье президента, его семьи?» Раиса Максимовна постаралась и здесь выдавить слезу у следователя. «Я и Ирина прошли специальное лекарственное лечение» — ответила она.

Хорошо поживало семейство Горбачева, поди в каждой комнатенке по телефону. Звони — приглашай со всего света светил медицины, витаминься за счет казны! Это сегодня ветераны войны умирают без лекарств. Обвинитель от Народного Трибунала В.И. Илюхин так охарактеризовал геноцид народа в Отечестве, руководимом Горбачевым:

«То, что империализм не мог сделать во времена прямой агрессии против СССР и «холодной войны», он сделал с помощью агента М. Горбачева и кучки ему же подобных прихвостней, стоящих у руля государства и партии. Но даже Запад, кажется, не ожидал такого успеха. Более 70 процентов населения оказались за чертой бедности. Люди уходят из жизни, будучи доведенными до полного отчаяния социальными условиями, бытом. В 1991 году в России совершено 39 тысяч самоубийств, из них 8 тысяч женщинами».

Догадывалась ли об этом Раиса Максимовна? Должна была знать!..

Из показания дочери Горбачевых, Вирганской Ирины Михайловны: «Это был шок. Абсолютно. Всегда, когда как-то представляешь себе события заранее, кажется, что поймешь и подготовишься. А когда события начинаются, то оказывается, что это неожиданный удар. Не знаю, сколько времени, ну, наверное, минут 20 мы еще говорили об этом... Потом папа пошел к ним, они все ушли в его кабинет. А мы вышли и сели на диване, стоящем у входа в кабинет. Сидели мы там все время, пока они разговаривали.

...На выходе мама спросила у Бакланова: «Зачем вы сюда приехали?» «Мы ваши друзья», — не вдаваясь в подробности, ответил Бакланов и протянул на прощанье руку. Мама руки ему не подала.

Ночью, после двенадцати, когда все улеглись... Толя снимал... Папа делал обращение к народу. Я ходила рядом, чтобы никто не появился. Мы отсняли несколько раз, закончили очень поздно, после трех... Потом пленку приводили в транспортабельный вид... Закончили работу к 6 утра. Утром копии я отдала маме. Было всего 4 копии».

...Как мне кажется, наиболее весомыми были показания Черняева, помощника президента по международным вопросам. М.С. Горбачев говорил Черняеву: «Давай думать вот над чем: то ли это будет статья, то ли выступление по телевизору, то ли брошюра из нескольких статей. Ситуация такая, что надо основательно все продумать. Продумать, где мы оказались, в каком положении страна. Ситуация очень опасная — она может взорваться в разных направлениях».

Горбачев о прилете группы товарищей так сказал Черняеву: «Явилась вот эта публика — сволочи! Особенно этот мой Болдин. От него я никак не ожидал».

Безусловно, Горбачев прав. В Форос приехали не члены Нобелевского комитета. И справедливости ради отмечу: среди «публики» был и генерал В. И. Варенников, он не струсил, когда рванул реактор, а помчался в Чернобыль получать свою дозу радиации, не отсиживался, как Горбачев, в Кремле. Поэтому, чтобы навсегда отучить «лучшего немца года» хамить русским генералам, я приведу отрывок из книги «Крушение пьедестала» Валерия Ивановича Болдина: «Горбачев свалил все чернобыльские заботы со своих плеч долой. Он обязан был побывать в трудные дни на месте аварии. Но факт остается фактом: не поспешил Горбачев в Чернобыль, как не возникло у него желание посетить и другие горячие точки страны, где ждали помощи от лидера государства. Не пожелал он приехать в Тбилиси, Карабах, Сумгаит, на места межэтнических волнений в Узбекистане и Казахстане».

Но послушаем Анатолия, зятя. Натерпелся зятек страха, почувствовал, вот-вот кубарем покатится Горбачев

с вершины власти: «Все в Форосе смотрели 19-го пресс-конференцию. Мы боялись, что могут отравить, раз заявили, что Михаил Сергеевич болен. Михаил Сергеевич продиктовал требование к Генералову: вернуть самолет! У Генералова была связь с Плехановым. А сейфом служила дамская сумочка Раисы Максимовны — она ее все время носила при себе и складывала туда все записки. «Пусть Ольга все это напечатает, а я подпишу, чтобы был виден мой почерк», — говорила она. А дальше Толя-зять вспоминает, как он дал самое секретное задание Ольге Ланиной за всю историю СССР, о нем не мечтал даже полковник Исаев: «Ольга, есть такой вариант!» Я отдал ей этот комочек, завернутый в бумагу, она пристроила его в джинсы...

Ай-да, Раиса Максимовна, перехитрила Генералова. Передала на волю шифровку: «Жив! Жив курилка Горбачев! Он к вам еще вернется с протянутой рукой!»

В самолете Горбачев летел в Москву, сидя рядом с Силаевым. Тосты друг за друга, благодарности, вино лилось рекой! Крючков летел в этом же самолете, пытался переговорить с Михаилом Сергеевичем, но его не допустили.

Далее Черняев утверждает: «Я вспомнил, Горбачев говорил: «Я не могу поверить, чтобы Крючков и Язов...» Он как-то в самолете сказал Язову: «Я понимаю, как тебе тяжело, но я ценю, что ты из высших соображений политики, высокой политики, которую мы делаем, лояльно выполняешь то, что президент считает нужным».

Об этом Горбачев заговорил со мной, когда я попросил отставку в связи с болезнью. Тогда же и Шеварднадзе пожелал уйти в отставку. Это было в самолете по пути из Парижа в Москву.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕЛЬЦИНА И ГРАЧЕВА

Бориса Николаевича Ельцина допрашивали, когда не стало Советского Союза, уже ушел из Кремля Горбачев и был поднят флаг над Кремлем. Допрос проводился в Кремле 13 января 1992 года.

Ельцин расписался в протоколе допроса свидетеля «Об ответственности за отказ и уклонение от дачи показаний по ст. 182 УК РСФСР и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР предупрежден».

...Впервые я встретился с Борисом Николаевичем в 1985 году, когда, будучи секретарем ЦК КПСС, он занимался вопросами военно-промышленного комплекса и прибыл на Дальний Восток для знакомства с предприятиями, работающими на оборону страны.

По русскому обычаю гостя встречали хлебом-солью. Об истории края Борису Николаевичу поведал первый секретарь крайкома Алексей Клементьевич Черный. И где-то после обеда Алексей Клементьевич позвонил мне (я был командующим войсками ДВО), предупредил, что Борис Николаевич желает посетить Музей войск ДВО.

Музей и в самом деле заслуживал внимания. Много боевых реликвий раздобыл генерал армии И.М. Третьяк, а по инициативе Н.Ф. Кизюна грековцы написали диораму «Штурм японского укрепленного района в августе 1945 года». Выставили во дворе и образцы оружия периода Великой Отечественной войны, была даже представлена танкетка, которая участвовала в боях на озере Хасан.

Как сейчас помню: сначала познакомил я Бориса Николаевича с деятельностью Н.Н. Муравьева-Амурского,

адмирала Г.И. Невельского, рассказал о службе А.Ф. Можайского в этих краях. Вскоре дошла очередь и до военного руководителя С.Г. Лазо.

...И вот новый сюжет для студии Грекова: «Ельцин выступает в качестве свидетеля по делу ГКЧП».

Как рассказывал Ельцин, 19 августа 1991 года он позвонил Грачеву и спросил его: «Что происходит?» Грачев объяснил, что введено чрезвычайное положение, что войска идут к Москве. И спросил: что мне делать? В свою очередь Ельцин попросил выделить десантников личного состава ВДВ для охраны здания правительства России.

Возникает вопрос: почему президент России обратился именно к Грачеву? И я вспоминаю, как в конце мая 1991 года Ачалов и Грачев прибыли ко мне в кабинет с предложением провести в Туле учение полка ВДВ для Б.Н. Ельцина. Он посетит Тулу вместе со Ю.В. Скоковым. Среди встречавших был и Грачев. Потом мне доложили: учение чуть позже собирались продемонстрировать и министру обороны США господину Чейни.

Учение открыли девушки-парашютистки. Приземлившись с флагами СССР и РСФСР, они преподнесли Борису Николаевичу цветы. Сначала Грачев предложил выпить за благополучное приземление красавиц. Выпили! А когда опустились многокупольные парашюты с техникой, снова опрокинули стопарик! Кто-то под хмельком даже поинтересовался у гостя: «Борис Николаевич, много за свою жизнь испробовали стопариков?» — «Никогда себя не обижал. Больше, чем сейчас в небе парашютов. Я умею «десантировать» стаканы».

Надо отметить, что Тульская воздушно-десантная дивизия под командованием А. Лебеда блистала. А учения разведывательной роты на штурмовой полосе у Чейни вызвали неподдельный восторг. Борис Николаевич еще заметил: «Я тоже так могу». Все порывался проползти под огнем и колючей проволокой. Но Грачев отсоветовал Бо-

рису Николаевичу: «Неудобно будет в мокром костюме выступать перед избирателями. Люди выбирают президента, а не разведчика Тульской дивизии».

Так Грачев и познакомился с Ельциным, у них установились весьма приятельские отношения.

Б.Н. Ельцин утверждал на допросе, что гекачеписты задержали вылет его самолета из Алма-Аты 18 августа аж на четыре часа. Позже один из его приближенных, не зная показаний своего патрона, напишет в «Литературке», что Нурсултан Абишевич Назарбаев мастерски играл на домбре, а Борис Николаевич на ложках. Настолько ладился концерт, что порешили отложить вылет. Вылет состоялся только через четыре часа. Когда поиграли в любимую игру президента теннис и помылись в баньке, Б.Н. Ельцин дал заведомо ложные показания, но что могло грозить «всенародно избранному»? Впереди еще был штурм Белого дома...

* * *

Грачева впервые допросили 25 октября 1991 года.

В свободном изложении он говорил: «В 12—13 часов 18 августа (на самом деле было в 9.00) меня вызвал Язов. Я прибыл к нему с генералами Сорокиным и Пикаускасом. У Язова находились Варенников (его не было!), Ачалов, Бетехтин, Шуралев (также не было). В кабинете Язов завел речь о том, что готовится правительственная делегация для поездки к М.С. Горбачеву, пришли к выводу: так дальше жить нельзя. Горбачеву предложат для наведения порядка ввести в стране чрезвычайное положение.

Следует отметить, что Язов на этом совещании указал: вводить меры чрезвычайного характера без согласия М.С. Горбачева нельзя. Какие персоны полетят к генсеку на совещание — не объявили.

Язов дал команду нам убить на места, и на этом все разошлись. На совещании у Язова Ачалов никаких суждений по рассматриваемым вопросам не высказывал.

В седьмом часу вечера Язов снова нас вызвал и сообщил: «Делегация находится в Форосе, ведутся переговоры с президентом. Видимо, они будут успешными и М.С. Горбачев даст «добро». Далее он сказал, что М.С. Горбачев болен. Янаев возьмет на себя исполнение его обязанностей.

В 4 часа ночи 19 августа Язов вызвал меня на связь и объявил: «Все вопросы решены, вводится ЧП». Он пояснил: «Как тебе действовать, скажет Ачалов». Из этих распоряжений я понял, что Язов лично руководит войсками.

Примерно через час позвонил Ачалов: «Объявили полную готовность Тульской дивизии ВДВ, ее предстоит выдвинуть в сторону Москвы». На мой вопрос: чем это вызвано? Ачалов ответил: «Язов приказал». Я выполнил эту команду и через полтора часа доложил Язову о готовности к выдвижению. Язов дал «добро» и приказал выйти в район аэродрома Тушино. К этому времени я вызвал из отпуска генерала Лебеда и приказал ему, чтобы он контролировал движение дивизии.

После 6 часов утра мне позвонил по телефону в кабинет Б.Н. Ельцин, спросил меня: что происходит? Я ему объяснил, что введено чрезвычайное положение, войска идут из Тулы к Москве в Тушино, а дальше будут действовать по указанию министра обороны. Дивизия выдвигается для обеспечения общественного порядка и охраны важнейших государственных и хозяйственных объектов, а также системы жизнеобеспечения.

На это Б.Н. Ельцин заметил, мол, это авантюра, провокация. Он приказал, чтобы я выделил личный состав ВДВ для охраны Белого дома. В 8.00 утра ко мне приехал советник Б.Н. Ельцина Портнов, и мы договорились с ним о взаимодействии.

Около 8 часов этого же дня мне позвонил Ачалов, передал указание взять под охрану: Госбанк, Гохран, радио и телевидение. (Радио и телевидение было взято под охрану до 6.00. Забыл Павел Сергеевич, что он из «Медвежьих озер» выделил и направил для этой цели разведывательную роту.) При этом я сказал Ачалову, что беру под охрану Белый дом и Моссовет. О просьбе Ельцина взять под охрану Белый дом Ачалов уже знал.

20 августа началось с того, что Язов спросил меня: почему Лебедь продан, почему он был у Ельцина? Я ему откровенно сказал: «Лебедь взял под охрану Белый дом, Язов приказал вызвать Лебеда, а мне идти в кабинет к Ачалову на совещание.

(Неправда. Во-первых, я с Грачевым не разговаривал. С утра находился в кабинете Янаева, там был Ачалов. Помощник Янаева приоткрыл дверь и сказал: «Вас просят к телефону». Я кивнул Ачалову: «Идите переговарите». Ачалов вернулся минут через пять: «Эхо Москвы» сообщило, что Лебедь застрелился».)

В кабинете Ачалова находились люди, многие в гражданской одежде, — сотрудники КГБ. Ачалов сидел за своим столом, слева от него — Агеев, Варенников. Хотя совещание проходило у Ачалова, создалось впечатление, что вел его Агеев, он больше всех выступал, особенно против Ельцина. Мол, что правительство России ведет себя не так, как нужно, придется применить силу, в том числе и десантную дивизию.

(Не знаю, что говорил Агеев, но в сказанное Грачевым верится с трудом. В.И. Варенников не присутствовал на совещании, он прибыл из Киева только в 14 часов.)

Далее Агеев изложил план, по которому следует действовать при захвате Белого дома, а именно: «Окружаем Белый дом, ВДВ клином подходит к зданию, а в образовавшийся проход врывается группа «Альфа» КГБ». Ачалов на совещании вел себя пассивно, инициативы не прояв-

лял. Напротив, Варенников горячился, убеждал, что нужно действовать решительно, уверенно.

Лично мне подобная затея не понравилась. Однако свое мнение я держал при себе и вслух его не высказывал из опасения, что меня инициаторы из КГБ не поймут. Моя мысль была направлена на то, чтобы до конца выяснить план захвата и принять соответствующие меры, исходя из договоренности с Б.Н. Ельциным.

Хочу заметить: лично я не собирался принимать участия в реализации предлагаемого плана захвата и не допустил бы использовать подчиненные мне ВДВ. На совещании обстановка продолжала накаляться. Чтобы ее остудить, я сказал присутствующим, что они не знают обстановки в районе Белого дома. В приемной находится генерал Лебедь, пусть он лично охарактеризует ситуацию. Ачалов поддержал меня, и в кабинет пригласили Лебедя, который доложил, что вокруг здания стоят многотысячные толпы, построены баррикады. О штурме не может быть и речи, это вызовет море крови и гражданскую войну. Агеев и Варенников проявили недовольство докладом Лебедя, мол, он нас запугивает».

Замечу, что Грачев пытался все свалить на Агеева и Варенникова. Он не сказал, что в кабинет к Ачалову мы заходили с Сергеем Федоровичем Ахромеевым.

Задержались мы в кабинете с Сергеем Федоровичем не более 5 минут. Речь шла о том, что предполагается ввести в Москве комендантский час. Вот что по этому поводу написал С.Ф. Ахромеев в докладной записке на имя М.С. Горбачева:

«...20 августа примерно в 15 часов я встретился в Министерстве обороны с Д.Т. Язовым по его просьбе. Он сказал мне, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он просил пройти с ним вместе к заместителю министра обороны генерал-полковнику В.А. Ачалову, где шла работа над планом за-

хвата здания ВС РСФСР. Он слушал Ачалова в течение трех минут, только о составе войск и сроках действий».

Как видим из докладов еще не рожденного плана, даже такой высокий профессионал, как Сергей Федорович, не уловил, что речь идет о вводе комендантского часа. Я же помалкивал, этот вопрос еще не был рассмотрен на совещании ГКЧП.

* * *

«Язов мне приказал перебросить два полка Белградской дивизии в Москву, — продолжает Грачев, — поэтому, сославшись на его приказ, я прибыл в штаб. Тут и позвонил Шапошников: «Как настроение?» Отвечаю: «Мы, ВДВ, никуда ввязываться не будем», — и предложил Шапошникову взаимодействовать вместе. Мы приняли решение посадить Болградские полки на два аэродрома: Чкаловский и Кубинку, причем батальоны разных полков вперемешку, чтобы их труднее было собрать.

Прибыл Лебедь, доложил, какой план был принят на совещании. На рекогносцировке у Белого дома, он окончательно убедился в бессмысленности задуманной чекистами операции. Лебедь показал мне карту Москвы, обычную туристическую карту, на которой карандашом условно были нанесены положения войск МВД и ВДВ при блокировании Белого дома. Это не было планом, просто штриховой набросок, без какой-либо проработки. Мы с ним поговорили «по душам» и сошлись на том, что никто из ВДВ на эту акцию не пойдет. (Плана-то не было, а по штриховому наброску не воюют, а главное, не было приказа — ни блокировать, ни штурмовать, так от какой же «акции» ВДВ отказались?)

О плане захвата «Белого дома» я проинформировал Скокова — советника Ельцина, мол, нападать на них наши войска не собираются..В 24.00 21.08 я направил Ле-

беда к Белому дому, чтобы он изыскал возможность передать защитникам о намерении осуществить штурм здания подразделениями КГБ, посоветовать подтянуть к зданию как можно больше людей, ведь не осмелятся нападающие стрелять в народ. (А как же осмелились в 1993 году?)

Согласно плану войска намечалось выдвинуть к Белому дому в 24.00, а штурм назначили на 3.00. Я собрал всех своих заместителей и сообщил: ВДВ участвовать в штурме не будут. Примерно в 0 ч. 30 мин. мне позвонил Громов, предупредил: «Войска МВД никуда не пойдут». (Громов правильно говорил, ГКЧП решение по штурму Белого дома не принимало.)

В час ночи на меня вышел по связи Карпухин — командир группы «Альфа», он сказал, что стоит перед мостом в районе Белого дома, впереди люди, его группа не будет участвовать в штурме. (Следователи ухватились за эту версию. Дескать, ГКЧП требовало штурмовать, а подчиненные отказались. Хотя никто, в том числе и верно-подданный Павлик, не говорит, что Язов ему приказал, а он его приказа не выполнил. Мы защищали интересы России и стрелять в народ не собирались. Разве только Шапошников и Грачев грозились разбомбить Кремль.)

Примерно в час ночи 21 августа я позвонил Язову, на звонок никто не ответил. (Надо же, перед «штурмом» министр лег спать?) Позвонил Ачалову, мне ответили, что он спит. У меня созрело решение остановить всякое продвижение войск (Павел Сергеевич, вы уже все остановили). В 2 часа 30 минут мне наконец позвонил Ачалов, спросил, как идут дела и какое я принял решение. Я ответил: «На площадке много народу, в чем он может убедиться сам, и что я решил выводить войска из Москвы».

(Ачалов и Варенников были у Крюкова. Мы сами приняли решение о выводе войск. Но Павлик приписал себе подвиг, выклянчивая у «гаранта» орден.)

Я считаю, что только решительные действия руководства войск МВД, в частности Громова, командующего ВДВ, моих заместителей и Ачалова, командира группы «Альфа» Карпухина, не позволили осуществить план захвата здания и правительства РСФСР».

Все, что говорит Грачев, — вздор. Не случайно «герой» уклонялся от встречи с правосудием до 25 октября...

Следователь задал Грачеву вопрос: «Павел Сергеевич, что вам известно о намерениях интернировать членов правительства России?»

Ответ Грачева: «Термин «интернирование» я впервые услышал от Язова на совещании 18 августа. Но там речь шла только о том, что в случае введения чрезвычайного положения появится много недовольных людей, мол, мы их будем интернировать, собирать. По указанию Язова в бригаде связи ВДВ подготовили казарму для их приема. У Язова никаких списков не было, он еще предупредил, чтобы этих людей кормили и не грубили с ними. 19 августа появились и первые интернированные: Уражцев и Гдлян. Уражцева я дал команду отпустить, а Гдляну предложил переночевать, опасаясь за его безопасность на улицах». Это выдумки Грачева, дескать, Язов задерживал, а герой Грачев освобождал из неволи.

Вообще много странного в показаниях Грачева, то он говорит, что Язов приказал действовать исключительно по его команде, то утверждает, что полки из Болграда приказал перебросить в Москву Ачалов. Факт остается фактом, Грачев проявлял огромную инициативу. Например, я издал директиву: привести войска в повышенную боевую готовность, а Павел Сергеевич самостийно привел их в полную боевую готовность. По его же инициативе и было организовано «место» для «интернированных» в «Медвежьих озерах». Любому ясно, что не прерогатива министра обороны задерживать, допрашивать, тем более «интернировать». Я не отдавал приказа задержать Ураж-

цева. Когда мне предложили с ним побеседовать, я сказал, чтобы самодеятельностью не занимались, и Уражцева отпустили. Вопросы интернирования решались на уровне Грачева и работников КГБ. А.Б. Корсак (начальник УКГБ по Москве и Московской области) показал: «Грачев провел совещание инициативно, сообщил, что силы ВДВ уже подтягиваются к Москве. Кроме того, на совещании был рассмотрен вопрос об административном задержании Гдляна, Уражцева. Грачев сказал: «Они давно сеют смуту». Местом, куда должны были привозить задержанных, было названо расположение одной из частей в районе «Медвежьих озер».

Можно еще привести много доказательств, что интернированием занимался исключительно Грачев, это его инициатива.

* * *

Одни спасали Союз, а другие рвались к власти. Сразу после августа униженная армия, прошедшая через чистку, стала оптом и в розницу разворовываться. В военных округах и на флотах были допрошены тысячи офицеров, сержантов и солдат, и всем задавался вопрос: «Чем вы занимались с 18 по 22 августа?» Как правило, офицеры давали объективные показания. Они понимали: разрушается великое государство!

Например, командир танковой роты Кантемировской дивизии лейтенант Бондаренко доложил рапортом по команде: «19 августа 1991 года в Москве неизвестные лица предлагали ему три миллиона рублей наличными и автомобиль-иномарку за танк».

Этих неизвестных мы хорошо знали. Они развозили водку, строили баррикады из троллейбусов, спаивали людей. Это они отстаивали «демократию».

5 сентября 1991 года Шапошников издаст приказ министра обороны № 425, в котором объявит состав комиссии по анализу деятельности руководящего состава Вооруженных Сил СССР в период государственного переворота.

В комиссию вошли: генерал армии Константин Иванович Кобец — председатель; генерал-полковник Анатолий Николаевич Клейменов — заместитель председателя; Владимир Валентинович Селезнев; народный депутат СССР Владимир Николаевич Лопатин.

Собрали и объяснительные записки от заместителей министра обороны, главнокомандующих видами Вооруженных Сил, от командующих войсками военных округов. Опытные военачальники, такие, как И.М. Третьяк, К.А. Кочетов, И.М. Мальцев, В. Литвинов, в одночасье оказались не у дел, хотя никто из них не нарушил присягу.

На кремлевском дворе воцарились новые времена. Да и сами наши прославленные военачальники не захотели принимать участие в порушении родного Отечества. Вся рыночная идеология «новых русских» была предназначена «расчеловечить» человека. И не пора ли нам осознать, что народ перестанет безмолвствовать, когда мы ополченцами пойдем на Москву. А пока в кремлевском театре абсурда — одни премьеры...

ТЮРЕМНЫЕ ДУМЫ. НАША АРМИЯ В АФГАНИСТАНЕ

Утром получил весточку от друзей, которая долго не отпускала сердце: вчера нелюди на подступах к Рижскому вокзалу избивали писателей, светочей российской словесности, чьи имена золотыми буквами рассыпаны по букварям и учебникам литературы. Как же надо было оскорбляться, озлобиться на российскую словесность, чтобы отдать приказ костоломам встать преградой на пути тех, кого народ издавна называет душой нации. Науськивали столичных городских напасть на писателей все те же знакомые персонажи из «пятой колонны». Я еще подумал: «Если бы Лев Толстой дожил до этих срамных времен, и он бы встал на пути нелюдей?»

После окончания следствия мы должны были не просто прочитать 125 томов, а изучить, определить, где правда, а где ложь, где явь, а где просто предположения следствия. Вскоре после завершения следствия по «событиям под мостом Нового Арбата» к нашему делу приобщили еще 15 томов.

Читать приходилось ежедневно по 8, а то и более часов. Делать выписки, что-то запоминать... К апрелю начало сдавать зрение, даже ночью не выключался свет. Дежурная лампа постоянно была направлена на меня.

При обходе начальником изолятора Валерием Никодимовичем Панчуком и надзирающим прокурором я обратился с просьбой показать меня специалистам-офтальмологам в Институте им. Гельмгольца.

И вот в один из апрельских дней, когда уже заканчивал таять в скверах рыхлый снег, мы на двух «Волгах» поехали в институт. И хотя справа и слева сидели вооруженные автоматами офицеры сибирского ОМОНа, с Валерием Никодимовичем завязался разговор о его прадеде Филиппе Кузьмиче Миронове. О его трагической гибели мне поведал прокурор Сибирского военного округа, который занимался реабилитацией незаконно репрессированных и наткнулся на дело командующего 2-й конной армией есаула Ф.К. Миронова.

Л.Д. Троцкий знал, что командующий 2-й Конной армией Филипп Кузьмич Миронов назначен инспектором кавалерии всей Красной Армии и что В.И. Ленин вызвал его к себе для беседы в Москву.

И тогда Троцкий и его единомышленники, находившиеся в руководстве армии и органах безопасности, решили физически уничтожить командарма Миронова. 13 февраля 1921 года на пути к Ленину Ф.К. Миронов был арестован военкомом по указанию Троцкого и по прибытии в Москву доставлен в Бутырскую тюрьму.

30 марта 1921 года из тюрьмы Миронов написал Калинин, Ленину и Троцкому партийное письмо и тут же был убит в прогулочном двореке тюрьмы часовым с вышки.

В.И. Ленин потребовал объяснений от ВЧК, но ни там, ни в Военморе, ни в партийных органах правды Ленину не сказали. Скланский сообщил Ленину смехотворную версию, по которой Миронов еще там, на станции, попытался убежать и был убит!

— То есть как? Убили без суда и следствия? Куда же он бежал? — едко спросил Ленин и сам же ответил:

— В Москву, к Ленину?!

Валерий Никодимович все это знал, а вот омовцы сидели с раскрытыми ртами, слушая историю о гибели прославленного командарма от рук авантюристов, наводивших страну после революции...

Когда я вернулся в «Тишину», Миша Авезов молился, глядя в угол, покрытый толстым слоем пыли, просил Иисуса Христа о снисхождении. Алексей Берестовой, другой мой сокамерник, строил планы обогащения при капиталистическом строе. Он рисовал заманчивую картину: сначала прикупит кусок земли под высоковольтной линией и посадит картофель. Осенью картофель пойдет по 2 рубля за килограмм. Вот так становятся миллионерами.

Не знаю, кто принял решение, но нам принесли небольшой холодильник. На другой день о холодильнике узнал весь мир, дескать, им в камере не хватает только коктейлей.

Вскоре Лев Сергеевич Абельдяев дал интервью газете «Патриот», где попытался рассказать правду: «Я не единственный адвокат Дмитрия Тимофеевича. Мы работаем вместе с адвокатом Николаем Викторовичем Печениным. Поскольку у нас одинаковые позиции по всему, что связано с делом, буду говорить от имени нас обоих.

Судя по всему, над маршалом, как, впрочем, и над другими обвиняемыми по этому делу, готовят не суд, а самую настоящую расправу, не имеющую ничего общего с правовым действием. Какие признаки свидетельствуют об этом? Их много. Остановлюсь лишь на некоторых, самых, что ли, ярких.

Нелепость предъявленного обвинения увидели сами его творцы. Что делать? Прокуратура, убедившись, сколь несуразна воздвигнутая ею обвинительная конструкция, изменила формулировку обвинения. Теперь оно стало таким: «Заговор с целью захвата власти как самостоятельное преступление», то есть уже без «измены Родине»... Да нет такой статьи в законе! «Заговор с целью захвата власти» — лишь форма измены Родине.

О том, что следствие ведется с обвинительным уклоном, я покажу на примере одного мелкого факта. В печати проскочила небольшая заметка. Ее автор имел отношение к разработке правительственных средств связи. Он утверждал, что гекачеписты никак не могли лишить Горбачева связи с внешним миром...

Почему бы не допросить автора публикации в качестве специалиста? Не провести экспертизу с его участием? Если хочешь найти истину, это просто необходимо. Но нам отказали. Значит, истина не нужна. Она будет мешать.

Тем более что рейтинг узников Матросской Тишины поднимается. Народ видит, что с ними хотят расправиться. Поэтому власть имущие и подливали масла в огонь.

Что касается самочувствия нашего подзащитного, то оно, мягко говоря, оптимизма не вызывает. За последнее время Язов похудел на 24 килограмма.

Обеспокоенные здоровьем подзащитного, мы обратились с просьбой провести его медицинское обследование в стационарных условиях. Получили ответ, что Д.Т. Язов «в стационарном лечении не нуждается», подпись — А.В. Фролов.

Да не о лечении мы просим, а всего лишь обследовать! Но, видимо, в наших ходатайствах ищут не то, что в них есть, а что приказано видеть... Фролов — не врач, а юрист.

Но на этом эпизоде издевательства не прекратились. По нашей просьбе в августе к Язову были приглашены два известных врача — генерал-майор медицинской службы профессор Иннокентий Всеволодович Шастин и полковник Игорь Михайлович Новиков. Они осмотрели больного, рекомендовали провести обследование в стационарных условиях. Мы снова обратились к Фролову. «У нас возражений не будет», — ответил он на этот раз.

Но, увы, радоваться было рано. Через три дня новое распоряжение прокурора: «Мы посоветовались и реши-

ли, что вернемся к рассмотрению этого вопроса после того, как обвиняемый прочитает все 140 томов дела».

Вот почему я и говорю, что не исключена возможность расправы и до суда».

* * *

Перечитывая обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-91 и сравнивая с тем, что происходит в стране, мне приходилось констатировать: президент так ничего и не сделал для сохранения Союза.

Горькой болью щемила душа, когда думал о том, что стало с нашей армией. Под идеей реформирования армии Горбачев понимал ее сокращение. Он рассуждал упрощенно: если мы не собираемся нападать, следовательно, необходимо в армии провести реформу. Но сокращать надо разумно. Например: были войска, предназначенные исключительно для наступления, — воздушно-десантные. Но мы не собирались проводить крупномасштабные наступательные операции. И, видимо, Игорь Николаевич Родионов совершенно правильно поступил, приняв решение кое-где сократить воздушно-десантные войска. Я бы тоже так поступил, потому что содержание одной воздушно-десантной дивизии обходится стране намного дороже, чем содержание танковой дивизии. Для того чтобы перебросить одну воздушно-десантную дивизию, необходимы четыре военно-транспортные авиационные дивизии. Защитники ВДВ говорят, мол, армия должна быть мобильной. А разве танковая дивизия или мотострелковая не мобильные? И если мы никуда не собираемся лететь, то где мы будем демонстрировать мобильность воздушно-десантных войск?

Другой пример военной реформы — это реформа М.В. Фрунзе после Гражданской войны. Тогда в 10 раз сократили количество войск, правда, продумали и систему

подготовки личного состава на случай войны. Были созданы территориальные полки, куда на предвоенный период призывали граждан для переподготовки. На базе этой мини-армии легко было потом развертывать новую регулярную Красную Армию.

За счет чего жила Советская Армия? За счет социалистической системы хозяйствования. Она давала возможность и содержать армию, и обновлять технику. И когда я был министром, с этим не было больших проблем. И нефть продавало государство, а не Рем Вяхирев, и алюминий для самолетов. Но когда создали класс собственников, все пошло в доход собственников-номенклатурщиков, а они не привыкли платить налоги. А раз нет налогов, значит, нет и достойного бюджета. И вот уже в армию не поступают новая техника, самолеты. Нет и масла на солдатском столе.

О путях восстановления армии замечу следующее: прежде всего, необходимо работать над более совершенными видами оружия, над перспективой использования этого оружия в интересах обороны. Просто делать танки или самолеты бессмысленно. Пора изменить в обществе и отношение к человеку в погонах. Подумать, как восстановить авторитет военнослужащих. Вот один из примеров: по Версальскому договору немцам разрешили держать армию всего-навсего в 100 тысяч человек. И они содержали армию, но из 100 тысяч офицеров. А потом за 2 — 3 года развернули такие вооруженные силы, что сначала Австрию подчинили себе, а через 6 — 7 лет и всю Европу. В чем же здесь суть? В том, что сохранился престиж офицерского звания. Офицеры не стеснялись служить. Даже рядовыми, лишь бы не расставаться со службой, с армией. У нас же офицер, увы, самая непочитаемая профессия в обществе...

Позже мне часто задавали вопрос: «Сколько надо дивизий для Сухопутных войск, пятьдесят? А может быть,

сто?» И я отвечал: «Многовато или маловато, все зависит от материальных возможностей. Вы сохраните технику на эти 50 или 100 дивизий, а личный состав наберем!»

Ликвидация Сухопутных войск в нашем сухопутном государстве мне видится огромной ошибкой. Почему-то слили ПВО с ВВС, Ракетные войска стратегического назначения с Космическими. Хотя последнее слияние, наверное, оправданно. Мы об этом давно думали. Но войска ПВО и ВВС объединять?.. ПВО — это стационарные войска, они призваны охранять территорию страны, защищать города, политические и экономические центры. А ВВС выполняют задачи исключительно в интересах Сухопутных войск. Это войска поля боя. В чьих же интересах они будут выполнять свои задачи?..

* * *

Мне вспомнились мои поездки по Афганистану и действия нашей армии в этой стране.

Я вылетел в Афганистан в первой половине января 1981 года с группой генералов и офицеров. Но сначала мы сели в Ташкенте, аэропорт в Кабуле закрыл туман. Из Ташкента с нами летел член Военного совета 40-й армии генерал-майор Н.А. Меркушев, который буквально удивлял нас познаниями новейшей истории Афганистана. Он рассказал, что 1 января 1965 года нелегально состоялся Первый Учредительный съезд НДПА. В состав центрального комитета вошли Н.М. Тараки, Б. Кармаль, С. Кештманд, С.М. Зерай и другие. На первом пленуме Тараки был избран генеральным секретарем партии, а Кармаль — секретарем ЦК. Начала выходить и газета «Хальк» («Народ»).

Тараки считал партию авангардом рабочего класса, а Кармаль рассматривал НДПА как партию трудящихся Афганистана. Разногласия разрастались и углублялись, и

вскоре Тараки предложил исключить Кармалю из членов НДПА.

И уже осенью 1966 года Б. Кармаль с довольно влиятельной группой членов партии вышел из состава ЦК и сформировал свою фракцию, которая в 1968 году стала издавать газету «Парчам» («Знамя»). Так образовалось в НДПА два крыла — «Хальк» и «Парчам», которые заявляли о своей принадлежности к НДПА.

К началу 70-х годов офицеры левой ориентации установили контакты с антимонархически настроенными сторонниками М. Дауда. И уже в июле 1973 года армия совершила государственный переворот. Монарх был свергнут, бывший премьер-министр Дауд стал президентом республики.

Но в апреле 1978 года и М. Дауда свергли. Во дворце, где проходило совещание с министрами, в ходе перестрелки М. Дауд и члены его семьи были убиты. Революционно настроенные офицеры взяли под свой контроль гарнизоны в городах Кандагар, Джелалабад, Герат, Газни, военные аэродромы Шинданд, Мазари-Шариф, Баграм.

После победы вооруженного восстания новое руководство Демократической Республики Афганистан во главе с Н.М. Тараки приступило к осуществлению радикальных преобразований в стране. Социальная направленность этих реформ осуществлялась в интересах народа. Но соперничество в руководстве НДПА отрицательно сказывалось на достижении провозглашенных целей. И вскоре Б. Кармалю назначили послом в ЧССР. Под разными предлогами из страны выехали и другие «парчамисты».

Против членов партии, которые не согласились с теми или иными методами развития революции, Амин и его сторонники применили террор, физически уничтожая инакомыслящих.

Вскоре по стране прокатилась волна беспорядков, на этом фоне и возникли серьезные разногласия между Та-

раки и Амином. Последний с марта 1979 года занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел ДРА.

10 сентября Л.И. Брежнев встретился с Тараки в Москве, когда тот возвращался из Гаваны с конференции глав государств Движения неприсоединения. А через месяц информационное агентство «Бахтар» объявило: «После тяжелой и непродолжительной болезни умер Тараки». Позднее историки уточнили: не умер, а был задушен аминовцами в бывшем королевском дворце.

И снова новая интрига: Амин через министра иностранных дел Пакистана заявил, что СССР якобы потребовал от Афганистана отказаться от независимости и суверенитета и просил довести до Вашингтона, что не возражает против помощи со стороны США.

Раскол в НДПА оказал губительное влияние на армию. Началось гонение на парчамистов, плелись нити заговора против министра обороны Абдула Кадыра, министра общественных работ парчамиста М. Рафи, начальника Генерального штаба Шахпура.

После того как новый министр обороны Ватанджар ушел в отставку, контроль над армией взял Хафизулла Амин. Он неоднократно обращался к советскому руководству с призывами принять участие в сдерживании боевых действий бандформирований в северных районах ДРА. С такими просьбами он обращался к СССР 17 и 20 ноября, 2, 4, 12 и 17 декабря 1979 года, и 25 декабря советские войска вошли в Афганистан.

Поздней осенью 1979 года, возвратившись из Афганистана, генерал армии И.Г. Павловский — главнокомандующий Сухопутными войсками доложил о том, что нет никакой необходимости вводить наши войска в Афганистан. Но его голос так и не был услышан. Не приняли во внимание и веские аргументы Генерального штаба. Маршал Н.В. Огарков, маршал С.Ф. Ахромеев и генерал армии В.И. Варенников специально ходили на доклад к минист-

ру обороны маршалу Д.Ф. Устинову доказывать, что наше военное вмешательство приведет лишь к усилению мятежного движения в Афганистане.

24 декабря Д.Ф. Устинов объявил: руководство приняло решение ввести войска в Афганистан. О боевых действиях и речи не было. Имелось в виду, что войска возьмут под охрану важные объекты.

Но оппозиционеры не дремали, они подняли народ: «Мы — верные, а пришли — неверные».

27 декабря новая весть из дворца: Х. Амин отравлен, но советские врачи Алексеев и Кузнеченков все-таки его спасли. В 19 часов 25 минут начался штурм дворца Тадж-Бек. Амин был убит, погибли и два его сына.

28 декабря «Правда» опубликовала «Обращение к народу» Б. Кармаля: «Наконец после жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Мы разбили машину пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпаторов и убийц десятков тысяч наших соотечественников — отцов, матерей, братьев, сестер, сыновей и дочерей, детей и стариков. Эта кровавая машина полностью разваливается до последнего кровавого винтика... Разрушены бастионы деспотизма кровавой династии Амина и его сторонников — этих сторожевых псов сардаров Надир-шаха, Захир-шаха, Дауд-шаха, наемников мирового империализма во главе с американским империализмом. От этих бастионов не останется камня на камне. Рушатся последние остатки цитадели национального и общественного гнета на нашей любимой Родине».

Б. Кармалю восприняли благожелательно не все слои общества, в том числе и в армии. В тех соединениях и частях, где большинство командного состава состояло из «халькистов», не верили «парчамисту» Кармалю.

Афганская армия отличалась слабой боеспособностью, и вся тяжесть вооруженной борьбы с контрреволю-

ционными отрядами ложилась на 40-ю армию. Но советские войска не были подготовлены к партизанской войне. Попытки командования организовать преследование мелких групп душманов не приводили к успехам. Душманы удачно маскировались под местное население. Наиболее воинственными были пуштунские племена, верившие в ислам, поклонявшиеся пророку Магомету.

* * *

...Утром мы вылетели в Кабул. Во дворце Тадж-Бек, где размещался штаб 40-й армии, мы встретились с Ю.П. Максимовым — командующим войсками ТуркВО, он и ввел меня в общую оперативную обстановку. Он показал на карте, где дислоцируются соединения и части, прибывшие в состав 40-й армии. Договорились, что я со своей группой на вертолетах облеку все соединения. Разместили нас в металлических «бочках», обвалованных грунтом. В таких же «роскошных апартаментах» жили офицеры управления армии.

В штабе армии я встретил генерал-лейтенанта В.Х. Шудру, сослуживца по академии Генерального штаба и Забайкалью. Он рассказал о фракционной борьбе в самой НДПА, о том, что партия изолировалась от народа. В армию не призывают, а отлавливают, народ живет в нищете. Недалеко от штаба армии располагался 181-й мотострелковый полк, и мы с Владимиром Харитоновичем наблюдали ужасающую картину: с солдатской кухни подвезли к оврагу остатки пищи. Тут же к помоям подбежали собаки, дети, старики, чтобы захватить месиво и кости.

Шудра сказал, что ежедневно формируют колонны с продовольствием. Муку, сахар, керосин, соль направляют в отдаленные населенные пункты. Продукты распределяет мулла. Муллы и настраивают против нас местное население: от неверных брать — грех. К сожалению, наше от-

ношение к служителям ислама было отрицательным, что сказалось в целом на отношении афганцев к шурави — советским.

Командарм генерал Б.И. Ткач проводил меня до вертолетной площадки, и мы перелетели в кабульский аэропорт. Самолет Ан-24 взял курс на Кундуз. В Кундузе мы узнали, что погибли 3 офицера и 8 солдат. А дело обстояло следующим образом: афганцы, чтобы добыть керосин, простреливали трубопровод, ведрами расхищая горючее. Из-за этого частенько возникала пальба. На каждые сто метров не поставишь пост, а приборы ночного видения обеспечивали наблюдение до 400 метров. Одного аккумулятора хватало на 4 — 6 часов. Поэтому ночью, да еще в пересеченной местности контролировать весь охраняемый участок не представлялось возможным. При обходе трубопровода солдаты и попали под огонь из засады.

Из Кундуза мы вертолетом Ми-6 вылетели в Файзабад, там стоял отдельный мотострелковый полк, сформированный 68-й МСД САВО. Кругом горы, белоснежные шапки Памира отделяли этот полк от Родины.

На следующий день мы были уже в Джелалабаде. Там стояла отдельная мотострелковая бригада под командованием полковника Оздоева из Среднеазиатского округа. Он и поведал нам о «соловьиной роще», знаменитой не пением желторотых соловьев, а посвистом автоматных пуль. И в самом деле, в парке валялись БТРы и БМП, подбитые и сгоревшие, солдаты их использовали как укрытия при обороне своих позиций.

Как сейчас помню, зашел я в одну из палаток, солдат застал в оцепенении. Я спросил: «Почему такие грустные?» — «Капитана нашего, командира минометной батареи, тяжело ранило. Ему уже прибыла замена. Он мог бы и уехать, да пошел с нами в бой передать батарею новому командиру. И вот теперь лежит с перебитым позвоночником, а у него двое ребятишек».

Замечу, что боевые потери среди офицеров почти в два раза больше, в расчете на тысячу человек, по сравнению с потерями солдат и сержантов. Специфика ведения боевых действий в Афганистане требовала иных форм, и командиры их находили. Отличились и конструкторы, они создали новые виды оружия. Так была разработана «Нона» — орудие-миномет, стрелявшее и минами, и снарядами, весьма эффективное в горах.

В поездке по воинским гарнизонам в Афганистане я убедился в необходимости предварительной подготовки офицеров и солдат в горных учебных центрах. Этими соображениями я поделился с генералом армии Ю.П. Максимовым, послом Советского Союза в Афганистане Ф.А. Табеевым.

Чуть позже для Алма-Атинского общевойскового командного училища мы создали в горах Киргизии учебный центр в районе Рыбачье.

* * *

...Вертолетом мы перелетели в Газни, там шли боевые действия, которыми руководил заместитель главного военного советника генерал-лейтенант Петр Иванович Шкидченко. Мы были знакомы еще по Крыму. Я принял от него 32-й армейский корпус. Он прошел всю Великую Отечественную войну, его самообладание было примером для командиров афганской армии. Из Алма-Аты я привез ему яблоки «апорт».

Но вскоре вертолет, на котором летал Петр Иванович, сбили душманы. В Афганистане погибли и генерал-майор авиации Николай Андреевич Власов, генерал-майор Вадим Николаевич Хахалов, скончался в госпитале генерал-майор Леонид Кириллович Цуканов, а сколько погибло офицеров? Из числа советников при командирах соединений и частей афганской армии погибли на поле боя 180

офицеров, а 664 были ранены. Среди них полковники А.И. Мельниченко, А.В. Еременко, подполковники Н.В. Бобрин, В.Ф. Крючков, А.М. Сериков и многие другие. Всего за 9 лет, 1 месяц и 18 дней в афганской войне мы потеряли более тринадцати тысяч человек.

Сражались героически. Истребительный полк, которым командовал полковник В.С. Кот из Учарала Среднеазиатского военного округа, в Афганистане налетал более 5 тысяч часов и возвратился почти без потерь. От имени Президиума Верховного Совета СССР мне было поручено вручить Звезду Героя Советского Союза В.С. Коту в Доме офицеров Учаральского гарнизона.

Летчики, возвратившись домой, в Учарал, и не предполагали, что через недолгих 5 — 6 лет эта земля окажется чужбиной, заграницей, появились и публикации, и фильмы, рассказывающие об «афганцах», мол, их отличала жестокость. Пришла новая мода: забывать все хорошее. С болью в сердце об этом говорил на Втором съезде народных депутатов СССР майор С.В. Червонопиский: «До слез обидно, что нам, кто вне всякой очереди шел под душманские пули, на итальянские мины, под американские «стингеры», приходится порой слышать из уст бюрократов от партии, советских, комсомольских и других органов уже ставшую почти крылатую фразу: «Я вас в Афганистан не посылал».

В ответ академику А.Д. Сахарову, который в выступлении на съезде народных депутатов СССР заявил, что наши добивали своих, чтобы «не сдавались в плен», Червонопиский зачитал выдержки из письма-протеста воинов-афганцев одного из парашютно-десантных полков, которые порой гибли сами, спасая своих товарищей и командиров. Многие тогда «покупались» на фальшивки иностранной прессы, среди них оказался и советский «отец водородной бомбы».

Последний раз в Кабуле я был, когда приняли решение выводить войска из Афганистана. Помню, как вместе с послом Ю. Воронцовым, генералом армии В. Варенниковым, командующим 40-й армией генерал-лейтенантом Б. Громовым мы приехали к Наджибулле, чтобы окончательно согласовать с ним дату вывода войск из Афганистана.

Принципиальное решение Горбачева о выводе наших войск из Афганистана определилось еще в 1985 году. Но до подписания в апреле 1988 года Женевских соглашений по Афганистану прошло три года.

Решая проблему о выводе советских войск из Афганистана, требовалось ответить на принципиальный вопрос: каким мы оставим Афганистан после вывода советских войск? Против вывода войск не возражал даже Наджибулла. Правда, он не собирался ни с кем делиться властью. Но без национального примирения Наджибулла долго бы не удержался на вершине власти.

В свою очередь Шеварднадзе и Крючков поддерживали кандидатуру Наджибуллы на пост президента Афганистана. Они внушили ему мысль, что избрание его президентом надо рассматривать как компромисс, дескать, пора выступить в качестве национального лидера, а не руководителя НДПА.

После довольно длительных переговоров с афганским руководством уже в конце 1987 года мы приняли решение отвести советские и афганские войска от границы с Пакистаном. Все проблемы, связанные с выводом наших войск, основательно рассматривались на заседаниях Политбюро. План вывода советских войск из Афганистана был рассмотрен и на Совете обороны. По плану, изначально советские войска сосредоточивались в крупных гарнизонах. Создавались три группировки войск: За-

падная — в районах Кандагар, Шинданд, Герат; Южная — Джелалабад, Хост, Газни, Гардез; Центральная — Кабул и полоса вдоль дороги до советского приграничного города Термез.

По просьбе Наджибуллы на северо-востоке страны в Файзабаде в отрыве от остальных сил мы оставили мотострелковый полк. А в Западную и Южную группировки войск афганской армии мы из Хайратона завезли трехмесячные запасы материальных ресурсов.

Вывод войск разбили на два этапа. Сначала в течение лета 1988 года советские войска выводили из западных и южных районов страны. После этого, до конца 1988 года, предусматривался перерыв. Афганское руководство и армия, по нашему мнению, должны были приобрести опыт, чтобы самостоятельно выполнять задачи борьбы с душманами. И лишь в начале 1989 года в месячный срок необходимо было завершить вывод советских войск из Кабула и других районов Центрального Афганистана.

Для обеспечения движения наших войск к советско-афганской границе маршруты были отрекогносцированы, созданы опорные пункты для заправки техники горючим. Войска выдвигались в составе усиленных мотострелковых батальонов, способных самостоятельно вести бои вдоль всего маршрута, действовала система связи для управления войсками и авиацией.

* * *

С началом вывода наших войск моджахеды попытались захватить Джелалабад и Хост. В сентябре — октябре 1988 года Наджибулла неоднократно обращался к Горбачеву и к нам в Министерство обороны за помощью. Мы помогли техникой, но личный состав в район боевых действий не направили. Правительственные войска Афганистана сами сдержали натиск, нанесли под Джелалабадом заметное поражение противнику.

Тем не менее президент Наджибулла вел себя спокойно, часто звонил в Кремль с просьбами оказать помощь. Вскоре меня попросили выехать в Афганистан и там на месте разобраться.

Встречали нас генерал армии В.И. Варенников, посол Ю.М. Воронцов, генерал-полковник Б.В. Громов и представители афганского руководства.

Оценив сложившуюся обстановку, мы пришли к выводу: не следует терять время, необходимо быстрее вывести на позиции по маршруту Кабул — Термез 40-ю афганскую армию, а с 15 января начать вывод и Центральной группировки.

На следующий день нас принял президент Наджибулла. Мы доложили о нашем решении и заверили, что воздушный мост будет действовать, более того, на некоторое время в Афганистане остаются генерал армии В.И. Варенников и советские советники в афганской армии. Кто-то положительно охарактеризовал М.А. Гареева, и президент Наджибулла обратился ко мне с просьбой направить Махмуда Ахметовича к нему советником. Возвратившись в Москву, об этой просьбе я доложил М.С. Горбачеву. Вскоре М.А. Гареева откомандировали в Кабул, присвоив ему воинское звание «генерал армии».

Вывод войск, как и запланировали, начали 15 января и закончили 15 февраля 1989 года. Войска вывели без боевых потерь. За эту операцию генерала армии В.И. Варенникова и генерал-полковника Б.В. Громова удостоили высокого звания Героя Советского Союза.

ТЮРЕМНЫЕ ДУМЫ. МАРШАЛ АХРОМЕЕВ

Самое время было вспомнить Сергея Федоровича Ахромеева, начальника Генерального штаба СССР, который очень многое сделал для наших Вооруженных Сил.

Перечитав все 140 томов дела № 18/6214-91, среди кучи вранья и лжесвидетельств я нашел точную характеристику августовских событий, данную маршалом Ахромеевым. «Не могу жить, когда гибнет мое отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни... Я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной...»

Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев покончил жизнь самоубийством. Верховный Совет бывшего Союза не счел возможным даже почтить память члена Верховного Совета СССР минутой молчания. Я знал Сергея Федоровича как одного из самых честнейших, талантливейших военачальников, всю свою жизнь он посвятил службе в рядах Вооруженных Сил.

Родился Сергей Федорович Ахромеев 5 мая 1923 года в Мордовской АССР, Торбеевском районе в селе Виндрей. После окончания средней школы поступил во Второе Астраханское пехотное училище, но вскоре его перевели в Ленинградское военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Курсант-моряк принимал участие в обороне Ленинграда в 1941—1942 годов, был ранен, командовал взводом, ротой на Ленинградском, затем Сталинградском и на 1-м Украинском фронтах.

С начала 80-х годов вновь усилилось противоборство СССР и США — набирала обороты гонка вооружений, раз-

горалась вооруженная борьба в ряде регионов мира. Так или иначе СССР и США стояли за спиной воюющих государств — будь то Африканский Рог, Южная Африка, Ближний Восток, Кампучия, Никарагуа...

Мне с Сергеем Федоровичем ежедневно приходилось заниматься оказанием помощи и Анголе, и Эфиопии на основании решения инстанции — так было принято тогда называть решение ЦК и правительства. Доставку оружия и боеприпасов в Анголу и Эфиопию чаще всего осуществляли на самолетах военно-транспортной авиации. Был разработан график, в соответствии с которым выполнялись рейсы, на самолетах доставлялись даже танки. Зачастую перевозка подобных грузов была в несколько раз дороже их стоимости.

Генеральный штаб работал с огромным напряжением: круглосуточно дежурили оперативные группы, следившие за развитием обстановки в Эфиопии, Анголе и Афганистане.

Сергей Федорович часто отмечал, мол, с избранием генсеком М.С. Горбачева активнее пошла работа по поискам возможных вариантов решения о сокращении стратегических наступательных и обычных видов вооружений. А началось все с визита М.С. Горбачева во Францию в октябре 1985 года, когда мы объявили о снятии с боевого дежурства ракет СС-20, установленных в июне 1984 года, выразили мы и готовность заключить отдельное соглашение по ракетам средней дальности, независимо от того, когда будет достигнута договоренность по вопросам стратегических наступательных и космических вооружений. В этом же 1985 году мы впервые заявили о готовности пойти на 50-процентное взаимное сокращение ядерных вооружений, достигающих, соответственно, территории США и СССР, при условии запрета космического оружия.

Советский Союз в одностороннем порядке объявил мораторий на подземные испытания ядерного оружия с

августа 1985 года сроком до 31 декабря 1985 года, заявив о готовности соблюдать мораторий и дальше в случае присоединения к нему Соединенных Штатов. Этому шагу Политбюро придавало особое значение. Полное прекращение испытаний ядерного оружия послужило бы мощным импульсом для прекращения гонки ядерных, а косвенно — и космических вооружений. Однако к этому благородному замыслу в США не прислушались, помешала негативная позиция США по вопросу полного прекращения ядерных взрывов.

19 — 21 ноября 1985 года в Женеве состоялась встреча М.С. Горбачева и президента США Р. Рейгана. Смысл встречи состоял в том, чтобы остановить или хотя бы попытаться замедлить гонку вооружений. Значение этой встречи трудно было переоценить. Ведь со времени предыдущей советско-американской встречи на высшем уровне прошло почти семь лет. Напряженность в мире достигла опасного предела. В этих условиях нельзя было не использовать любой шанс переломить развитие событий — по крайней мере остановить наращивание военной опасности или уменьшить ее.

Как мы и предполагали, договориться в Женеве по вопросам ядерных и космических вооружений не удалось. В совместном советско-американском заявлении по итогам встречи Горбачева и Рейгана было отмечено: ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Признав, что любой конфликт между Советским Союзом и Соединенными Штатами мог бы иметь катастрофические последствия, стороны также подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной — и заявили, что не будут стремиться к достижению военного превосходства.

Политически значимым было также подтверждение приверженности СССР и США режиму нераспространения ядерного оружия и задаче полного запрещения и

уничтожения еще одного вида оружия массового уничтожения — химического.

Во время совместной работы я заметил у Михаила Сергеевича весьма скептическое отношение к генералам и адмиралам. Он не раз задавал вопрос: не много ли их в Вооруженных Силах, все ли они заняты делом?

* * *

Одной из главных задач, которыми занимался Сергей Федорович, являлись и переговоры о сокращении Вооруженных Сил в Центральной Европе. Позиции сторон были прямо противоположными. Страны Варшавского Договора добивались, чтобы предметом переговоров, а следовательно, и сокращений были сухопутные войска, военно-воздушные силы и военно-морской флот, напротив, блок НАТО выступал за то, чтобы рамки переговоров и последующих сокращений были ограничены только сухопутными войсками, что по существу означало одностороннее сокращение Советских Вооруженных Сил.

Борьба шла на консультациях в Вене и с не меньшей остротой в Москве. Руководство страны, особенно МИД, ратовали за то, чтобы пойти на уступки блоку НАТО. В результате пришли к компромиссу: предметом переговоров и будущих сокращений станут сухопутные войска и военно-воздушные силы. Военно-морские силы были выведены за рамки переговоров. Это была первая победа американцев. Мы допустили ничем не ограничиваемое господство США, а следовательно, НАТО на морях и океанах.

Сергей Федорович так и сказал: «Наше согласие на исключение ВМС из предмета переговоров по сокращению вооруженных сил в Европе было ошибочным».

После встреч в 1985 — 1986 годах с М. Тэтчер и Ф. Миттераном М.С. Горбачев, видимо, убедился, что Великобритания и Франция никогда не согласятся, чтобы судь-

ба их ядерных арсеналов обсуждалась и решалась на советско-американских переговорах, хотя бы потому, что это затрагивало их суверенитет. Но Ахромеев настоял на том, чтобы стратегические ядерные силы Великобритании и Франции так или иначе учитывались на переговорах с США — по крайней мере в виде обязательства об их ненаращивании.

Но в августе 1986 года, будучи в отпуске, Горбачев принял решение вынести вообще за рамки переговоров ядерные средства Великобритании и Франции, а также и ядерные средства передового базирования США. Появившись в Москве, М.С. Горбачев приступил к подготовке встречи с Р. Рейганом в Рейкьявике.

После жарких дискуссий в межведомственной комиссии, которую возглавлял член Политбюро Л.Н. Зайков, договорились о возможности сокращения на 50 процентов наших тяжелых МБР СС-18 (с 308 до 154), в чем были особенно заинтересованы США, а также о зачете каждого ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту как одного стратегического носителя в число 1600 и одного боезаряда в число 6000. Эти решения были очень непростыми для нас. Мы шли на серьезные уступки американцам, уменьшая на 50 процентов количество советских тяжелых ракет СС-18. Подобных ракет у США не было.

Все предложения были сформулированы в виде проектов совместных советско-американских документов, которые предполагалось вручить Р. Рейгану в ходе первой же беседы. Казалось, с таким широким набором важных предложений, причем выгодных другой стороне, переговоры в Рейкьявике возымеют успех. В составе официальных лиц, сопровождавших М.С. Горбачева, были Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев, С. Ф. Ахромеев, А.Ф. Добрынин, А.С. Черняев.

В 10 часов 11 октября 1986 года началась первая беседа Горбачева с Рейганом. В 20 часов 12 октября состоя-

лась их последняя встреча. При прощании Р. Рейган не удержался и высказал обиду, что Горбачев приехал в Рейкьявик, чтобы именно из-за проблемы ПРО обречь в конечном счете встречу на неудачу. Американцы не привыкли уступать даже в мелочах и не хотели, чтобы с ними кто-то разговаривал на равных. И потому Р. Рейган по прибытии в Америку ход переговоров обрисовал таким образом, будто в Рейкьявике все шло хорошо до самого последнего момента. Вскоре картину смазал Горбачев, он неожиданно для всех вдруг потребовал от США отказаться от реализации программы СОИ, что и сорвало окончательные договоренности.

На самом деле наши предложения вносились, как «пакет», и это подтвердили американские дипломаты. Руководствуясь стремлением обеспечить первый шаг по пути ядерного разоружения, Советский Союз снял увязку сокращения стратегических наступательных вооружений с соблюдением Договора по ПРО 1972 года. Ошибок и промахов советской стороне избежать не удалось. И повинно в этом Министерство иностранных дел, конкретным «услужником» назвали Э. А. Шеварднадзе.

* * *

Согласно проекту Договора по РСМД, ликвидации подлежали, наряду с ракетами средней дальности (от 1000 до 5500 км), ракеты с дальностью от 500 до 1000 км. Советская ракета «Ока» — СС-23 вообще не должна была подпадать под действие Договора РСМД. И тем не менее «Ока» попала под уничтожение. Мотивировка чудовищная: если бы ракету изготовили по американской технологии, то она бы имела дальность 500 км.

Министерство обороны было категорически против включения ракеты «Ока» в предмет переговоров, согласились пойти на включение этой ракеты в договор на справедливых условиях: предложить американцам запре-

тить все ракеты в диапазоне не с 500, а с 400 до 1000 км. Тем самым, наряду с ликвидацией нашей «Оки», была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты «ЛЭНС-2» с дальностью 450 — 470 км. Но находясь в Москве в апреле 1987 года, госсекретарь США Дж. Шульц «уговорил» Э.А. Шеварднадзе подвести ракету «Ока» под понятие «ракеты меньшей дальности», хотя она была тактической ракетой.

Шеварднадзе дал понять, что для нас это не проблема, давайте пригласим экспертов. Но на встречу экспертов, состоявшуюся в МИДе в тот же вечер, представителей Генштаба не пригласили и с протоколом встречи не ознакомили, что противоречило многолетней практике. На следующий день в ходе беседы Горбачева с Шульцем о включении ракет «Ока» в понятие «ракеты меньшей дальности» говорилось уже как о решенном вопросе. Военное руководство было возмущено, никаких вразумительных разъяснений от МИДа Министерство обороны не получило.

Попытки военных вернуться к вопросу об «Оке» всячески пресекались. И тут произошло нелепое, почти невероятное событие. 28 мая 1987 года по соседству с Красной площадью на Васильевском спуске приземлился двухмоторный самолет, управляемый западногерманским гражданином Рустом. В это время в Берлине, столице ГДР, проходило заседание Политического Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора. Вместе с М.С. Горбачевым там находился и министр обороны С.Л. Соколов. 30 мая, разбираясь в этом происшествии, тон на совещании задавали Горбачев и Шеварднадзе, они действовали решительно. Последовало снятие с должностей Главкома войск ПВО главного маршала авиации А.И. Колдунова, командующего войсками Московского округа ПВО маршала авиации А.У. Константинова, и, как ни странно, был освобожден от должности министр обороны Маршал Советского Союза Сергей Леонидович Соколов.

Читатель уже догадался — это аукнулась «Ока»...

Сергей Федорович постоянно знакомил меня с переговорным процессом. Я помню, как однажды мне позволил помощник Шеварднадзе: могу ли я принять министра иностранных дел? Я ответил утвердительно, и где-то через час Э. А. Шеварднадзе появился в моем кабинете.

Накануне я был у генсека, он посоветовал мне первому съездить в МИД, наладить контакты с Э.А. Шеварднадзе. Из нажима «дружно поработать» я понял: главное — это подготовка документов проекта Договора по РСМД. К этому времени уже были согласованы сроки встречи на высшем уровне в Вашингтоне (7 — 10 декабря 1987 года). Министерству иностранных дел было важно договориться с нами и с Генеральным штабом. Даже если мы во вред себе уступали американцам, это все равно считали «прорывом» во взаимоотношениях с США. Поэтому я высказал свое мнение «об уступках партнерам», на что Шеварднадзе разразился тирадой, дескать, переговоров без компромиссов, без взаимных уступок не бывает, что прошли времена, когда соотношение сил определялось только количественными показателями. Особенно он упирал на общественное мнение. «Но американцы, — возразил я, — всего этого не боятся и на всех встречах добиваются именно материального выигрыша в виде ракет, боезарядов и других слагаемых, выводя за скобки переговоры флот, систему СОИ. Они добиваются выгоды, а мы невыгодного нам договора».

На следующий день М.С. Горбачев разъяснял, как надо подсчитывать соотношение сил сторон: «Вы привыкли считать «штык к штыку», но попытайтесь подойти к этому прежде всего с политической меркой».

Пишу эти строки, когда горит земля под ногами у православных сербов, когда рушатся не только военные объекты, но и мосты, больницы, школы, стираются с земли целые города. Уместно спросить: «Мы вывели войска из стран Восточной Европы, почему же американцы ос-

тались в Европе?» Во всех уголках земли у США свои интересы, мы же свои «интересы» растеряли, отдали. Очень Горбачеву хотелось, чтобы о нем сказали: «Вот он, миротворец, даже свою страну не пожалел».

История знает много случаев, когда, действуя ради своей личной выгоды, правитель пренебрегал своим народом. Так произошло и с Горбачевым! Горбачева придавили нобелевскими лаврами, да так, что он не услышал стенаний славян. Ему импонировал имидж «всеобщего миролюбца», «примирителя Запада и Востока», он боялся идти на жесткие решения как на переговорах, так и при решении внутренних проблем. К превеликому сожалению, политическая роль сегодняшней России определяется ее беспомощностью. Немалая заслуга в этом дорогого Эдуарда и Козырева, не случайно последнего прозвали «бескозыркой военно-морских сил США».

* * *

...За несколько дней до отлета в Вашингтон мне позвонил Горбачев, он поставил в известность, что начальник Генерального штаба вылетает в составе советской делегации. Делегацию провожали все члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро, посол США господин Д. Мэтлок. Военные, входящие в состав делегации, на сей раз были в гражданских костюмах.

Вскоре мы узнали, что переговоры закончились подписанием Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений и ракет средней и меньшей дальности. И уже 11 декабря Н.И. Рыжков посоветовал мне незамедлительно выехать в Берлин: «Там организуется встреча Горбачева с руководителями государств — участников Варшавского Договора». Эрих Хонеккер принял нас радушно. Зал был украшен флагами государств — участников Варшавского Договора. Все стоя приветствовали

Михаила Сергеевича и других членов делегации, среди которых выделялся Ахромеев.

Горбачев выступал полтора часа. Он заверил коллег по Варшавскому Договору, что нашей делегации там, в Вашингтоне, все-таки удалось отстоять первоначальное «узкое» толкование Договора по ПРО, и это якобы должно затормозить разработку американцами программы СОИ. Победные реляции звучали на сей раз несколько надоедливо, Горбачеву явно отказало чувство меры. Ахромеев, чтобы «не светиться» рядом с Горбачевым, даже отошел в сторону.

Согласно протоколу, правительство ГДР дало прием в честь руководителей государств — участников Варшавского Договора. Все высказывания глав государств обращены были Горбачеву, в его адрес изливались потоки самой неприкрытой лести. Главный генсек из всех присутствующих генсеков не замечал перебора в льстивых словах. Тем более что Шеварднадзе, продолжая свою роль политического тамады, оповестил весь мир о впечатляющей победе Горбачева. Помню, Сергей Федорович заметил: «Этот грузин купался в потоках лести Брежнева, а сейчас в купель лести окунает Горбачева. Хват!»

Дальше история с ПРО развивалась прямо-таки по голливудскому сценарию. Вскоре Р. Рейган, основываясь на английском тексте договора, заявил, что Горбачев согласился в Вашингтоне с «широким» толкованием Договора по ПРО и тем самым сняты разногласия по вопросу о СОИ. В свою очередь Горбачев, выступая по советскому телевидению, опроверг все толкования Рейгана.

Что же произошло? Ответ дал Г.М. Корниенко, заместитель министра иностранных дел: «В русском тексте совместного заявления принципиально важная формулировка об обязательстве сторон «соблюдать Договор по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 году, в процессе осуществления исследований, разработок и испыта-

ния, которые разрешаются по Договору по ПРО», действительно давала основание для нужного нам понимания, поскольку слова «испытания, которые разрешаются», можно было толковать как означающие только те испытания, которые разрешаются по Договору по ПРО, и тем самым как исключающие возможность проведения противоречащих этому договору испытаний в рамках программы СОИ».

Однако американцы не только воспротивились включению частицы «те» в русский текст, что сделало бы однозначно ясным смысл этого положения, но сформулировали эту часть фразы в английском тексте таким образом, что грамматически точный перевод ее на русский язык должен был бы звучать не «испытания, которые разрешаются по Договору по ПРО», а «испытания, каковые разрешаются по Договору по ПРО».

Иными словами, по-английски получилось, будто любые испытания как таковые, то есть и в рамках программы СОИ, разрешаются Договором по ПРО.

Этой хитрости Шульца, естественно, не могли заметить ни Горбачев, ни Шеварднадзе, не владеющие английским языком, а те советские участники переговоров, которые были обязаны проследить за аутентичностью русского и английского текстов, то ли действительно тоже не заметили, то ли сделали вид, что не заметили, ради благополучного завершения встречи.

«Эти филологические погрешности, — заметил Ахромеев, — нам дорого обойдутся».

* * *

...Августовские события застали Сергея Федоровича на отдыхе. Обычно высокие чины из окружения генсека, уходя в отпуск, старались узнать: куда на сей раз выезжает показать пляжные шляпки Раиса Максимовна? Но на этот раз было ясно: коллекцию пляжных шляпочек с бантиками и без оных пригреет солнышко на форосских берегах. Нет,

не поспешил Сергей Федорович предстать перед светлыми очами Михаила Сергеевича из какого-нибудь крымского санатория, дабы остаться при власти, он выбрал Сочи.

Позже мне рассказывала Тамара Васильевна, супруга Сергея Федоровича: «19 августа Сергей Федорович, как всегда, пошел утром на зарядку, потом вернулся и разбудил нас: «Включите телевизор!» Он молча выслушал первые сообщения. Потом вдруг засобирался в дорогу: «Я должен лететь в Москву, сам во всем разобраться». Мы и не попрощались как следует. Его провожали врачи: «Возвращайтесь, Сергей Федорович, ждем!» Он отшучивался: «Оставляю вам в залог жену». Потом поцеловал меня и внучку Оксану. Больше я его не видела».

Сергея Федоровича я встретил в Кремле после совещания у Г.И. Янаева. На следующий день я пригласил маршала приехать в Министерство обороны. Мы обсудили ситуацию и пришли к выводу: надо было начинать не с «Лебединого озера». К сожалению, время было упущено, водка лилась рекой в окрестностях Белого дома. Со стороны «демократов» возможны были любые провокации, они уже возводят баррикады... Решение было одно: вывести войска из Москвы.

Вместе с Сергеем Федоровичем мы зашли в кабинет Ачалова. Некоторые свидетели потом выступили, дескать, Язов произнес зажигательную речь, призывал к штурму Белого дома, арестовать членов правительства России. Правда, следователи поверили докладной записке Сергея Федоровича президенту СССР. Впрочем, имеется смысл привести эту записку полностью:

«Президенту СССР
товарищу Михаилу Сергеевичу Горбачеву

Докладываю о степени моего участия в происшедших действиях так называемого «государственного комитета по чрезвычайному положению» (Янаев, Язов и

др.). 06.08.91 г. по Вашему разрешению я убыл в очередной отпуск в военный санаторий в г. Сочи, где находился до 19 августа. До отъезда в санаторий и в санатории до утра 19 августа мне ничего не было известно о подготовке заговора. Никто даже намеком мне не говорил о его организации и организаторах, т.е. в его подготовке и осуществлении я никак не участвовал. Утром 19.08, услышав по телевидению документы указанного «комитета», я самостоятельно принял решение лететь в Москву, куда и прибыл примерно в 16 часов дня рейсовым самолетом. В 18.00 прибыл в Кремль на свое рабочее место. В 20 часов я встретился с Янаевым Г.И., сказал ему, что согласен с программой, изложенной «комитетом» в его обращении к народу, и предложил ему начать работу с ним в качестве советника и.о. Президента СССР. Янаев Г.И. согласился с этим, но, сославшись на занятость, определил время следующей встречи на 12.00 20 августа. Он сказал, что у «комитета» не организована информация об обстановке и хорошо, если бы я занялся этим.

Утром 20.08 я встретился с Баклановым О.Д., который получил такое же поручение. Решили работать по этому вопросу совместно. В середине дня Бакланов О.Д. и я собрали рабочую группу из представителей ведомств и организаций. Собрав и проанализировав обстановку, практически эта группа подготовила два доклада к 21.00 20.08 и к утру 21.08, которые были рассмотрены на заседании «комитета». Кроме того, 21 августа я работал над подготовкой доклада Янаеву Г.И. на Президиуме ВС СССР. Вечером 20 и утром 21 августа я участвовал в заседаниях «комитета», точнее в той его части, которая велась в присутствии приглашенных.

Кроме того, 20 августа примерно в 15 часов я встретился в МО с Язовым Д.Т. по его просьбе. Он сказал мне, что обстановка осложняется, и выразил сомнение в успехе задуманного. После беседы он просил пройти с ним вместе к заместителю МО генерал-полковнику Ачалову

В.А., где шла работа над планом захвата здания ВС РСФСР. Он заслушал Ачалова в течение трех минут только о составе войск и сроках действий. Я никому никаких вопросов не задавал.

Почему я приехал в Москву по своей инициативе, никто из Сочи меня не вызывал, и начал работать в «комитете»? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, и, приехав в Москву, еще раз лично убедился в этом.

Дело в том, что начиная с 1990 г. я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется расчлененной. Я искал способ прямо заявить об этом. Посчитал, что мое участие в обеспечении работы «комитета» и последующее, связанное с этим разбирательство даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, не убедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моем решении не было. Мне понятно, что, как Маршал Советского Союза, я нарушил военную присягу и совершил воинское преступление. Не меньшее преступление мной совершено и как советником Президента СССР. Ничего другого, как нести ответственность за содеянное, мне теперь не осталось.

Маршал Советского Союза *Ахромеев С.Ф.*

22.08.1991 года».

* * *

Позже мне довелось прочесть и второе письмо Сергея Федоровича, которое он написал 23 августа 1991 года, адресовав его родным и близким.

«Дорогая моя Томуся! Дорогие мои дочери Наташа и Таня! Милые и дорогие Оксана, Сергуня и Ленушка.

Дорогой Георгий!

Пришло время нам расстаться. Я убежден, что так для вас будет легче. Придется пережить две-три страшные не-

дели. Но если мне остаться жить — впереди у нас страшные годы. Не осуждайте меня. Первые дни вы со мной не согласитесь, но позже поймете — я прав. На Отечество и наш народ я не обижаюсь. Горжусь ими. Всю свою жизнь до последнего дня служил им честно. Прошу вас простить меня за все. Всегда для меня было главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Но в эти тяжкие дни вы мне оказали такую любовь, уважение и преданность, что я понял могучую силу любви семьи. Сегодня я впервые ставлю долг на первое место перед вами. «Мертвые сраму не имут».

Прошу вас мужественно пережить эти дни. Подбадривайте друг друга. Не дайте повода для злорадства недругам. Помогите матери. Она всю свою жизнь без остатка отдала нам с вами.

Прости меня, дорогая Томуся, что тебя не дождался. Остаюсь твоим, Томуся, мужем; вашим, мои дорогие, отцом и дедушкой.

Прощайте. *С.Ф. Ахромеев.*

23.8.91 г.

Последняя просьба — письмо передать моей семье.

Ахромеев.

9.30 24.08.91 г.».

Еще было несколько записок:

«Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца.

Ахромеев. 24.08.91 г.».

Он также обращался к генералу армии В.Н. Лобову с просьбой оказать помощь в похоронах.

Не оказал Лобов, побоялся.

Министром назначили Шапошникова. Вероятно, Владимир Николаевич догадывался, что депутат ВС СССР

полковник Н. Петрушенко спросит при утверждении на Верховном Совете в должности министра обороны Е.И. Шапошникова: «Вы провожали в последний путь заслуженного маршала Ахромеева С.Ф.?»

«Это личное дело каждого», — ответит еще не назначенный и вскоре освобожденный от должности министр обороны.

Личное дело... Была ли жизнь Сергея Федоровича исключительно его личным делом? Нет, она принадлежала народу. Вся жизнь этого честнейшего человека была правдой. С.Ф. Ахромеев был известен во всем мире. Р. Рейган и Дж. Буш с уважением относились к маршалу. И вот теперь члена Президиума Верховного Совета СССР шельмовали «пламенные борцы с привилегиями», дорвавшиеся до власти...

ОБВИНЕНИЕ ИЛЮХИНА ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА

Размышления, воспоминания, знакомство с материалами уголовного дела наполняли мое время в тюремном заключении. Санаторием это назвать было трудно, здоровье продолжало ухудшаться, и в феврале 1993 года я попал в тюремный госпиталь, откуда меня неожиданно выписали домой. Произошло это так, привожу странички из моего дневника.

«1992 год. 17 декабря Лисов прислал бумагу в СИЗО, в ней он информировал заключенных по делу ГКЧП, что теперь они числятся за Верховным судом. Документ был подписан 12 декабря 1992 года. Теперь, дескать, к нам не обращайтесь. Они «умыли руки». Отныне разрешение на свидание с родными мы получали через Верховный суд. Надзирающий прокурор, который посетил мою камеру 19 декабря 1992 года, объяснил: Верховный суд возглавляет некий Лебедев, и теперь только через него придется решать все вопросы. «До Бога далеко, до суда еще дальше».

24 декабря 1992 года «Маяк» передал, что назначен судья по делу ГКЧП, генерал-майор Анатолий Тимофеевич Уколов. Больше ни слова.

25 декабря. Освободили моего сокамерника Мишу Авезова. За что просидел полтора года — никто не понял.

29 декабря 1992 года. Меня навестили дочь Елена и зять Александр Олегович. Прочитал пословицу в дневнике Л.Н. Толстого: «Хорошему сыну состояние не заводит. Плохому не оставляй».

Приближался новый, 1993 год. Просидел в Матросской Тишине 498 дней и ночей.

Тюрьма — это жизнь в себе. Границы свободы становятся безразличными. 28 шагов в снежном обледенелом дворе, по кругу ходишь, как лошадь. В тюрьме слово — серебро. Молчание — золото. Хожу и молчу. Делиться своими мыслями не с кем, да и зачем?

7 января 1993 года. Рождество. Выходные. Единственная связь с миром — «Маяк».

Адвокаты не приходят, празднуют Рождество. Вычитал у Чейза: «Ты что улыбаешься, как адвокат?» То, что имел в виду Чейз, понятно — гонорар. А мои адвокаты практически защищают меня без вознаграждения.

12 января 1993 года. Приехал адвокат Лев Сергеевич Абельдяев. Написали с ним письмо в суд с просьбой заменить содержание под стражей на подписку о невыезде.

Медленно, мучительно медленно тянется время в застенках. Идет мой 69-й год, уже на 18 лет пережил жену — Екатерину Федоровну.

21 января 1993 года, четверг. Доченька сумела дозвониться до Валерия Никодимовича, сообщила, что умерла ее свекровь Галина Давыдовна. Это моя сватья, а я не могу даже выразить соболезнование Олегу Александровичу, Тане и Саше Лосикам. Может, разрешат позвонить? Добрый человек Валерий Никодимович — разрешил! Дозвонился до Олега Александровича, выразил соболезнование, и больше ни слова. И за это спасибо.

У внуков не стало ни одной бабушки.

25 января 1993 года. Зашел в камеру подполковник Бобков, скомандовал: «Едем в госпиталь МВД!» В палату завезли в коляске и сразу под капельницу.

26 января 1993 года. Ко мне зашел начальник отделения майор Владимир Васильевич Королев, доброжелательный, вежливый, ко всем обращался со словами: «Родной, как самочувствие?» Он сказал, что я серьезно болен.

Во второй половине дня появились Валерий Никодимович Панчук, его заместитель Бобков, адвокат Нико-

лай Викторович Печенкин, Саша Лосик, Дима Старостин и врачи. Валерий Никодимович объявил решение судьи генерала А.Т. Уколова: мера пресечения заменена подпиской о невыезде. Суд назначен на 14 апреля. Тут же сняли охрану. Но врачи посоветовали не уходить из госпиталя, пройти полный курс лечения.

На следующий день меня посетили под водительством Эммы Евгеньевны товарищи по службе: Миша Савин, Саша Курочкин, Андрей Демьянов, Игорь Новиков. Пришел доктор-психолог в сопровождении врача Елены Борисовны, после осмотра он буркнул: «Надо больше гулять на воздухе».

5 февраля 1993 года. Адвокат Лев Сергеевич Абельдяев принес в палату 5 томов обвинительного заключения. Начал читать, делать выписки, готовить свое выступление на суде. Столько нестыковок, ложных утверждений в этих пяти томах, я просто удивлялся, как нагло интерпретировали показания свидетелей.

11 февраля 1993 года. Выписали из госпиталя. Сердечная благодарность начальнику госпиталя Феликсу Борисовичу Попову, начальнику отделения Владимиру Васильевичу Королеву, милейшим Татьяне Николаевне, Виктории Михайловне, Елене Борисовне».

* * *

Между тем, пока я находился в тюрьме еще 4 ноября 1991 года Виктор Иванович Илюхин, будучи начальником Управления прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, возбудил уголовное дело в отношении Президента СССР М.С. Горбачева за измену Родине.

Дважды материалы по Горбачеву направлялись в прокуратуру России для нового возбуждения дела, но Степанков бдил! Поэтому в феврале 1993 года по требо-

ванию Всенародного Вече — древнего законодательного органа Руси был проведен трибунал.

В своей речи главный обвинитель по делу Горбачева показал суду, как Горбачев скатился до предательства интересов народа, как он умышленно не исполнял Конституцию СССР, другие законодательные акты. Как он стал клятвопреступником, преднамеренно предавая национальные интересы, подрывая обороноспособность и безопасность Союза. Он преднамеренно нарушил Ялтинские, Потсдамские, Хельсинкские договоренности, чем создал условия для пересмотра итогов Второй мировой войны.

Виктор Иванович Илюхин показал всему миру моральную нечистоплотность Горбачева, его корысть, карьеризм, злоупотребление властью.

Трибунал обратился к Верховному суду Российской Федерации с просьбой возбудить уголовное дело в отношении М.С. Горбачева и постановил обратиться в Международный комитет по Нобелевским премиям с просьбой о лишении М.С. Горбачева Нобелевской премии мира как совершившего преступление против мира и человечности.

Кое-кто попытается оспорить решение трибунала, дескать, собрались юристы, что-то там порешили. А кто вас уполномочил? Мы завтра соберемся в красном уголке ЖЭКа и ваши решения отменим. И я хочу напомнить рьяным защитникам горбачевщины: Нюрнбергский процесс тоже был общественным. И народ имеет право, коли судебная власть безмолвствует, обслуживая исключительно интересы режима, собрать свой трибунал: «Суд идет! Обвиняемый М.С. Горбачев, встаньте! Вы признаете свою вину?»..

Для того чтобы показать, насколько прав был в своих обвинениях Виктор Иванович Илюхин, расскажу о том, как проходили переговоры Горбачева с Дж. Бушем, когда решался вопрос о судьбе Варшавского Договора.

...В январе 1989 года сотрудники арбатовского Института США и Канады пребывали в эйфории. В Доме

кино на Васильевской можно было услышать по «большому секрету», что к нам едет сам Киссинджер! Примчалась из-за границы, дабы сыграть роль Анны Андреевны, жены городничего, на российском политическом небосклоне, и Галина Вишневская. Правда, нашлись и такие, кто не доверял слухам. Но это дело поправимое, достаточно справиться у кутюрье Зайцева, который обшивал Раису Максимовну: «Первая леди заказывала себе обновы?»

«Да, она эти наряды уже примеряла», — проболтались портняжки.

«Ну, если уже примеряла, — сострил актер Никулин, — значит, что-нибудь да оттяпает от СССР!»

Горбачев явно засиделся в политическом одиночестве. Старожил американской номенклатуры Рейган уже отошел в сторону, он уступил место в Белом доме Бушу, президенту-«полководцу», который вместе с Горбачевым и добьет Варшавский блок.

В «трудовой книжке» Буша можно было насчитать несколько профессий, но главная все-таки — кадровый разведчик. Остается только удивляться политическим пристрастиям американцев: то у них президент — бывший актер, то президент — разведчик, а вот нынешний, из Арканзаса, — Ромео.

...Киссинджеру оказали в Москве радушный прием, заморский «челнок» чуть ли не у трапа самолета передал из рук в руки послание президента Буша. Так было положено во Внуково-2 начало переговоров о новом статусе Восточной Европы.

Острослов с Лубянки, известный советский разведчик Леонид Шебаршин, по этому поводу сказал: «Прилетел Киссинджер в столицу. Вместе с «архитектором перестройки» Яковлевым и грузином Шеварднадзе будут отваливать огромную глыбу от диктатуры. Не все политики продажные, кое-кто сдает себя и в аренду!»

Шебаршина Горбачев побаивался. Поэтому спешил поздравить разведчика с каждым советским праздником: «Уважаемый Леонид Владимирович! Сердечно поздравляю! Желаю больших успехов в обновлении нашего общества и укреплении обороноспособности государства».

* * *

Московским «обновленцам» Киссинджер дал мудрый совет, как «укреплять обороноспособность государства», уже мчась из Внуково в сторону столицы. Начинать надо было с Варшавского Договора. Но это как раз и вдохновляло Шеварднадзе, он считал себя экспертом по военным проблемам. Правда, лезть вперед батьки Горбачева со своими инициативами, да еще когда Раиса Максимовна не успела продемонстрировать всему мировому сообществу новые наряды, было, мягко говоря, бестактно и неосмотрительно. А главное, невеликодушно по отношению к первой леди страны.

Забегая вперед, скажу: Киссинджер блистательно провел переговоры. На заседании кабинета американского президента в Белом доме осенью 1989 года он выдаст в адрес Горбачева комплимент самой высочайшей пробы: «Если бы вы, господин Буш, захотели бы уничтожить Советский Союз, вы бы сделали по-другому, чем Горбачев?»

Отмечу, не все в США поддерживали закулисные переговоры, назову помощника госсекретаря по европейским проблемам господина Риджвея, куратора СССР и стран Варшавского Договора господина Симеона. Они призывали не церемониться с Россией и считали недели, когда Берлинская стена рухнет и ее осколки разберут на сувениры.

Политическая телега Михаила Сергеевича уже показала с горы, перевернувшись, она заодно перебила и все перестроечные горшки. Но «прорабы перестройки» не унывали, они дружно пересели в раскрашенный цир-

ковой фургон Дяди Сэма, который выехал из стен ЦРУ на политические гастроли по всем республикам необъятной Страны Советов. Наши отечественные демократы свисали с фургона, подобно пустозвонным погремушкам...

К весне Горбачев совсем пал духом, президент Буш упрямо тянул с переговорами. Создалась уникальная ситуация: в Кремле были готовы сдать Варшавский Договор со всеми потрохами, а Буш медлил.

Как соломенная вдова, сидел на кремлевском крыльчике Михаил Сергеевич, поджидая своего американского дружка. И бывший президент-актер, и новый президент-разведчик наконец-то сжалились! Вскоре три главных персонажа новейшей истории веселой компанией отправились на губернаторский остров к подножию статуи Свободы засвидетельствовать нерушимую дружбу.

Горбачев вернулся в Москву с хорошим настроением и «созидательным» зудом. Но ледок в дипломатических отношениях все-таки не растаял. Надо было что-то предпринять, чтобы понравиться Бушу, Горбачев объявил о закрытии сразу двух ядерных заводов, а в мае, принимая Бейкера в Кремле, поведал о своем желании односторонне сократить ракеты ближнего радиуса действия на 5 процентов. Этого, конечно, было маловато, чтобы претендовать на Нобелевскую премию мира, но заплатить двумя ядерными заводами за чай в компании американского президента — вполне щедрый подарок. Отныне батон Шеварднадзе каждое утро названивал в Вашингтон и спрашивался: поступило ли долгожданное предложение свидеться?

Все лето неутомимая советская дипломатия пыталась вывести из летаргического сна администрацию президента. Уже сам Шеварднадзе публично заклеил позором прежнее Советское правительство за вторжение в Афганистан. Наперебой приносили свои извинения за «сталинскую оккупацию» Европы и ледоколы российской демократии А. Яковлев, Г. Старовойтова, Г. Якунин.

И уже летом в Москве объявился очередной сердечный друг Горбачева рокфеллеровский мальчик на побегушках Збигнев Бжезинский. Хотя Бжезинский формировал свои взгляды в рядах демократической партии, духовно он был ближе к Бушу, чем к своему бывшему благодетелю, евангелисту Картеру. Потеряв последний инстинкт политического самосохранения, «архитекторы перестройки» встретили Бжезинского с угодливостью, переходящей в низкопоклонство.

Под самый занавес переговоров гостя повезли в Катынь, чтобы он на месте убедился, с каким «тираном-вождем» водили дружбу Рузвельт и Черчилль и какой хороший и сердечный Михаил Сергеевич. Вот с кем надо дружить Бушу!

* * *

Оценивая «великое молчание» Буша летом 1989 года, историки обычно подчеркивают сдержанность и даже робкую несмелость Буша. На самом же деле под маской неопытности и сдержанности просматривалось волевое лицо. Не понимали в Кремле, что это вовсе не боязнь окунуться очертя голову в мировые проблемы, а дипломатический камуфляж Буша. Да и зачем рваться в бой, если появился свой человек в Кремле — Горбачев. Если Горби добровольно, по собственной инициативе, делает всю черновую работу за ЦРУ.

С Фиделем Кастро перессорился, раздружился с Э. Хонеккером, еще чуть-чуть, и нашего Михаила Сергеевича придавило бы обломками Берлинской стены. Хорошо сказал о последнем генсеке Фидель Кастро: «Я-то думал, на Кубу высадился отряд недобитых контрреволюционеров, а это Горбачев примчался со своей свитой».

Требовались новые инициативы. И чтобы дать мировому сообществу понять, что в Москве засилье интеллек-

туалов, Горби выступил с инициативой создать что-то вроде мирового правительства, которое бы состояло из лауреатов Нобелевской премии. Оставалось только гадать, откуда у простого крестьянского паренька из Ставрополя объявилась страсть к нобелиантам? До этого не могла бы додуматься и английская королева. Москвичи шутили: «Начните, Михаил Сергеевич, с Кремля. Чего вы себя обложили арбатовыми?»

Должно быть, призыв интеллектуализироваться был звоночком самому Яковлеву. Не дай бог, его не пригласят в «мировое горбачевское правительство». Пока не поздно, надо пробиться в действительные члены Академии наук.

Как становились академиками в горбачевскую эпоху, ни для кого не секрет. Попробуй остановить члена Политбюро, коему приспичило попасть в одну бочку с Диогеном. Да с пробивными способностями Александра Николаевича можно было и яблоком упасть на голову Ньютона. Словом, философская и экономическая мысль бурлила вокруг Горбачева. Чаще всего она пробивалась родником в передовицах «Правды». Бывало, возьмешь в руки газеты — одни родники, только не зевай, припадай, набирайся живительной богатырской силы.

Зафонтанировал на страницах «Правды» и ключ Георгия Шахназарова, помощника Михаила Сергеевича. Он разродился опусом «Мировое сообщество управляемо». Впервые на официальном уровне в Советском Союзе признали мондиализм, модную теорию, которую в кабинетах внешней разведки в Ясенево относили к секретному оружию США. Комментировали эту статью в научных кругах по-разному: с симпатией в Институте США и Канады и с явным недоумением в Министерстве обороны.

Дело в том, что мондиализм отказывал самостоятельным государствам в суверенитете, и вдруг программная статья в «Правде». Да неужели мы будем безропотно делегировать администрации Белого дома наше исконное право на суверенность? Помогать выстраивать общую

стройную концепцию правового и политического беспредела? Передадим «мировому правительству» свои многочисленные энергетические и сырьевые источники?

Надо отметить, что отдельные элементы нового «мирового порядка» существовали и в древние времена. Но если раньше войны не выходили за пределы одного-двух континентов, яркий тому пример походы Александра Македонского, то уже после Венского конгресса 1814—1815 годов мы наблюдаем попытку упорядочить отношения политические и экономические между многими государствами в Европе. Как известно, в Венском конгрессе приняли участие, помимо российского и австрийского императоров, знатные особы из Дании, Баварии, Пруссии и другие властители мира.

С.Н. Бабурин в своей знаменитой статье «Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос» очертил границы государств после первого мирового передела: «Согласно Венским договоренностям, Франция во главе с «легитимным» Людовиком XVIII сохраняла свои границы 1792 года. За Великобританией остались захваченные ею Мальта, голландские колонии и протекторат над Ионическими островами. От Дании она получила также остров Гельголанд. Россия получила Польшу, Финляндию и Бессарабию, Пруссия — Рейнскую провинцию, а также Познань, часть Саксонии и Вестфалии, шведскую Померанию с островом Рюгенom.

При этом следует признать, что Венская система носила континентальный характер, она не выходила, за редким исключением, за пределы Европы. Новый Версальский договор от 28 июня 1919 года определил уже судьбу Бельгии, Люксембурга, некоторых осколков Российской империи, а также территорий Китая, Сиам, Либерии, Марокко, Египта, Османской империи».

Как видим, Версальский договор удовлетворил притязания наиболее развитых европейских государств и но-

сил бескомпромиссный характер. Например, Германия утратила почти восьмую часть своей территории и многие колонии. Стремления же Германии изменить Версальские договоренности привели, в свою очередь, ко Второй мировой войне. Новые Ялтинско-Потсдамские соглашения определили, в свою очередь, современную политическую карту мира. Чтобы закрепить за государствами-победителями новые границы, создали ООН, которая переживает сегодня глубочайший кризис. В основе этого кризиса — притязания олигархов на энергетические и сырьевые богатства России. Дирижируют этим процессом США. Вот почему мы стали свидетелями нынешнего обвала Ялтинско-Потсдамских соглашений.

Отныне мы живем по чертежам нового мирового порядка, который нашел свое отражение в договоренностях на Мальте в 1989 году и уточненных в 1997 году в Мадриде.

* * *

Скажу откровенно, вылетая с ответным визитом во главе делегации Министерства обороны СССР в октябре 1989 года в Вашингтон, я достаточно был знаком с геополитическими амбициями хозяина Белого дома. Первое, что меня поразило в США, так это то, как много уделяется внимания проблеме сохранения исторических памятников, связанных с покорением Северной Америки. И если наши «демократы» со средневековым темпераментом крестоносцев остервенело набросились на исторические реликвии «империи зла», якобы она держала в узде Варшавского Договора страны Восточной Европы, то в США я увидел совсем другую картину. Не ошибусь, если скажу: на всем пространстве США — территориальном, географическом, духовном — царит палочная дисциплина блока НАТО. Без пиетета к НАТО ни один политик или конгрессмен не сделает и шага. На государственном уров-

не в США сохраняют контроль над странами блока НАТО, Латинской Америкой. Какая-либо критика блочных пристрастий американцев в Белом доме воспринимается как предательство национальных интересов. Это только мы позволили казахским националистам на исконно российских землях, где на берегах Иртыша истари возвышались крепости Российской империи, сбросить с пьедестала Ермака. В США за подобный оголтелый национализм можно угодить на электрический стул...

Мы знали, что, согласно протоколу, нам предстоит встретиться с 41-м президентом США Дж. Бушем. В январе 1989 года он поклялся на Библии отстаивать прежде всего национальные интересы американцев. Инаугурационная речь Буша выглядела на редкость высокопарной. «Дуют новые ветры, всему миру мы предлагаем новые начинания», — начал свою речь бывший глава ЦРУ.

Политику противостояния с Советским Союзом Буш унаследовал от президента Рейгана. Это Рейган озвучил «лебединую партитуру» финансовых олигархов, призвав к «ревизии фундаментальных норм, существующих между государствами». В своей знаменитой доктрине он уравнил законность в международном праве с силой и волей Соединенных Штатов. Доктрина же Буша закрепила за хозяином Белого дома право нарушать фундаментальные принципы международной справедливости. По существу, США превратили государственный терроризм в инструмент внешней политики — вспомним Никарагуа и Гренаду. В своем интервью газете «Иерусалим пост» в октябре 1983 года Рейган подчеркнул: «Грядущее разрушение Советского Союза должно стать решающей, последней схваткой — Армагеддоном, описанным в Библии».

Ричард Пайпс, профессор Гарвардского университета, который сформулировал для Рейгана основные положения борьбы с «империей зла», вещал в 1981 году: «Нет и не может быть другой альтернативы, кроме войны с Советским Союзом, если СССР не согласится на капитуляцию».

Эту мысль белодомский «ястреб» развил в своей книге «Так больше жить нельзя», призывая покончить с Советским Союзом в ближайшие годы.

Уже в 1982 году стратеги из Пентагона совместно с израильскими боевиками провели широкомасштабную операцию в Ливане, направленную на захват Западного Бейрута. Беззастенчиво нарушив известные всему миру резолюции ООН, они зверски убили 200 русских солдат, которые обслуживали сирийскую противовоздушную оборону. Захватили израильские террористы и здание посольства СССР. Это была первая советская территория, на которой американцы и израильтяне хозяйничали несколько дней. К сожалению, Кремль официально не отреагировал на эту акцию, мы смолчали. Попросту говоря, мы сдали своих солдат...

Похвалиться перед нами своими новейшими тактическими разработками американцы начали в форте Брэг в штате Северная Каролина, где дислоцировалась 82-я воздушно-десантная дивизия. Нам довелось наблюдать, как две бригады спешно загружались в самолеты, чтобы выполнить ответственное задание своего президента.

Вечером же финансовые олигархи, представители власти Северной Каролины, командир 18-го воздушно-десантного корпуса прямо под открытым небом устроили нам прием с экзотическим названием «Обглаживание пороссячьих косточек». Перед ужином выступил оркестр и хор знаменитой 82-й дивизии. Обычно эта дивизия принимает участие в составе экспедиционных войск, когда требуется подавить какое-нибудь суверенное государство. Для себя я отметил: Буш желает нас сделать свидетелями своей очередной подлой вылазки. Но об этом чуть позже.

Сначала нам продемонстрировали душеспипательную картину из американской жизни. Командиры разных рангов смиренно, приложив руку к сердцу, созерцали, как на флагштоке поднимается вверх звездно-полосатый флаг.

Потом начались показательные учения для гостей из «империи зла». К моему удивлению, у командира 18-го воздушно-десантного корпуса не дрогнул ни один мускул на лице, когда разбился первый танк. Причина простая: куполы парашютов не набрали воздуха. Десантирование повторили, и снова парашюты полностью не раскрылись, на сей раз прямо на наших глазах разбилась машина с пушкой. Лишь после этой неудачной попытки командир отдал приказ увеличить высоту десантирования.

Показательные учения в Сан-Диего совместно с дивизией морской пехоты были ответными, мы уже показали американцам в Туле на базе 106-й воздушно-десантной дивизии отдельные приемы десантирования. «Показательные учения русских, — отметили американские газеты, — обошлись без каких-либо материальных потерь». Но нас не радовали явные неудачи американских десантников, единственное, о чем я подумал, как этот ляп воспримет американский президент? Что его проинформируют о потерях перед нашим визитом в Белый дом, в этом я не сомневался.

* * *

Встреча с президентом США Дж. Бушем была назначена на 10 часов утра. В сопровождении министра обороны США Р. Чейни мы прибыли в Белый дом в точно назначенное время. Чейни пошел к президенту в Овальный кабинет, меня же пригласили на чашечку чая.

Я посмотрел в окно, перед Овальным кабинетом толпились журналисты. Ровно через 10 минут Чейни пригласил меня к президенту. Дж. Буш усадил меня справа от себя у камина и только тогда разрешил пригласить корреспондентов. Представив меня журналистам, Буш начал свою речь с того, что принял решение арестовать Норвегу, навести в Панаме порядок. Ровно десять минут назад,

проинформировал президент журналистов, в Панаме высадились две бригады парашютно-десантной дивизии. Об этой победе американской демократии президент просил сообщить всему мировому сообществу и, прежде всего, руководству НАТО.

Во время своей «исторической» речи Буш ощупывал меня цепким взглядом, как я отреагирую на это известие.

«Господину Язову, — улыбнулся Буш, — посчастливилось первому узнать о нашей акции возмездия».

На этот завуалированный выпад я шутливо заметил президенту: «А я-то думал-гадал, почему не все офицеры 82-й дивизии «обглаживали пороссячи косточки»? Норвега испортил аппетит десанникам».

«Надеюсь, господин Язов понимает, почему мы разбили при десантировании танк и пушку? Наши доблестные десантники спешили проучить Норвегу!»

Последние слова президента потонули в громких аплодисментах мастеров пера. Прошло несколько дней, и стали известны результаты этой «миротворческой миссии». Десантники расстреляли семь тысяч мирных жителей.

Журналисты ликовали, и только один Чейни хмурил брови. Он понимал, что кроется за словами президента. Я же подумал: как на эту постыдную акцию «возмездия» отреагирует Горбачев? Смирится с оккупацией суверенной Панамы или, как всегда, промолчит?

Буш продолжал демонстрировать свое прекрасное имперское настроение, он всем своим видом давал нам понять, что к мнению Кремля не собирается прислушиваться.

Не скрою, собираясь в Вашингтон, я проштудировал биографию Буша. В годы Второй мировой войны он, самый молодой летчик военно-воздушных сил США, летал на бомбардировщике. Во время одной операции его сбили над Тихим океаном. Без всякой надежды на спасение он боролся за свою жизнь. И кто знает, если бы его не по-

добрал экипаж американской подлодки, может быть, и остались бы в живых семь тысяч ни в чем не повинных панамцев.

Своим продвижением в большую политику Буш, несомненно, обязан Р. Никсону. Он остался на плаву в большой политике даже тогда, когда после Уотергейтского дела Никсон подал в отставку. На сей раз его подобрал в дни политического шторма Дж. Форд, доверив ему налаживать американско-китайские контакты. Буш в Китае развернул бурную деятельность, он знал, что рано или поздно ему понадобятся большие деньги, чтобы занять кресло в Белом доме. Поэтому в Китае он прежде всего начал продвигать интересы техасских нефтяных магнатов.

Буша хорошо запомнили в Китае, и когда он победил в изнурительном марафоне за пост президента, самое первое поздравление пришло из Пекина.

Заполнив китайскую страницу в своей политической биографии, Буш по рекомендации Дж. Форда сменил Колби на посту директора ЦРУ. Всего один шаг — и Буш вселился в апартаменты Белого дома. Баловень судьбы — не иначе! Правда, Юрий Андропов вовсе не считал Буша везунком, он назвал его самым опасным политическим противником. Будучи руководителем комиссии по борьбе с терроризмом, Буш много сил отдавал эффективной работе спецслужб США за рубежом. Он резко критиковал Р. Рейгана, называя его планы по экономической блокаде Кубы «шаманской экономикой». Но при этом нелюбимая критика не помешала Бушу вскоре занять место вице-президента США в рейгановской команде. Славно потрудился Буш и в «похоронной команде», так называл вице-президент свои обязанности, связанные с похоронами глав государств: президентов, королей, генсеков в самых разных странах мира. Однажды Буш обмолвился, что он похоронил многих хозяев Кремля, но самое большое удовольствие он получил, выполняя свои протоколь-

ные обязанности по «захоронению коммунизма в «империи зла».

Отец 41-го президента США был известен как сенатор от штата Коннектикут с 1952 года по 1963 год и прославился в сенате «громадой дел» против нормализации отношений между США и Кубой. Именно сенатор Буш представил поправку в сенат, гласившую о том, что США имеют полное право и даже обязаны атаковать Кубу. По мнению старшего Буша, его поправка должна была продемонстрировать СССР, что «доктрина Монро» не изжила себя, что она является частью внешней политики США и самое время применить ее на практике.

* * *

Во время встречи с Бушем в Овальном кабинете у камина как-то само собой получилось, что я напомнил хозяину Белого дома об антикубинских настроениях его отца, о том, что сам Буш конфликтовал с Рейганом по поводу экономической блокады Кубы. Президент, конечно же, знал, чем я занимался на Кубе. «Хорошо, что вы, господин Язов, не повстречались в рукопашном бою с моим отцом-сенатором. Иначе бы я потерял отца или в вашем лице приятного собеседника», — пошутил Буш. «Мне кажется, господин президент, в вашей семье царит культ «доктрины Монро». Хотя насколько мне известно, отец старшего Буша, ваш дедушка, весьма симпатизировал большевикам».

Было заметно, что последние мои слова несколько задели президента. Он догадывался, о какой сокровенной тайне благородного семейства Буша я хочу напомнить. И он поспешил дать мне бой.

— Мне только остается восхищаться вашими историческими изысканиями, господин министр. Научная мысль в России не дремлет. Этим историческим фактом вас воо-

ружил Институт марксизма-ленинизма в Москве? А разве ваши прадеды, господин Язов, не были большевиками?

— Мой дед по матери, господин президент, землепашец. А по отцу — солдат! И в нашей семье всегда недолюбливали Троцкого. Сколько он бед принес российскому крестьянству, сколько детей сделал сиротами. Уверяю вас: мы хорошо помним «братскую» помощь из Америки, кто субсидировал Троцкого и его опричников. Замечу: гражданскую войну в России проспонсировал и ваш предок. Он симпатизировал меньшевику Троцкому, а не большевику Сталину. Русские патриоты это хорошо помнят, господин президент. И как великий молитвенник Сергей Радонежский в свое время благословил Дмитрия Донского на битву с недругами, так и бывший семинарист Иосиф Сталин благословил на битву с фашистской ордой полководца Георгия Жукова.

— Это риторика, господин Язов. Всего-навсего риторика... Мы в Панаме, и с этим вам придется смириться.

Во время этого примечательного разговора я вдруг понял: в Белом доме просчитали все варианты, как отреагирует Горбачев на агрессию в Панаме. «Горбачев — банкрот», — поймал я себя на мысли. Американцы похваляются своими накачанными военными мускулами, мы же прощаемся с былым могуществом Советского Союза.

Вежливо, согласно дипломатическому протоколу, я откланялся. Министр обороны Чейни предложил мне своеобразную экскурсию: взглянуть на портреты американских президентов, их здесь ровно сорок. Больше всего меня заинтересовал портрет Кеннеди. Версия для простаков, мол, президент пал на незримой «холодной войне», отстаивая национальные интересы американцев, не выдерживает серьезной экспертизы, как и сенсационное предположение, что это дело ЦРУ.

Президент Кеннеди был убит в ходе гражданской финансовой войны, которая развернулась в Вашингтоне, и убийцы Кеннеди — банкиры.

Это президент Кеннеди 4 июня 1963 года подписал указ за номером 11 110, он сам выбрал для себя винтовку с оптическим прицелом. И здесь следует признать его заслуги перед Отечеством, ибо он встал на защиту американской Конституции. Подписывая указ, Кеннеди вернул министерству финансов США его законное право печатать купюры, обязав свято выполнять конституционные обязанности. Это и привело к трагедии в Далласе. Президент замахнулся на исключительное право рокфеллеров, варбургов, ротшильдов самостоятельно печатать доллары. Только по этой причине правительственным долларам не суждено было появиться в обращении. Вот почему новый президент США Линдон Джонсон незамедлительно после выстрела в Далласе распорядился уничтожить более четырех триллионов напечатанных денег. В высших политических сферах, конечно же, догадываются, кто пригласил президента Кеннеди на казнь, догадываются, но молчат.

Примечательно, что после развала СССР российскую печать наводнили статьи, призывающие запретить государству самому печатать купюры. Осмелюсь выдвинуть версию: совместная американо-российская «революция» 1991 года как раз и преследовала цель присоединить финансовую систему России к карманным деньгам все тех же рокфеллеров, варбургов, ротшильдов...

СУД ПО ДЕЛУ ГКЧП. АМНИСТИЯ ОТ ГОСДУМЫ

6 апреля 1993 года все обвиняемые по делу ГКЧП и их адвокаты собрались в здании Верховного суда на Поварской, чтобы определиться, как нам защищаться на процессе. Себя защищать или дело? Все высказались однозначно: защитить дело.

В связи с тем, что задолго до суда прокурор Степанков и его заместитель Лисов опубликовали книгу «Кремлевский заговор», где под видом «версии следствия» практически обнародовали обвинительное заключение и тем самым подготовили общественное мнение принять как должное приписываемую нам 64-ю статью «измена Родине», мы решили заявить ходатайство об отводе всей группе прокуроров как заинтересованных услужить Степанкову и Лисову, нарушивших закон о презумпции невиновности.

Договорились также поставить вопрос перед судом о незаконном лишении депутатской неприкосновенности Бакланова, Варенникова и других товарищей.

Мой адвокат Лев Сергеевич Абельдяев подчеркнул, что нас обвиняют в преступлениях, совершенных против СССР, а не РСФСР, следовательно, дело должна рассматривать Военная коллегия Верховного суда СССР, а коль скоро СССР прекратил свое существование, вопреки волеизъявлению народа на референдуме 17 марта 1991 года, то рассматривать данное уголовное дело Военная коллегия РФ не вправе. Это дело должен рассматривать специально созданный суд, независимый от Ельцина и Горбачева.

Адвокат Ю.П. Иванов, защищавший В.И. Крюкова, высказал соображение, что нужно добиваться решения о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Другие адвокаты предлагали просить рассмотреть Конституционным судом августовские указы Б.Н. Ельцина по событиям и пригласить Ельцина, Попова в качестве свидетелей. По их распоряжениям строились баррикады, и люди погибли по их вине.

Обвиняемые и адвокаты досконально изучили все 140 томов «дела», они прекрасно понимали, что обвинению нас в измене Родине (а ведь той Родины уже нет) подходит высказывание: «На палубу вышел, а палубы нет».

14 апреля 1993 года. Начался суд, полугласный, полужакрытый, с милицейским оцеплением здания Верховного суда, с полным запретом для входа иностранным журналистам. Правды на суде боялись. Достаточно сказать, что Ельцин говорил о восьми попытках штурма Белого дома, но ни одной не было.

* * *

«Суд идет — прошу встать!» Команда прозвучала в 10 часов 20 минут. Председательствовал генерал-майор юстиции Анатолий Тимофеевич Уколов, он же заместитель председателя Военной коллегии. Народные заседатели: генерал-лейтенант в запасе Юрий Дмитриевич Зайцев и генерал-майор Павел Иванович Соколов. Запасные народные заседатели: генерал-майор Геннадий Васильевич Тарасов, генерал-майор в запасе Юрий Эдуардович Ошмянский. Группу государственных обвинителей возглавлял Эдуард Германович Денисов, заместитель Генерального прокурора РФ.

Суд начался с сенсации: адвокат Янаева А. Хамзаев заявил отвод всему составу суда, не сомневаясь, однако,

в честности и объективности каждого. Главным мотивом отвода было то, что Военная коллегия Верховного суда РФ не правомочна судить руководителей СССР. Если говорить, что в результате «заговора» пострадали интересы всех входящих в СССР республик, то должен быть создан своего рода международный суд стран СНГ. Или они должны делегировать России, Верховному суду РФ соответствующие полномочия.

Нарушений законов адвокаты и обвиняемые вскрыли предостаточно. 19 августа 1991 года Б. Ельцин объявил членов ГКЧП преступниками, изменившими Родине, и заявил, что все они должны понести суровое наказание. Конституционный суд, несмотря на ходатайство ряда депутатов о признании неконституционности указов президента, вторгшегося в компетенцию судебных органов и нарушившего принцип презумпции невиновности, к рассмотрению тех заявлений так и не приступил. Было совершенно очевидно, что суд выполняет социальный заказ Б. Ельцина, по чьему указанию и были арестованы его политические противники.

15 апреля 1993 года. На второй день заседания подсудимые и адвокаты заявили отвод всей бригаде представителей обвинения. Они штатные работники аппарата российской прокуратуры, непосредственно подчиненные В. Степанкову. О какой же их независимости от Генпрокурора может идти речь? В. Степанков и его зам Е. Лисов издали книгу «Кремлевский заговор» раньше, чем было подписано обвинительное заключение. Одно это свидетельствует об их заинтересованности в деле. Адвокат Г. Падва отметил, что заинтересованность В. Степанкова и его представителей очевидна, и его подпись на обвинительном заключении юридически ничтожна.

А.И. Лукьянов заметил, что написание книги В. Степанковым и Е. Лисовым, а точнее «Огоньком», началось практически с возбуждения уголовного дела. Стало быть,

обвинение шло в русле сценария, написанного авторами, выполнявшими уголовное преследование по заданию.

Адвокат Ю.П. Иванов поведал участникам процесса, что Э. Денисова В. Степанков назначил своим заместителем и одновременно руководителем бригады обвинителей за десять дней до начала процесса! Разве мог он за столь короткий срок изучить 140 томов дела да плюс 5 томов обвинительного заключения? Это немыслимо!

В связи с болезнью А.И. Тизякова суд постановил отложить рассмотрение дела на неопределенный срок до выздоровления Александра Ивановича.

После первого заседания суда один из корреспондентов «АиФ» по телефону с явной издевкой спросил: «Как спите? Что видите во сне?»

Хотелось послать его в дальние страны, по маршруту, но я знал, что они не постесняются напечатать и сто крат добавят от себя. Я выдержал паузу и сказал: «Привык к экстремальным условиям, и пошли вы к черту». Так и напечатали.

* * *

Продолжение процесса последовало 18 мая 1993 года. Адвокаты продолжали высказывать свои суждения об отводе представителей прокуратуры.

Вероятно, с целью оказать давление на суд зачитали письмо за подписью Глеба Якунина и других врагов русского Отечества, которые требовали изменить меру пресечения: всех подсудимых посадить в тюрьму и возить на процесс в «черном вороне». Потом рассказывали, что, когда Якунин вышел на улицу из зала суда, интеллигентнейшего вида дама бросила ему вослед: «Чертенок пакостный, запомните: между «черным вороном» и залом суда всегда будут цветы».

После перерыва в 14.00 А.Т. Уколов зачитал определение суда о том, что В. Степанков и Е. Лисов заранее объявили через прессу и через издание книги «Кремлевский заговор» виновными членов ГКЧП, хотя это является прерогативой только суда. В определении было обращено внимание на поведение этих должностных лиц. Суд обратился в Верховный Совет РФ для решения этого вопроса.

Но никакого решения никто не принял. В этом случае следовало бы признать незаконными действия не только Степанкова, но и Ельцина.

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ

18 мая 1993 г.

город Москва

Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации в составе: председательствующего Уколова А.Т., народных заседателей Зайцева Ю.Д., Соколова П.И. в судебном заседании по уголовному делу в отношении Янаева Г.И., Лукьянова А.И., Павлова В.С., Крючкова В.А, Язова Д.Т., Шенина О.С., Бакланова О.Д., Варенникова В.И., Плеханова Ю.С., Генералова В.В., Тизякова А.И., Стародубцева В.А., рассматривая вопрос о возможности участия в процессе государственных обвинителей — заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Денисова Э.Г., старшего помощника Генерального прокурора Сюкасева Л.М., помощника Генерального прокурора Анкудинова О.Т., старшего прокурора управления Генеральной прокуратуры Берсеяна Р.Р., военного прокурора управления Генеральной прокуратуры Данилова В.Б., старшего прокурора управления Генеральной прокуратуры Митюшова В.П., прокурора управления Генеральной прокуратуры Пронина В.Н., старшего военного прокурора управления Генеральной прокуратуры Смыкова В.В., старшего прокурора управления Генеральной прокуратуры Фадеева В.Е., которым заявлен отвод подсудимыми и защитниками,

УСТАНОВИЛА:

Отвод государственным обвинителям заявлен по тому основанию, что их начальники — Генеральный прокурор Российской Федерации Степанков В.Г. и его заместитель — руководитель следственной бригады Лисов Е.К. задолго до окончания предварительного следствия неоднократно публично высказывали свою позицию по делу и опубликовали книгу «Кремлевский заговор», чем нарушили принцип невиновности и правоохраняемые интересы обвиняемых. Находясь в полной служебной зависимости от этих должностных лиц, лично заинтересованных в деле, государственные обвинители, по мнению подсудимых и их защитников, не могут быть объективными в данном уголовном процессе.

В обоснование приведенных доводов сделаны ссылки на упомянутую книгу, документ, поступивший в суд из редакции журнала «Огонек», многочисленные интервью и выступления авторов книги в средствах массовой информации с заявлениями о виновности обвиняемых в государственной измене.

При определении своей позиции по данному вопросу Военная коллегия принимает во внимание следующие обстоятельства.

В июле 1992 года, еще за пять месяцев до окончания расследования дела, Генеральным прокурором России В.Г. Степанковым и заместителем Генерального прокурора Е.К. Лисовым была написана книга «Кремлевский заговор», которая вскоре вышла массовым тиражом в издательстве «Огонек». В этом произведении авторы, выборочно опубликовав материалы незавершенного предварительного следствия, обосновали свою оценку происшедших в августе 1991 года событий и участия в них обвиняемых. При этом обвиняемые неоднократно именуется «заговорщиками» (стр. 13, 15, 21 и др.), а их действия называются «заговором» (стр. 72, 83 и др.) и «захва-

том власти» (стр. 87, 91 и др.), то есть практически квалифицируются как преступление, предусмотренное ст. 64 УПК РСФСР.

Такой способ использования руководителями Генеральной прокуратуры материалов дела, доказательственное значение которых до конца не проверено органами предварительного следствия и тем более не оценено судом, объясняется в предисловии осознанием авторами книги «необходимости противопоставить правду захлестывающей общество дезинформации... и предупредить о вполне возможной провокации».

Под «правдой», как усматривается из книги, понимается версия Степанкова В.Г. и Лисова Е.К., а под «провокацией» имеются в виду «судебные откровения» обвиняемых, то есть их показания в суде, которые могут войти в противоречие с опубликованными материалами и с точкой зрения авторов.

Таким образом, посредством этой книги еще до суда действия обвиняемых публично объявлены преступными, а также дана оценка их возможным показаниям в предстоящем судебном заседании, достоверность которых вправе оценивать только суд.

Указанные действия Степанкова В.Т. и Лисова Е.К. противоречат требованиям ст. 2, 20, 25 и 71 УПК РСФСР, согласно которым прокурор обязан обеспечить точное применение закона в процессе судопроизводства, способствовать предусмотренными законом мерами установлению истины по делу и не предопределять заранее силу тех или иных доказательств. Эти действия ущемляют охраняемые законом права и интересы обвиняемых, в частности, гарантированный ст. 65 Конституции Российской Федерации и ст. 13 УПК РСФСР принцип презумпции их невиновности, а также направлены на формирование общественного мнения по вопросам, относящимся исключительно к компетенции суда, то есть являются по-

пыткой воздействия на суд, нарушением принципа независимости судей, провозглашенного ст. 167 Конституции России и ст. 16 УПК РСФСР. Опубликование книги вызвало резко отрицательную реакцию обвиняемых, их многочисленные ходатайства и заявления о необъективности предварительного следствия, а также отводы Степанкову В.Г. и Лисову Е.К. и как следствие — затяжку в расследовании дела.

Помимо этого, используя материалы дела вне рамок уголовного процесса, Степанков В.Т. и Лисов Е.К. вышли за пределы служебных правоотношений с обвиняемыми и поэтому за достоверность приведенных в книге сведений и сделанные в ней выводы несут персональную ответственность в соответствии с нормами гражданского права. В настоящее время некоторые из подсудимых предъявили к ним в этой связи судебные иски о защите чести и достоинства.

Исходя из изложенного, суд считает, что авторы книги стали лично заинтересованными в деле, то есть в подтверждение как предварительным следствием, так и судом выдвинутой ими версии.

Несмотря на это, они, вопреки требованиям ст. 59 и 63 УПК РСФСР, не устранились от участия в деле, и вплоть до окончания предварительного следствия Лисов Е.К. продолжал руководить следственной бригадой, а Степанков В.Г. — осуществлять за следствием прокурорский надзор.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что содержащиеся в книге выводы были повторены затем в обвинениях, вновь предъявленных в августе 1992 года, а также в обвинительном заключении, составленном Лисовым Е.К. и утвержденном Степанковым В.Г.

О предвзятом отношении Степанкова В.Г. и Лисова Е.К. к расследованию дела свидетельствует и то, что в предисловии к книге, которое, согласно статье 480 ГК РСФСР, не могло появиться без согласия авторов, опубликованы

выдержки из «документа», который, как утверждается, составлен обвиняемым Тизяковым и представляет собой инструкцию находившимся под стражей членам ГКЧП о поведении во время предварительного следствия.

Несмотря на то что приведенные в этом «документе» сведения непосредственно относятся к событиям августа 1991 года и при их подтверждении могут иметь доказательственное значение в установлении истины по делу, данная «инструкция», вопреки требованиям ст. 20 УПК РСФСР, в рамках предварительного следствия процессуально не исследовалась, ее достоверность не проверялась, и имеет ли к ней отношение обвиняемый Тизяков, не выяснилось. Ходатайство обвиняемых и защитников и ее приобщение к материалам дела Лисовым Е.К. были отклонены.

При этом в постановлении утверждалось, что «документ не приобщен к материалам следствия, поскольку изложенная в нем информация не относится к расследуемым событиям». В то же время в предисловии к книге этот «документ» интерпретируется как подлинный и используется для подтверждения выдвинутой авторами версии, хотя, как видно из сообщения редакции журнала «Огонек», представлен туда неизвестным лицом.

Допущенные Степанковым В.Г. и Лисовым Е.К. нарушения закона дали повод для постановки под сомнение беспристрастности подчиненных им прокуроров, которым поручено поддержание государственного обвинения по данному делу, и для заявления отвода этим прокурорам со стороны подсудимых и их защитников.

Согласно ст. 31 Закона о прокуратуре Российской Федерации и ст. 248 УПК РСФСР, прокурор при осуществлении в суде уголовного преследования руководствуется только законом и своим внутренним убеждением. Из этой нормы следует, что для подлежащего исполнению государственным обвинителем своих полномочий он дол-

жен быть гарантирован от воздействия на его позицию по делу мнения иных лиц и полностью свободен в ее определении вплоть до отказа от обвинения. Лишь при таких условиях суд имеет возможность принимать во внимание высказываемые прокурором суждения и рекомендации по вопросам применения закона. Однако в данном процессе сам факт нахождения государственных обвинителей в служебной подчиненности у Генерального прокурора, лично заинтересованного в исходе дела, а также отсутствие в законе реальных гарантий их независимости, как участников процесса, не позволяет быть уверенным в том, что на этих лиц не будет оказано воздействие со стороны Степанкова В.Г. Как видно из представленного в суд документа, государственные обвинители по данному делу назначены лично Генеральным прокурором, который обладает полномочиями по назначению на должности, перемещению по службе, поощрению и привлечению к ответственности. Кроме того, законом не исключаются отзыв и замена государственного обвинителя во время судебного заседания.

О том, что руководство Генеральной прокуратуры находит возможным не считаться с процессуальной самостоятельностью государственных обвинителей, свидетельствует, в частности, обращение 5 мая 1993 года и.о. Генерального прокурора Славгородского М.Д. в Военную коллегия с ходатайством об изменении меры пресечения троим подсудимым по этому делу. В соответствии со ст. 276 УПК РСФСР с ходатайствами к суду на данной стадии судопроизводства могут обращаться только участники процесса. И.о. Генерального прокурора к их числу не относится, и поэтому его ходатайство явилось, по существу, вторжением в сферу полномочий прокуроров, участвующих в процессе.

В сложившейся ситуации суд считает невозможным дальнейшее разбирательство дела и разрешение отвода,

заявленного государственным обвинителем, до решения вопроса об обеспечении их действительной самостоятельности в настоящем судебном процессе и полагает необходимым войти с таким предложением в Верховный Совет Российской Федерации, которому подотчетен Генеральный прокурор. Этот вопрос может быть решен, в частности, путем создания в соответствии с п. 2 ст. 10 Закона о прокуратуре Российской Федерации органа прокуратуры, не входящего в прокурорскую систему республики, для поддержания обвинения по данному делу, в который могут быть включены уже участвующие в деле государственные обвинители.

Рассматривать настоящее дело вообще без государственного обвинителя Военная коллегия не вправе, поскольку высказанное прокурором намерение поддержать обвинение для суда, согласно статье 228 УПК РСФСР, является обязательным. Кроме того, участие государственного обвинителя суд находит необходимым, исходя из характера предъявленного подсудимым обвинения, а также для проведения процесса на принципах состязательности. Руководствуясь ст. 21-2 и 261 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛА:

Обратить внимание Верховного Совета Российской Федерации на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В.Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е.К., и предложить рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение. Председательствующий Народные заседатели

А. Уколов, Ю. Зайцев, П. Соколов».

Следующее судебное заседание состоялось в июле 1993 года.

Я и В.И. Варенников юридически еще находились на службе в Вооруженных Силах, но денежное довольствие не получали со дня ареста, других источников дохода у нас не было.

Суд по нашей просьбе обратился в Министерство обороны, и нам дали ответ за подписью начальника главного управления военного бюджета и финансирования Министерства обороны Российской Федерации, что принято решение о выплате с 26 января 1992 года денежного довольствия в течение трех месяцев и единовременно денежного вознаграждения за поддержание высокой боевой готовности войск за семь месяцев 1991 года.

Во всех отношениях мы были заинтересованы в быстрейшем продолжении процесса.

Но зачитывается справка: что А.И. Тизяков находится на лечении, адвокат Хамзаев болен, Л.И. Галоганов — адвокат В.С. Павлова — в США. Суд постановил объявить перерыв до 10.00 7 сентября 1993 года.

За этот промежуток времени «много воды утекло». Известный юрист Ю.Г. Калмыков сказал на пресс-конференции, что Генпрокуратуре не книги надо писать, а бороться с преступностью.

Подсудимые и адвокаты аргументированно доказали, что В. Степанков и Е. Лисов в печати неоднократно выступали с утверждениями о виновности членов ГКЧП. Это весьма серьезное нарушение служебной юридической этики. Как и судья, прокурор должен воздерживаться от публичных категорических утверждений о виновности обвиняемых, пока обстоятельства дела не исследованы в главном состязательном судебном процессе.

В своих интервью Генеральный прокурор РФ просто-душно объяснял, что опубликовал книгу с целью повлиять на общественное мнение. Но мнение формируется на главном процессе, а все остальное не способствует установлению истины. Юридические принципы объективной истины, справедливости, презумпции невиновности имеют нравственное содержание.

6 сентября 1993 года. Вновь подсудимые собрались в доме на Поварской. Секретарь суда проинформировал, что дело на А.И. Тизякова будет выделено в отдельное производство в связи с тяжелой болезнью.

7 сентября 1993 года. Холодный пронизывающий ветер с дождем... В 10.00 началось заседание суда: «Здравствуйте, прошу садиться!» Докладывает секретарь суда, что все прибыли, за исключением Тизякова.

А.И. Лукьянов и его адвокат Г. Падва высказали мысль, что исследование дела без четверых обвиняемых (Тизякова, Ачалова, Грушко, Болдина), безусловно, отразится на установлении истины.

Выступил адвокат Лифшиц — представитель «потерпевших»: «Дети погибли, а виноватых нет».

Слово попросил А.И. Лукьянов, он говорил о том, что есть новое обстоятельство, опубликовано обвинительное заключение по нашему делу в ежедневной газете.

Выступили адвокат Л.С. Абельдяев, В.И. Варенников, О.С. Шенин. Они говорили о том, что идет политическая возня, в которой Степанков и прокуратура играют самую видную роль.

8 сентября 1993 года. Заседание не состоялось из-за болезни адвоката О. Бакланова.

21 сентября 1993 года. В 17.15 Н.В. Печенкин сообщил, что на него в подъезде напали трое молодых парней, нанесли несколько ударов, при этом говорили: «Мы тебе покажем, кого защищать».

23 сентября 1993 года. Ельцин подписал указ о назначении В. Степанкова Генеральным прокурором с подчинением непосредственно президенту. Наше ходатайство — направить дело на дополнительное исследование — суд отклонил.

* * *

7 октября 1993 года. Продолжение суда. Всем известно, какие произошли события: расстрелян Дом Советов.

Сегодня день траура. Обвиняемые заявили: они незаконно арестованы, и прокурор СССР Трубин уклонился от дела и все передал Степанкову, который вершит самосуд. В отношении военных творится произвол. Память погибших при расстреле Белого дома почтили вставанием.

8 октября 1993 года. Суд отклонил все наши ходатайства, в том числе и о возвращении орденов, хотя прокуратура забирать их не имела права.

12 октября 1993 года. Отклонены все наши ходатайства. Мы просили назначить правовую экспертизу на предмет:

— соответствовал ли Союзный договор, разработанный в Новоогареве, референдуму 17 марта 1991 года;

— является ли референдум 17 марта 1991 года обязательным для исполнения на территории СССР.

19—28 октября 1993 года. Прочитаны все пять томов обвинительного заключения.

30 ноября 1993 года. Начался допрос Владимира Александровича Крючкова. Ему была предоставлена возможность самому изложить суть дела.

Допрос с перерывами проходил до 20 января 1994 года.

20 января 1994 года. Меня начали допрашивать. Предоставили право свободно изложить события 19 — 21 августа 1991 года.

В зале ни одного журналиста из правительственных изданий. Отчего же? Два года назад истерически требовали открытого суда над руководителями Советского государства, а тут вдруг исчезли. Вероятно, в свете последующих событий — «сговора трех», выдворения Горбачева из Кремля, ваучеризации страны, расстрела здания Верховного Совета РФ — «дело ГКЧП» кажется журналистам «детской забавой».

26 января 1994 года. Суд удовлетворил мою и Варенникова просьбу отпустить нас проводить в последний путь маршала Советского Союза Н.В. Огаркова.

В час дня мы были на Новодевичьем кладбище. С прощальным словом выступил Варенников, он и сказал много добрых слов в адрес славного сына нашего народа, посвятившего себя беззаветному служению Отчизне, укреплению боевой мощи Вооруженных Сил.

Николай Васильевич находился в опале за то, что выразил солидарность с действиями ГКЧП 18—21 августа 1991 года. Он предвидел, куда приведут перестройщики страну и что будет с Россией.

8 февраля 1994 года. Перед допросом Шенина в зале суда появился Бакланов, попросил включить его для дачи показаний. Суд его просьбу отклонил под предлогом, дескать, нет необходимости.

Судья Уколов А.Т. попросил предоставить слово Олегу Семеновичу Шенину. Он начал свое выступление со слов: «Ответ лицемерам».

15 и 16 февраля 1994 года. Продолжался допрос Шенина. Прокуратура поставила перед собой задачу запустать свидетеля и даже припугнуть, но судья пресек эту акцию. И опять «процесс покатился».

17 февраля 1994 года. Утром Варенников сказал мне, что по радио передали: мы уволены из рядов Вооруженных Сил Указом Президента РФ.

19 февраля 1994 года. Я получил выписку из приказа министра обороны (по личному составу) № 0184 о моем увольнении. В ней значилось: «Выслуга лет в Вооруженных Силах: календарная — 52 года 1 месяц; в льготном исчислении — 59 лет 5 месяцев».

Получение выписки я воспринял спокойно. И на гражданке можно служить Родине.

* * *

17 февраля 1994 года. Суд допрашивал Варенникова. «Запад восторгается нашим самообразованием!» — заявил генерал. Суд решил пригласить на заседание Горбачева в качестве свидетеля. 1 марта 1994 года. Судья генерал-лейтенант А.Т. Уколов объявил, что во время перерыва судебного заседания вышло Постановление Государственной Думы. Нам зачитали Определение Военной коллегии:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1 марта 1994 г.

город Москва

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе: председательствующего Уколова А.Т., народных заседателей Зайцева Ю.Д., Соколова П.И. в судебном заседании по уголовному делу в отношении Лукьянова А.И. и других, рассмотрев вопрос о прекращении дела вследствие акта амнистии,

УСТАНОВИЛА:

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 февраля 1994 г. издано Постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии», пунктом 1-а которого предписано прекратить все уголовные дела, в том числе и не рассмотренные судами, в отношении лиц, привлекаемых к уголовной от-

ветственности по событиям 19 — 21 августа 1991 г., связанным с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и с участием в его деятельности.

Лукиянову А.И., Павлову В.С. Крючкову В.А., Язову Д.Т., Шенину О.С., Бакланову О.Д., Варенникову В.И., Плеханову Ю.С, Генералову В.В. и Стародубцеву В.А. предъявлено обвинение в совершении преступных действий, связанных с событиями 19 — 21 августа 1991 г., и образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению. Следовательно, акт амнистии непосредственно распространяется на возбужденное в отношении этих лиц дело.

Общий порядок применения акта амнистии, изданного во время судебного разбирательства дела, регламентирован ч. 3 ст. 5 УПК РСФСР, согласно которой суд в таком случае доводит разбирательство до конца и при вынесении обвинительного приговора освобождает осужденного с учетом амнистии от наказания. Однако пункт 9 Постановления Государственной Думы от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии» предписывает немедленное исполнение пункта 1 этого акта, то есть предусматривает прекращение уголовного преследования привлекаемых к ответственности лиц непосредственно на той стадии, на которой находится процесс судопроизводства.

Таким образом Государственной Думой установлен особый порядок применения амнистии по данному делу, согласно которому суд обязан немедленно прекратить дело в отношении каждого из подсудимых, не возражающего против принятия такого решения.

Постановление вступило в законную силу и подлежит исполнению.

Учитывая, что никто из подсудимых не возражает против применения к нему акта амнистии, и руководствуясь п. 4 ст. 5 и ст. 261 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛА:

Уголовное дело в отношении Лукьянова Анатолия Ивановича, Павлова Валентина Сергеевича, Крючкова Владимира Александровича, Язова Дмитрия Тимофеевича, Шенина Олега Семеновича, Бакланова Олега Дмитриевича, Варенникова Валентина Ивановича, Генералова Вячеслава Владимировича и Стародубцева Василия Александровича прекратить на основании пунктов 1-а и 9 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии».

Меру пресечения — подписку о невыезде в отношении указанных лиц, а также арест, наложенный на их имущество, отменить.

Гражданские иски, заявленные к подсудимым в связи с данным делом, оставить без рассмотрения.

А. Уколов, Ю. Зайцев, П. Соколов».

* * *

Валентин Иванович Варенников с амнистией не согласился. В Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации я ознакомился с ходатайством Варенникова. В нем говорилось:

«1 марта 1994 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации было доведено Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 23.02.94 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии».

В связи с этим в тот же день я сделал суду следующее заявление: «Против решения Государственной Думы об амнистии возражений не имею. Но еще раз подчеркиваю, что на протяжении всех стадий предварительного, а также в ходе судебного следствия я не признавал и

не признаю предъявленные мне обвинения. Считал и считаю себя не виновным. Одновременно заявляю суду ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Я соглашаюсь с актом амнистии, имея в виду, что судом будет рассмотрено и удовлетворено мое ходатайство — ведь факт развала страны состоялся, против чего я и выступал.

Однако прошло два месяца, но никакого решения суда по этому поводу мне не объявили.

Выражая глубокое уважение прежнему составу суда, который действительно проявил гражданское мужество, придерживаясь объективной правовой позиции во время ведения судебного следствия, я одновременно сожалею, что суд не смог рассмотреть заявленное ходатайство, хотя оно по сути было моим моральным условием принятия амнистии.

В связи с этим и учитывая, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил протест государственного обвинения и дело об августовских событиях (1991 г.) будет вновь рассматриваться новым составом суда, а подсудимые заново будут опрашиваться об их отношении к амнистии, я заявляю, что возражаю в отношении применении амнистии ко мне лично.

Считаю своим неперенным долгом перед нашим народом и Отечеством сделать все возможное, чтобы вскрыть в ходе судебного следствия истину и показать общественности причины тяжелейшей трагедии, свалившейся на наше государство. Хотя бы в общих чертах раскрыть структуры и конкретных лиц, виновных в развале Советского Союза и страданиях людей всех бывших союзных республик. Это не может оставаться тайной. Стремление «упрятать концы в воду» является позорной традицией. Кроме того, судебное следствие позволит мне доказать мою невиновность.

К сожалению, в России все без исключения партии и движения, политики, историки, журналисты даже не обозначили свое намерение провести объективный анализ всего того, что произошло. Ибо развал Советского Союза и разгром хоть и незначительных демократических приобретений — это событие не только XX века, а эпохальное, историческое для всего человечества. Это трагедия всего мира, и ее главные последствия еще нас ожидают впереди.

Провозгласив демократию, мы должны двигаться к правовому государству. Установление истины по делу ГКЧП несомненно явится именно таким шагом и благотворно скажется на установлении гражданского мира и на морально-политическом состоянии нашего народа, его истинных патриотов. Одновременно это вселит в их сознание надежды на будущее.

В.И. Варенников.

Апрель 1994 года».

* * *

Мне стало известно, что судебное заседание по рассмотрению теперь уже дела Варенникова было назначено на 21 июня 1994 года.

Появилась возможность съездить в Ленинград, встретиться с товарищами по совместной службе на Кубе. Из Волгограда приехал Григорий Иванович Коваленко, он командовал на Кубе полком, с ним 14 апреля мы и выехали в Ленинград. Всю дорогу вспоминали о былом.

В Ленинграде встретили нас Владимир Петрович Черемных, Виктор Сергеевич Еремин, Аркадий Федорович Шорохов, Иван Николаевич Павленков, Бронислав Семенович Старанцов — мои друзья-однополчане. В этот же день состоялась встреча с «кубинцами», которые в большинстве своем осели в Ленинграде, Выборге, Саперном.

На встрече с «кубинцами» посыпались в мой адрес вопросы с упреками. Их можно свести к тому, что мы, гекачеписты, в августе действовали нерешительно. И что даже расстрел Белого дома в сентябре — октябре 1993 года — результат робкого и непродуманного поведения ГКЧП в августе 1991 года.

Вопросы, вопросы! Я ответил, что упреки в целом справедливы. Подчеркнул, что в 1985 году никто и не предполагал, что к власти придет генсек, который встанет на путь предательства государства. Программы «перестройки» не было, да и не могло быть, потому что Горбачев подразумевал смену общественного строя. Для себя он определил главную задачу: разложить партийные структуры.

Членов Политбюро, которые как-то сопротивлялись, Горбачев разогнал, он сформировал новое Политбюро, в соответствии со своими взглядами и пристрастиями. И вскоре республики начали бороться с центром, вернее, с Горбачевым.

Сказал я и о том, что Горбачев никак не отреагировал на сговор в Беловежской Пуще. Он даже формально не подписал ни одного документа, зная, что никакой его указ никто исполнять не будет. Это означало, что Горбачев потерял власть и ему ничего не остается, как начать кланчить для себя у Ельцина льготы.

Уезжал я из Ленинграда вместе с Г.И. Коваленко. Красивейший город в апреле был серым, плохо убраным. Кругом реклама на иностранных языках, как будто мы за кордоном. Рядом с храмом на рекламе красовалась обнаженная девица. Кому-то неймется унижить православных. Подобную картину я увидел у храма Николы в Хамовниках в Москве. Правда, кто-то краской на трехметровом холсте написал: «Оккупанты, уберите своих шлюх! Уважайте православных и мусульман!»

На моих глазах к рекламному щиту стоимостью в три тысячи долларов подъехали на «мерседесе» заказчики этой непристойной рекламы. С остервенением господин с картавинкой соскребал надпись. «Оккупант!» — бросил ему проходивший мимо знаменитый писатель, которого изгнали с «демократического» ТВ. «Изыди!» — бросил все тому же господину с картавинкой вслед и дьякон. И стало тепло на душе: а все-таки мы есть! Мы — это русский народ, который вот-вот погонит с родной земли врагов.

...23 апреля 1994 года радио сообщило о смерти Р. Никсона. Мы с ним встречались дважды. Это был один из «ястребов». Помню, как он допытывался, почему мы передали стрелковые дивизии флоту? Я ответил, что это наше внутреннее дело и нам виднее, каким образом строить нашу оборону.

Хочу заметить, что Р. Никсон, бывая в России, никогда не отзывался плохо о президенте США. Зато Горбачев осенью 1995 года в поездке по США прямо-таки распекал Москву за отсутствие внешнеполитической концепции, хотя Ельцин эту концепцию взял на вооружение от Горбачева. Концепцию отличает пренебрежение к национально-государственным интересам страны. Так что Горбачев-пенсионер, сам того не осознавая, раскритиковал Горбачева-генсека за самодурство и пресмыкание перед Западом. Вот такие случаются курьезы. Партийная вдова сама себя высекла.

Оба президента — и Горбачев и Ельцин — до одурения верили в то, что заграница нам поможет, и мы будем партнерами. Но не тут-то было. Как говорится, американцы не против, чтобы Россия сделала пристройку к «общеевропейскому дому», но на фундаменте НАТО, да и то без права на квартиру.

Не переставал нас удивлять и патриарх Алексей II. Это Его Святейшество извинился перед немцами в евангелическом соборе Берлина. Вот его слова: «Одновремен-

но не можем умолчать мы о том, что тоталитарный режим, установившийся после падения нацизма в Восточной Германии и принеший страдания многим немцам, пришел на эту землю именно из нашей страны, а многие мои соотечественники поддержали его своими несправедливыми деяниями. За это я ныне прошу у вас прощения от имени многомиллионной и многонациональной паствы».

Но разве припомнит читатель, чтобы канцлер Германии Коль извинился перед русскими, пребывая с визитом в России, за те страдания, которые перенес русский народ в годину борьбы с фашизмом?..

Что же мы занимаемся самоунижением? Ведь по всей Европе можно найти веские доказательства нашего мученичества — не счесть братских могил, в которых захоронены сыны России, отдавшие свою жизнь за счастливую судьбу других народов. Это кощунство — просить извинения от имени многомиллионной паствы, от имени матерей и жен, которые не дождались своих сыновей и мужей. Чем же они прегрешили перед Господом Богом?

СУД НАД ГЕНЕРАЛОМ ВАРЕННИКОВЫМ

Валентин Иванович Варенников родом из города Кропоткина Краснодарского края. Сын директора крупного производственного объединения. Мать Валентина Ивановича, к сожалению, рано ушла из жизни, в шесть лет Валентин оказался полусиротой. В самом начале войны семнадцатилетним юношей он пришел в военкомат с просьбой отправить его на фронт. Военком подумал и сделал юноше исключение: определил в артиллерийское училище, мол, еще мальчуган, сначала подучись. Затем были Сталинградский фронт, битва под Курском, Украина, Польша, отличился Варенников при штурме Берлина. В семейном альбоме генерала хранится фотография: будущий подследственный по статье «измена Родине» стоит у Бранденбургских ворот при пяти боевых орденах, трижды раненный...

Супруга генерала Варенникова Елена Тихоновна из русских красавиц, прошла боевой путь вместе с Валентином Ивановичем сестрой в медсанбате. Когда в августе 1991 года служки Степанкова пришли в дом, чтобы забрать боевые награды и регалии главкома Сухопутных войск, Елена Тихоновна отдала и свои ордена. «Я без мужа — никуда! — объяснила она государственным ищейкам. — Пусть ордена жгут вам руки».

За годы службы Валентин Иванович побывал в «командировках» в самых разных «горячих точках»: в Анголе, Эфиопии, Афганистане. А когда случилась Чернобыльская трагедия, генерала срочно отозвали из Афганистана — руководить восстановительными работами. Вспоминает

сын генерала, Валерий Валентинович Варенников: «Когда отец прилетел из Чернобыля, я находился в Москве, приехал домой в отпуск. Все вместе мы бросились к отцу, хотели заключить его в объятия.

— Назад! — крикнул отец.

Он снял свой генеральский мундир, завернул его в брезентовый мешок и добавил:

— От греха подальше — не подходите! Чернобыльская грязь — не отмоетесь!

— И мне нельзя, Валентин? — протянула свои руки к генералу Елена Тихоновна. — Что с голосом, простыл?

— Это чернобыльская пыль связки забила. Мой приказ: отставить все поцелуи. Пыль-то радиоактивная...»

Вернувшись в Москву из Афганистана, генерал Варенников все удивлялся: «Зачем мы в одностороннем порядке сокращаем Вооруженные Силы? Спешим вывести свои войска из Европы? Уйдем мы — придет НАТО». Он часто говорил: «СНГ — это пародия на великую нашу державу. Удар в самое сердце!»

У меня сохранилась газетная вырезка с проектом Союзного договора, рукой Варенникова там написано: «Не могу одобрить. Это не договор, а приговор Советскому Союзу».

Нелепо было выслушивать Варенникову и следователя. Последний поучал, как любить Родину. — «Зачем вы подписали «Слово к народу»? — допытывался следователь. — Вы же подписали себе приговор».

«Если можно еще спасти Родину, — отвечал генерал, — я снова подпишу «Слово к народу»! Это «Слово» — наша боль! Не пристало русскому офицеру прятаться за чужие спины...»

В Форосе, как известно, главком Сухопутных войск принимал участие в беседе с Горбачевым. Доложил генсеку о настроениях в армии, что думают офицеры о пре-

дателях в высших эшелонах власти. Позже Горбачев напишет в своих воспоминаниях: «Наглое требование генерала уйти в отставку я отклонил!» И вся-то вина генерала Варенникова состояла в том, что он без всяких политесов, по-солдатски прямо сказал Горбачеву всю правду об истинном положении в стране, не расшаркиваясь перед генсеком. 50 лет генерал Валентин Иванович Варенников защищал страну. Он и сейчас готов пройти с боями, но уже до Москвы. И это не громкие слова, ибо, как и в годы борьбы с фашизмом, по другую сторону окопов будут не свои, а чужие... Классики «российской демократии», разворовавшие народное добро, готовы вступить в смертельную схватку. Это «демократы» превратили бывшие дачи государственных деятелей, прославленных балерин и полководцев в родовые неприступные крепости и доты. Теоретически они смогли бы продемонстрировать всему миру и высочайшие образцы «героизма». Защитить награбленное. Не зря они так поспешно приватизировали госдачи советских вождей...

* * *

Судебное разбирательство под председательством генерал-майора юстиции В.А. Яскина началось 21 июня. Когда в суд вызвали Горбачева, почти вся Москва съехала к зданию Верховного суда на Поварской. Вальяжный Горбачев говорил примерно то, что излагал «за чашкой чая»: «Что это был заговор и что, посоветовавшись с Раисой Максимовной, они решили стоять до конца. А визитеров послал туда, куда обычно посылают».

Свидетелю Горбачеву суд задавал довольно-таки безобидные вопросы. В то же время любой вопрос, поставленный Горбачеву, судья парировал, дескать, свидетель может и не отвечать.

Например, Варенников спросил Горбачева: «Как же получилось, что вы стали ренегатом, изменили своему народу?»

Немыслимый в истории факт, когда глава государства действует во вред своему народу. Мало того, приказали арестовать всех, кто мешал вам разваливать государство».

Но судья прервал Варенникова: «Вопрос не имеет отношения к делу». При всем уважении к суду я не могу согласиться, что виновных в развале СССР нам не найти. Еще в декабре 1988 года Горбачев на очередной сессии ООН дал понять, что СССР готов сменить социальный строй, а в начале декабря 1989 года Горбачев с Бушем уже встретились на Мальте. Буш требовал реформировать общество, предоставить возможность странам Восточной Европы идти своим путем. Но начинать надо было с вывода советских войск из Европы. По всем этим позициям Горбачев капитулировал перед Америкой. На Мальте он окончательно созрел для перехода в капиталистическую веру.

Когда допрашивали свидетеля маршала артиллерии Владимира Михайловича Михалкина, он авторитетно заявил: «Преступление Горбачева состоит в том, что он уничтожил ракетный комплекс «Ока», которому нет аналогов в мире.

И действительно, человек украдет мешок картошки, его сажают в тюрьму. А когда нанесен миллиардный урон стране и ущерб ее обороне — никакой ответственности...»

Судья В.А. Яскин прервал Владимира Михайловича: «Мы исследуем вопрос об обвинении Варенникова в измене Родине. При чем тут развал страны и Горбачев?» Затем, огласив текст закона о чрезвычайном положении, Яскин тут же устроил полномасштабный допрос подсудимому.

Мы понимали, что наши доводы, как и доказательства адвокатов, не изменят статью. Генпрокуратура РФ, судя по

всему, получила политический заказ и настойчиво его выполняла. А Горбачев и на этом судилище был заинтересован в расправе над членами ГКЧП. На другой день во время перерыва мы случайно встретились с Горбачевым в коридоре: «Мне жаль тебя и Ахромеева, а этих...». Я перебил Горбачева: «А мне жаль Родину, которую мы потеряли».

Во время судебного следствия председательствующий огласил один документ, о котором не поведали ни Лисов, ни Степанков, им это было невыгодно. Речь идет о стенограмме заседания Кабинета министров СССР от 3 августа 1991 года, которое состоялось перед отъездом Горбачева в Форос. На этом заседании много говорилось о чрезвычайных мерах как средстве выхода из охватившего страну кризиса. Горбачев тогда сказал: «Я завтра уеду в отпуск, с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать».

Старший прокурор А. Данилов, который поддерживал обвинение в суде по делу В.И. Варенникова, так сказал об «измене Родине»: «Если к моменту суда Горбачев оставался бы Президентом СССР, а Советский Союз продолжал бы существовать, возможно, дело имело бы какой-то смысл. Но в декабре 1991 года великая страна исчезла, а вместе с ней и объект преступления, да и субъекты тоже. По действующему законодательству «измену Родине» может совершить только «гражданин СССР», причем в пользу иностранного государства. Но мы же с некоторых пор стали россиянами».

Следственных зигзагов в деле ГКЧП предостаточно. Варенникову, например, вменили в вину участие в обсуждении вопроса о применении военной силы для захвата здания Верховного Совета России. Старший прокурор Данилов попросил суд исключить сию фантазию из приговора. Никто не давал приказаний захватить Белый дом. Никакими материалами дела этот обвинительный пассаж не подтвержден.

Далее прокурор заявил: «Арестованным вменили «заговор с целью захвата власти». Но в статье 64 говорится об «измене» в форме «заговора». Тот великий юрист, который отыскал самостоятельный состав, сделал колоссальное «открытие» в юриспруденции. Исключив «измену», но оставив «заговор». Он таким образом разорвал конструкцию 64 статьи». Это ли не доказательство того, что Степанков выполнял политический заказ? Допустим, что Ельцин — строитель — в этом не разбирался, но Горбачев — дипломированный юрист — обязан был сообразить.

Не сработали в суде и домашние заготовки Горбачева. Суд, исследуя обвинительное заключение, пришел к выводу: дело шито политическими нитками и ни в какие рамки закона не вписывается.

* * *

Вот основные положения приговора: «Не нашло подтверждения содержащееся в обвинительном заключении утверждение, что на В.И. Варенникова планировалось возложить обязанности по непосредственному обеспечению режима чрезвычайного положения».

Вторая позиция: «Хотя В.И. Варенников оказывал содействие ГКЧП, его действия не содержат состава должностного или иного преступления... Мотивами и целью содеянного были не корыстные побуждения или иная личная заинтересованность, а сохранение государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 года».

Третья позиция: «Проанализировав доказательства, суд пришел к выводу: несмотря на высказывания Горбачева об антиконституционности действий прибывших в Форос, рукопожатия при расставании давали основание В.И. Веренникову полагать, что Президент СССР если и не одобряет, то и не возражает против попыток спасти стра-

ну от развала путем введения чрезвычайного положения».

Четвертая позиция: «Как усматривается из программных документов ГКЧП, В.И. Варенников руководствовался лишь интересами СССР, содействовал разрешению сложившихся в стране кризисных проблем». Что это за проблемы? Главная — сепаратизм. Ногоогаревский «Мюнхен». Не может существовать государство, если преимущественную силу имеют конституции союзных республик. Пятая позиция: «В.И. Варенникову вменялось, что он посоветовал Президенту СССР уйти в отставку».

Суд находит обвинения в этой части необоснованными. Поскольку никто из остальных присутствовавших при встрече это обстоятельство не подтвердил ни на предварительном, ни в судебном заседании.

Как утверждают В.И. Болдин, О.С. Шенин, О.Д. Бакланов, В.И. Варенников заявил М.С. Горбачеву о своей, а не Президента СССР отставке. Это подтверждается и приобщенным к делу рапортом В.И. Варенникова, датированным 19 августа 1991 года, и показаниями свидетеля Д.Т. Язова, согласно которым В.И. Варенников по телефону доложил ему из Киева о том, что он высказал М.С. Горбачеву свою готовность уйти в отставку».

И случилось редчайшее в судебной практике событие, государственный обвинитель потребовал оправдательного приговора. На другой день, 11 августа Военная коллегия Верховного суда под председательством генерал-майора юстиции В.А. Яскина вынесла оправдательный приговор.

Иной была реакция на справедливое решение средств массовой информации и, конечно же, экс-президента СССР. По всем каналам телевидения прошла информация, что Горбачев удивлен оправдательным приговором. Это решение, мол, закладывает правовую основу для повторения попыток государственного переворота в России.

Скажу откровенно, меня удивляет, что господа телевизионщики часто обращаются к Горбачеву прокомментировать то или иное событие в мире, дать ему политическую оценку. Многие даже не догадываются о хобби Горбачева — рекламировать деликатного свойства продукцию — эксклюзивные образцы «Condoms» (презервативы).

Конечно, делает это Михаил Сергеевич совсем небескорыстно, во имя процветания Фонда Горбачева. И хотя он считает себя другом всех народов в мире и даже претендовал на пост Генерального секретаря ООН, Горбачев предпочитает почему-то уделять внимание исключительно германским шедеврам, игнорируя богатые традиции Франции, весьма искушенной в этой области. Подозреваю, что Горбачев искал выгоду, как уйти от налогов, ибо «лучшему немцу года» все дозволено. Но как бы там ни было, Горбачев поменял свое амплуа. Раньше портреты Горбачева украшали праздничные колонны во время демонстраций. Но сейчас все изменилось: Михаил Сергеевич по-другому «горбатится», приумножая свой авторитет. Как говорится, отгенсековал, но дело все-таки нашел по душе — «Condoms»! Ну, и хват Михаил Сергеевич, застолбил за собой золотую жилу. И копает, и копает!..

Но не будем упрекать Михаила Сергеевича в романтических настроениях. Один депутат Государственной Думы России даже выразил протест против беспощадной эксплуатации образа Горбачева. Попытался побороться за имидж экс-президента. Он связался с представителями немецкой компании, пригрозив судебным процессом. Но оказалось, что Горбачев уступил все свои права фирме.

* * *

Если М.С. Горбачев ступил на коммерческую стезю, время от времени поучая судей с телеэкрана, какую им избрать статью для членов ГКЧП и, в частности, для гене-

рала Варенникова, то сам Валентин Иванович на процессе выступил с обличительной речью. Он дал отпор всем попыткам ошельмовать патриотов, ввести в заблуждение следствие. Выступая на процессе по делу ГКЧП, генерал В.И. Варенников заявил:

«Против чего я и мои товарищи выступили в августе 1991 года? Против государственного переворота и разрушения СССР изнутри руками прозападных политиков, выполнявших команды из Вашингтона. Напомню высказывание бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтца, напечатанное в «Известиях» 12 декабря 1991 года: «Мы понимали, что Советский Союз ни экономическим давлением, ни гонкой вооружений, ни тем более силой не возьмешь. Его можно разрушить только взрывом изнутри».

Но почему у Запада такое неотступное влечение к Советскому Союзу, а сейчас — к его бывшим республикам и, в первую очередь, к России? Да потому, что здесь несметные природные богатства, без которых Западу в перспективе не обойтись. Плюс человеческие ресурсы с огромным природным даром. Однако, чтобы добраться до этих сокровищ, им надо было сломить нас. Что и выполнено благодаря предательству Горбачева, Яковлева и других.

Предвидя трагедию, мы предпринимали всяческие шаги по недопущению развала нашего государства. Бездействие Горбачева казалось нам результатом его ограниченных умственных возможностей. Власти ему дали больше, чем любому монарху, но он не знал, во имя чего ее употребить. Некоторые объясняли это также и его нерешительностью, трусостью. Потом мы убедились, что бездействие было умышленным, и оно преследовало одну стратегическую цель: довести все процессы развала государства до такой степени, когда они уже будут необратимы. Чью же волю выполнял Горбачев?

Главный враг, который дирижировал всеми, в том числе Горбачевым, Шеварднадзе, Яковлевым, — затаился.

Его надо было умело разоблачить и разгромить. Но это, к сожалению, не было сделано. И третья сила, воспользовавшись благоприятными условиями, подготовила и с помощью предателей нашего Отечества осуществила взрыв Союза изнутри.

Эта сила, к которой никаких эффективных мер не было предпринято. О существовании ее только робко говорилось, в том числе и на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года. Она сейчас глубоко заинтересована в дальнейшем распаде нашего государства, в разграблении наших богатств и проведении в жизнь своих замыслов навсегда обосноваться в России, направлять ее дальнейшее развитие.

Что же это за сила? Это элита западных держав, в руках которых формирование внешней и внутренней политики, плюс наша продажная компрадорская буржуазия, наши продажные политики и агенты влияния (собственно, это почти одни и те же лица).

Важно отметить, что на каждом этапе нашего развития третья сила делала ставку на соответствующего лидера. Я согласен с утверждениями тех средств массовой информации, которые сейчас утверждают, что в 1990 году Запад переориентировался с Горбачева на Ельцина, там убедились, что «лучший немец» все-таки слабак. Запад уже начинает менять свои ориентиры.

И все-таки, был ли у нас в стране путч, государственный переворот? Ответ однозначен: да, был! И, на мой взгляд, он имеет три этапа.

Первый этап — подготовительный. По времени он занял все годы перестройки до августовских событий 1991 года. В этот период определенными силами была создана идеологическая, социально-политическая, материально-техническая и даже кадровая основа для изменения советского общественного и государственного строя, социалистической системы хозяйства и социали-

стического порядка. Начался развал государственности, хаос в экономике, стал в полный рост национализм. Об этих фактах прекрасно знали в ЦК КПСС.

Но, воспитанные в духе беспрекословного подчинения генсеку, члены ЦК смотрели на него как загнипнотизированные. Лишь отдельные лица, хотя и робко, говорили об этих фактах. Что же касается Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, то эти органы тоже наблюдали сложившуюся картину, но, не имея в новом составе практиков, опыта парламентской работы и борьбы, в ближайший бой не ввязывались, не могли предпринять каких-либо радикальных мер по пресечению смертельно опасных для страны тенденций. Хотя отдельные выступления были — в интересах нашего государства: предлагалось, например, Горбачеву сложить с себя обязанности Президента СССР. Но эти предложения развития не получили. И на вопрос государственного обвинения одному из подсудимых: «Управлял ли Горбачев страной единолично?» — я бы ответил только утвердительно!

Второй этап — промежуточный и очень короткий. Это фактически 19 и 20 августа 1991 года. Он знаменуется выступлением руководителей высшего эшелона законодательной и исполнительной власти против бездействия Горбачева по пресечению негативных тенденций, втягивающих страну в катастрофу, против подписания предательского Союзного договора, узаконивающего распад нашей страны.

В тот период были сброшены все маски, ликвидированы все декорации, которые прикрывали псевдодемократические и профашистские, как в Литве, силы.

Кроме того, в конце этого периода были незаконно арестованы и посажены в следственную тюрьму все основные руководители законодательной и исполнительной власти Советского Союза (кроме, разумеется, президента), уволены или отправлены в отставку неугодные

новому режиму ответственные работники. Что, конечно, нанесло ущерб государственности.

Эйфория борьбы со всеми теми, кто отстаивал Конституцию, была максимальной! Этим был открыт путь к беспрепятственным, неограниченным и, что самое главное, незаконным и бесконтрольным действиям псевдodemократии.

Третий этап — основной. Он начался 21 августа 1991 года. Пошел процесс политического, экономического, национального, физического распада Советского Союза, советской социалистической системы, единой культуры, науки, обороны. Кто же подготовил и осуществил этот переворот, а с ним — и распад нашего государства? На первом этапе главенствующая роль, конечно же, принадлежала Горбачеву и всем тем, кто вместе с ним непосредственно привел страну к катастрофе.

На втором этапе, 19 и 20 августа, наступило, на мой взгляд, безвластие. Причина? Члены ГКЧП втянулись в тяжбу с Президентом РФ. Ельцин обвинил ГКЧП в антиконституционности, а членов ГКЧП объявил преступниками, призвав народ к неповиновению, к всеобщей забастовке, к борьбе против ГКЧП. ГКЧП, включившись в эту перепалку, объявил все указы Ельцина неконституционными, а посему не имеющими законной силы. Кроме того, фактически всю энергию ГКЧП затратил на поиск путей к погашению скандальной ситуации на Красной Пресне, вместо того чтобы эффективно влиять на положение в стране.

Своими действиями члены ГКЧП, сами того не сознавая, создали для сил, рвущихся к власти, исключительно благоприятную ситуацию для реальных действий по захвату власти. Условия были благоприятными, и демократы воспользовались силой нахраписто, не считаясь ни с какими законами и приличиями. Ибо никто из членов ГКЧП не мог допустить и мысли, что все будет построено на насилии и что авантюристы от демократии приватизи-

руют власть. Эта сила, к своему изумлению и радости, уже на третьем этапе разгромила все, что посчитала нужным. За три последующих месяца она окончательно закрепила свое властное положение.

А что же прежняя, союзная власть? Оставшись без руководителей и преданная Горбачевым, она тихо и безропотно сдалась на милость победителей. Это позорно и стыдно! Но сей факт действительно имеет место в Истории.

Самое же главное то, что ГКЧП не допускал в лице объекта российской власти мифического врага. Да и как можно было в своих соотечественниках, воспитанных в равных условиях, заподозрить врага? Члены же ГКЧП, так же как и многие в стране, наивно полагали: их врагами могут быть только те, кто посягает на интересы народа извне!

На третьем этапе решающую роль, конечно, сыграли вдохновители беловежского сговора. Личная вражда Ельцина и Горбачева в конце концов предопределила судьбу Советского Союза. А ведь даже последовавшие за августом обстоятельства еще не говорили о развале. Страна могла остаться в рамках конфедерации или даже новой федерации.

Мне, как военному человеку, нельзя обойти вниманием и Вооруженные Силы.

Не было года во времена правления Горбачева, чтобы он не нанес ущерб стране и не покушался бы на обороноспособность государства. Но прокуратура не сделала ему даже замечания. То, что армию надо было сокращать, не вызывало никаких сомнений. Но это надо было делать на условиях равной безопасности с Западом, а не односторонне, как фактически имело место.

Приведу некоторые примеры.

Первый. О стратегических ядерных силах. Под лозунгами «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Западом

и Востоком Горбачев подписал ущербный для Советского Союза договор о сокращении ракет меньшей и средней дальности. Мы сократили в 2,5 раза больше своих носителей и в 3,5 раза больше своих боеголовок, чем США.

Совершенно непонятно, почему в число подлежащих уничтожению был включен ультрасовременный, превышающий все зарубежные аналоги по всем параметрам оперативно-тактический ракетный комплекс «Ока». Его только взяли на вооружение некоторые соцстраны, наши военные округа на Западе. По своим параметрам он не попадал под сокращение. Даже у американцев этот дикий шаг вызвал удивление — по договору подлежали ликвидации ракеты наземного базирования с дальностью 500 км и выше (кроме межконтинентальных). «Ока» же действовала на расстоянии до 400 км. Подумайте, будьте справедливыми: разве это не государственное преступление?

Второй пример. Преступлением является и то, что без ведома Верховного Совета американцам передали шельф с нефтью в Беринговом море. Это лишило наш Военно-Морской Флот районов рассредоточения, заставило пересматривать свои планы обороны. Не говоря уже о колоссальном материальном ущербе: запасы нефти на шельфе соизмеримы разве только с кувейтскими.

Третий пример. О сокращении обычных вооружений и Вооруженных Сил. Да, у нас сухопутных войск было больше, чем в США, и танков больше. Но у нас с соседями сухопутная граница растянулась на десятки тысяч километров. Но Горбачев все-таки пошел на сокращение, питая слабую надежду, что американцы сократят свой военно-морской флот. Однако США не только не допустили обсуждения этого вопроса на переговорах, но Буш, как бы в насмешку над нашими инициативами, в 1992 году помчался на церемонию спуска на воду нового авианосца.

Четвертый пример. О выводе наших войск с территории стран Восточной Европы и Монголии. Это был не вывод, а позорное, трусливое бегство! При этом мы перебазировались в совершенно неподготовленные районы. Даже весьма экономически благополучная Канада выводила из Европы всего одну тысячу человек в течение 2 — 3 лет. Мы же побили все рекорды: за год вывели около 130 тысяч человек. Итог плачевный: государству нанесен колоссальный ущерб. Преступление очевидно, оно не подлежит сомнению! Но чтобы не замечать его, преступниками объявили членов ГКЧП. Причем измену Родине членам ГКЧП инкриминировали люди, которые и сегодня вершат судьбы страны. Этому, исключительно важному вопросу суд, надеюсь, уделит должное внимание.

Считаю необходимым отметить: прежняя Генеральная прокуратура РФ, выдвинув против меня и других обвиняемых по делу ГКЧП версию в измене Родине с целью захвата власти, сама стала заложницей этого обвинения. В этой ситуации, на мой взгляд, у Генпрокуратуры сейчас может быть два варианта действий.

Первый — совершенно бесперспективный: настаивать на том, что имела место попытка захвата власти, причем Советской. Но эти обвинения в измене Родине — «развесистая клюква», она не имеет аналога в судебной практике. Ведь нас в захвате власти обвинила еще советская прокуратура. И обвиняемся мы, собственно, по советским законам. Но посмотрите вокруг, где вы видите Советскую власть? Нынешняя власть отвергла все советские законы. А значит, она не имеет права судить нас, исходя из советского законодательства.

Советская власть в СССР была ликвидирована в сентябре 1991 года в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. А в декабре 1991 года Советский Союз был вообще ликвидирован. Да, мы готовы предстать перед судом, но перед судом Советской власти.

Во всех случаях разгром СССР проходил без моего участия и участия других товарищей, проходивших по делу. Налицо парадокс: коль мы хотели захватить власть, против которой выступает нынешняя, то выходит, что мы способствовали существующему режиму? Что, по меньшей мере, странно и дико.

Второй вариант действий Генпрокуратуры: выставить против меня и других товарищей обвинение в защите Советской власти. В попытке захвата власти с целью не допустить закрепления новой, «демократической». Этот вариант, по крайней мере, близок к истине. Ведь Советская власть признана нынешним руководством ущербной и даже антинародной. Не мы были организаторами беспорядков в августе 1991 года в Москве. Не мы призывали к неповиновению и бессрочным забастовкам и не мы спаивали людей вокруг Белого дома. И разве мы организовали провокационное нападение на военный патруль, следовавший на БМП?

Получается, что в отношении меня и других моих товарищей предъявлено обвинение в защите Советской власти. Но этим можно только гордиться. Ведь я действительно защищал Советскую власть на протяжении всей жизни, начиная с Великой Отечественной войны. На войне на многих фронтах боролся не только против немецко-фашистских захватчиков, но и против изменников — власовцев, на знамени которых было написано: «Уничтожим Советы».

Надеюсь, судьям теперь понятно, почему у меня отобрали награды за защиту Советской власти? Учитывая отсутствие закона о защите граждан, отдавших свою жизнь во имя советской страны, нас с полным правом можно было бы судить в любом другом государстве. То, что мы граждане России, не препятствие — уже прецеденты были: из Латвии приезжали карательные органы и без суда и следствия арестовывали и сажали в тюрьму.

С этим хорошо справляется и немецкий суд. Нашел же он для генерала Мильке повод арестовать Героя Советского Союза, обвинив его в причастности к убийству полицейского в 1931 году. А для меня повода искать не надо — я в течение всей войны уничтожал фашистов.

Одновременно заявляю, что я полностью согласен с выводом Генерального прокурора России Казанника о том, что суд по делу ГКЧП — это фарс. И не только потому фарс, что суд затягивается по причине болезней многих его участников, и в первую очередь подсудимых, а по причине абсурдности обвинения.

Есть и третий вариант вероятных действий прокуратуры — это найти в себе мужество и честно заявить, что выдвинутое обвинительное заключение является неправомерным, в том числе и в связи с изменившейся в стране обстановкой...

Но для этого, повторяю, требуется иметь мужество и честь»...

Суд над Варенниковым закончился, как известно, полным оправданием Валентина Ивановича.

* * *

И в заключение этой книги хотелось бы сказать вот о чем. Когда-то Тургенев писал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины только я и живу». Вот и я пишу эти строки, размышляя о судьбе великой России, униженной ловкими проходимцами. И хочется крикнуть: «О, Святая Русь! Проснись! Разбуди народ свой, всели в него веру, дай ему силы одолеть супостатов, своих и заморских».

Все наши проблемы заключаются в том, что мы, русские, всегда готовы выйти в открытое поле и принять бой. Но мы не ведаем, как противостоять подлости. Нам еще предстоит научиться встречать подлость и предательство во всеоружии. Но я бы не советовал увлекаться популяр-

ной игрой в Апокалипсис. При наших-то возможностях — это малодушие. Надо верить в созидательную энергию русского народа. Совершенно очевидно, что оппозиционная оборона русского сознания затянулась. Не надо никого душить в «дружеских объятиях», необходимо создать такую атмосферу, когда разная нечисть сама побежит.

И пусть в Белом доме, разумеется в вашингтонском, не рассчитывают на то, что у нас холопский менталитет и отсутствует единая политическая воля, а Россия — одно огромное имение, в котором правят распоясавшиеся дворовые в отсутствие хозяина. Трупные черви жируют до тех пор, пока идет процесс разложения. Но наступит день, и мы объединим все наши интересы, поставим власть, которой не надо будет объяснять, что значит служить нации.

Только истинно русская власть будет милостива к народу, только она будет уважать нашу историю.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*О ПРАВДЕ И МИФАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
О ТОМ, ПОБЕДИЛА БЫ СЕГОДНЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНЕ
РОССИЙСКАЯ АРМИЯ, ОБ СНВ И ПРО,
ГКЧП И МАТИАСЕ РУСТЕ*

*(Интервью Д.Т. Язова газете «Фонтанка.ру».
Беседовал Л. Сурин)*

— *Дмитрий Тимофеевич, вы помните свой первый день на передовой?*

— Первый день на фронте мне запомнился вот чем... Сразу по прибытии в дивизию нас, 35 человек, повели на поляну в лесу и зачитали вышедший 27 июля 1942 приказ номер 227 «Ни шагу назад!». После этого зачитали приговор военного трибунала и на наших глазах расстреляли младшего лейтенанта Степанова. Дело было вот в чем... Немцы, видимо, решив улучшить свои позиции, внезапно атаковали взвод, которым командовал Степанов, а он струсил и убежал. А его взвод без него фашистскую атаку отразил. Командир роты приходит во взвод: «Где командир? — Нету. — Кто взводом командовал? — Никто». Степанова чуть позже поймали, он говорит: «Я струсил». Ну его и расстреляли. Нам на его примере показали, как разделяются с трусами и паникерами. Человек 400 офицеров стояли. Вырыли во мху яму. Степанов прямо в эту коричневую жижу упал. Сверху забросали. И все. Я бы не сказал, что нам его было жалко... настолько внутренне было выработано желание защищать страну. Нужно было либо сдаваться немцам, либо их побеждать. Решался вопрос: кто кого.

— До этого вы совершили поступок, вероятно, мало понятный нынешней молодежи: добровольцем ушли на фронт...

— Сразу после того, как 8 ноября 1941 года мне исполнилось 18 лет. Но и до этого мы каждый день бегали в военкомат, но нас не брали. На фронт попал не сразу. Сначала меня направили в Новосибирск, куда тогда переехала часть училища Верховного Совета, которая не ушла на фронт — несколько старших офицеров с учебно-материальной базой. А когда немцев под Москвой разбили, и основная часть училища возвратилась с фронта в лефортовские казармы, туда же переехали и мы, два батальона курсантов по 600 человек.

Учились мы в московских условиях под бомбежками: однажды в наш 300-метровый тир попала бомба и разнесла его в клочья. После этого мы ходили на лыжах стрелять аж под Ногинск. Патронов было мало — каждый на счету, нам выделяли по три штуки на одно упражнение: с винтовкой, с пулеметом... 17 июля 1942 года один батальон нашего училища выехал на Ленинградский фронт, а другой — в котором был я — на Волховский. Высадились в районе Малой Вишеры, дошли пешком до деревни, где располагался штаб 54-й армии, тут я и получил назначение в 187-ю дивизию, оборонявшуюся на станции Погостье.

— Какова тогда была ситуация на этом фронте в общем и каково пришлось там лично вам?

— Летом 1942 года как раз готовился прорыв блокады Ленинграда: Волховский фронт, с одной стороны, и Ленинградский фронт — с другой, надеялись в районе Синявино соединиться и таким образом дать возможность проложить дорогу по берегу Ладожского озера, обеспечить Ленинград и Ленинградский фронт продовольствием и боеприпасами. Вы прекрасно знаете, в каком тяжелейшем положении был тогда город. Но к этому времени, если помните, пал Севастополь, оборонявшийся 250 дней.

Брала Севастополь 11-я армия Германии, которой командовал Манштейн, впоследствии фельдмаршал и один из известнейших полководцев Гитлера. И эта армия, оставив свои танковые части на юге наступать в сторону Кавказа и Сталинграда, была переброшена под Ленинград. Получилось, что в одно и то же время мы планировали прорыв блокады Ленинграда, а немцы проводили операцию «Северное сияние», целью которой было их соединение с финскими войсками в обход Ладоги, чтобы полностью замкнуть кольцо блокады: задушить блокадный город голодом. Да и как бы могли воевать наши войска без питания и боеприпасов? Немцы приготовили огромное количество бомб и артиллерийских снарядов для этой операции, но поскольку мы пошли в атаку раньше, им пришлось вводить свои дивизии в бой без артподготовки. Эти дивизии наши войска и искромсали. Хотя в принципе мы не добились того, чего хотели — не прорвали блокаду, но и они не смогли провести свое «Северное сияние». Кстати, те бомбы, которые предназначались для города, пришлись по войскам.

Одной из таких бомб 28 августа я был ранен. Фашистский снаряд, не разорвавшись, ушел глубоко в болото, и взорвался уже там. Меня ранило только в ногу, но сильно подбросило взрывной волной. Я обо что-то ударился и отбил почки. Лежать я не мог, сидел на четвереньках на телеге, пока она везла меня в армейский госпиталь, который был развернут в палатках. Оттуда меня уже на машине отправили в Волхов. Лечился я в Пикалево — в городе, куда Путин недавно прилетал — в бараках цементного завода оборудовали госпиталь силами Свердловского медицинского института. Начальники кафедр были соответственно хирургами, терапевтами... медсестры из числа студентов. Когда меня туда доставили, состояние было плохое: в моче сплошная кровь — так отбил почки. Полтора месяца я там пролежал, рана на ноге немножко за-

тянулась, и где-то в конце октября меня выписали из госпиталя на фронт с предписанием отдохнуть 7-10 дней. На попутках добрался до Волхова, потом где машиной, где пешком... — в общем, в последних числах октября я уже вернулся в свой 483-й полк. Зашел в землянку, представился начальнику штаба капитану Колчину. Тот мне говорит: «Ты знаешь, сегодня погиб Костя Соловьев, с которым ты заканчивал училище. Иди принимай его роту, больше некому». Так я без отдыха пошел принимать 9-ю роту, в которой в живых осталось только 13 человек. Оружия было много: даже пулеметы — и «максим», и ручной Дегтярева — а стрелять некому. Замполитом у нас был ленинградец Свищов, кстати, родом с Васильевского острова. Я это запомнил потому, что он мне подарил свою кружку и со значением добавил: «Она с Васильевского острова!»

— *Череда наших военных успехов — чего греха таить — не была сплошной. Горькую правду о каких — хотя бы нескольких — провальных военных операциях нам все же следует помнить?*

— Ну, к примеру, если брать ту же Сталинградскую битву, то незадолго перед ее началом Сталин собрал Ставку Главного командования, где обсуждался вопрос: что же в данный момент делать? Шапошников (с мая 1942 по июнь 1943 г. — заместитель наркома обороны СССР. — Авт.) предложил по всему фронту перейти к обороне, накапливать резервы и технику.

У нас ведь перед войной все заводы были в основном в европейской части СССР. Их нам пришлось эвакуировать. Только из одного Ленинграда было эвакуировано около 500 предприятий, выпускающих военную продукцию, а всего с начала войны было эвакуировано около 2500 предприятий на Восток и в Сибирь. Но требовалось ведь еще время, чтобы пустить их в эксплуатацию. Поэтому практически до середины 1942 года у нас не хватало боеприпасов, орудий, танков. Но, несмотря на это, Тимо-

шенко с Хрущевым на совещании предложили: «Давайте, мы силами Юго-Западного фронта в районе Харькова разгромим 6-ю армию Паулюса!» И действительно, 12 мая они перешли в наступление, прорвали оборону немцев на фронте, примерно километров 50, и продвинулись вглубь километров на 35-50. Фашисты ударили по флангам и окружили три наших фронта. В результате образовалось ни- кем не прикрытое пространство в 500 километров. Случилось то же самое, что до этого произошло под Моск- вой, когда Западный и Резервный фронты не справились, и образовалась такая же дыра. Именно тогда Сталин вы- звал Жукова с Ленинградского фронта и приказал спа- сти Москву. Москву спасли, но для этого потребовались и ополченческие дивизии, и все население для того, чтобы создавать оборонительные полосы и так далее... А здесь на юге войск для ликвидации такого разрыва не было. Из 64-й армии, которой командовал Шумилов, была выделе- на группа, в составе которой было два или три полка «ка- тюш» — реактивных минометов. Чуйкову было поруче- но командовать этой группой. Он такими силами не мог, конечно, прикрывать такой большой разрыв, и наши по- тихоньку отступали. Туда бросили все военные училища, которые были в районе Грозного, на Кавказе, без танков, без артиллерии... Были, конечно, в этих училищах учеб- ные пушки, но сколько?

Конечно, много людей погубили в начале войны. Сталин хотел оттянуть ее начало и боялся спровоциро- вать Гитлера. В мае 1941 года вышло даже заявление: ТАСС уполномочен заявить, что Германия и Советский Союз добросовестно выполняют договор о ненападении и так далее. Конечно, это был политический ход, но од- новременно надо было ведь и дать приказ командующим Белорусского и Киевского округов, чтобы их войска были в полной боеготовности. А они, услышав, что войны не бу- дет, отправили артиллерию на стрельбу в лагеря... Да и

командующие там были слабые: Павлов до этого командовал танковой бригадой в Испании, Кирпонос, командир дивизии, прошел на лошадях по льду Финского залива, взял Выборг в Финскую войну — стал героем.

— *Вокруг войн всегда существует масса мифов. Благодаря своей министерской должности, вы имели доступ ко всем секретным документам военной поры, можете ли вы сейчас развеять хотя бы часть мифов минувшей войны?*

— Сейчас идет много инсинуаций, что Жуков в свое время не справился с проведением операции «Марс». Но как было на самом деле? В ноябре 1942 года Сталин направил Жукова на Западный фронт для его активизации. В распоряжение Жукова был выделен всего один механизированный корпус генерала Соломатина, а у немцев, в группе армий «Центр», было 4 танковых дивизии. В таких условиях Жукову надо было сделать все возможное, чтобы эти фашистские танковые дивизии не были переброшены в район Котельников, где фельдмаршал Манштейн создавал группировку для прорыва к Паулюсу в Сталинград — Паулюс уже не мог самостоятельно вырваться из окружения. Эту задачу Жуков и выполнил, а теперь говорят: «Жуков не справился!» Говорят люди неосведомленные, не понимающие, что значит проявить активность на том участке, где ты не собираешься добиваться успеха, а должен лишь сдерживать противника от переброски своих войск. Вот в данном случае из группы армий «Центр» ни одной дивизии на помощь Манштейну переброшено не было.

Другой пример. Гавриил Попов утверждает, что во время Курской битвы немцы потеряли всего 5 танков! Что мы там не выиграли и что вообще никакой Курской битвы не было! Что ж, каждому свое... был такой фашистский лозунг на воротах концлагеря. (*Усмехается*). Командующий немецкими войсками на южном фланге Курского выступа Манштейн сумел прорвать нашу оборону и продвинуться аж до Прохоровки. Тогда наши двумя танковыми группи-

ровками навалились на Манштейна, и Прохоровское сражение вошло в историю, как самое крупное сражение во Второй мировой войне, в котором участвовало более полутора тысяч танков. Это сражение выиграли мы, да так, что немцам фактически нечем было отступать — вся их техника была уничтожена!

Или. Многие говорят: ну зачем надо было именно к дате 7 ноября в 1943 году освобождать Киев. Мол, ради этого столько людей понапрасну потеряли. Так говорят несведущие люди. Дело в том, что, когда мы вышли к Днепру, 3-я танковая армия Рыбалко захватила Букринский плацдарм. Немцы туда бросили танковые дивизии, и этот плацдарм расширить не удалось. Тогда под прикрытием воздушно-десантной бригады 3-ю танковую армию с этого Букринского плацдарма вывели. Она прошла через Западную Двину, форсировала Днепр и... танковый корпус Кравченко вышел к Киеву!

Многие говорят, что на Зееловских высотах около Берлина в 1945 году Жуков положил миллион солдат. Ну, это чепуха! Глупость! Вот, у меня есть книжка «Гриф секретности снят», ее по моему приказу, когда я был министром обороны, подготовила группа специалистов, в которую помимо военных входили и ученые. Данные здесь выверенные, сравнивали и наши, и союзников, и немецкие цифры: сколько человек пришло, сколько вышло за территорию Германии... Смотрите: Берлинская стратегическая наступательная операция — безвозвратные потери 78 291 человек. Ну, как можно говорить о миллионе на Зееловских высотах?! Люди просто не представляют, что такое миллион человек!

— *Какие интересные факты Великой Отечественной ныне подзабыты?*

— Когда в 1942 году дороги к Сталинграду оказались полностью отрезаны немцами, Сталин принял решение построить новую железную дорогу от Саратова до Астра-

хани. Готовые рельсы со шпалами перебрасывали с БАМа, который строился заключенными еще до войны в районе Комсомольска-на-Амуре на Дальнем Востоке. За месяц сделали дорогу! Работало 6 железнодорожных бригад. Кстати, когда немцы подошли к Москве, к Сталину пришел Мехлис (с 6 сентября 1940 года — по 15 мая 1944 года заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. — *Авт.*): «Надо пополнить дивизии за счет железнодорожных войск, они ничего не делают». Сталин: «Хорошо, согласуйте вопрос». Все согласились, уперся один Ковалев — начальник Службы военных сообщений, который позже стал министром путей сообщения и вез Сталина на Потсдамскую конференцию на американском тепловозе. Сталин вызывает Ковалева: «Товарищ Ковалев, почему вы против?» — «Товарищ Сталин, мы что, собираемся все время отступать?» — «Нет, будем наступать». — «А когда будем наступать, кто будет восстанавливать дороги и мосты?» Сталин: «Вы правы, товарищ Ковалев! А вы, товарищ Мехлис, — паникер!»

Вот еще интересный факт. Когда Сталину доложили о взятии Орла и Белгорода, он вызвал Штеменко, Воронова и, по-моему, Антонова и спрашивает: «Как раньше отмечали победы?» Молчат. Раньше ведь звонили в колокола, но было понятно, что тогда этого бы никто делать не стал. «А что, если мы проведем салют, товарищ Воронов? — вновь задает вопрос Сталин. — Сколько у вас в Москве зенитных орудий?» А тогда зенитные орудия входили в состав артиллерии. Воронов отвечает: «Сто». Сталин: «А вы считали 24 орудия, которые расположены в Кремле?» — «Нет, товарищ Сталин». — «Тогда дайте залп из 124 орудий!» С тех пор количество орудий, из которых давали залпы в честь победы на фронтах Великой Отечественной, заканчивалось на цифру «24». Освобождению Ленинграда над Невой салютовали 324 орудия, освобождению Минска — 324, освобождению Харькова — 224. Многие ведь

об этом не знают. Забывают, что за всю войну мы произвели продукции больше, чем немцы. Хотя у нас на заводах трудилось 18 миллионов рабочих, а на фашистов работала вся Европа — 32 миллиона рабочих.

— *Дискуссии о личности Сталина и, кстати, о его роли в войне вновь активизировались. Что можете сказать о вашем первом Верховном главнокомандующем?*

— В военных талантах Наполеона, который привел два десятка наций на Бородинское поле, никто не сомневается. Полководческий гений Гитлера, которому американские составители сборника «Сто великих военных лидеров мира» отвели 14-е место, тоже, как видите, на Западе сомнений не вызывает. Зато имени Сталина в этом сборнике нет. А кто кого победил-то? Подыгрывая американцам, мы и говорим: Сталин — это никто, а победил народ. Конечно, победил народ, но им ведь кто-то командовал. Сталин во время войны сконцентрировал в своих руках практически все ключевые посты в государстве: руководитель партии, Председатель Совета Народных Комиссаров, народный комиссар обороны, председатель Ставки и Верховный главнокомандующий. Таким образом он нес ответственность и за бои, и за материальное обеспечение народа, и за выпуск промышленной продукции... за все! Кто бы тогда мог построить железную дорогу от Саратова до Астрахани, о которой я вам рассказывал? Жуков мог? Нет! Конев мог? Да нет, конечно! Очень трудно переоценить роль Сталина в войне, который все положил на алтарь нашей победы. Владимир Лукин (уполномоченный по правам человека при президенте РФ. — *Авт.*) утверждает, что победил народ. А разве Сталин так не считал? Вспомните, за кого он прежде всего произнес тост на приеме командующих войсками 24 июня 1945 года... За великий русский народ!

Относительно домыслов, что Сталин якобы обезглавил армию перед войной... Перед войной из тюрем вы-

пустили 10 тысяч военнослужащих. В том числе: Мерецкова, Горбатова, Комарова... Обвинять Сталина в том, что он преследовал военных лишь за их прошлое — абсурдно. Кто были в прошлом командующие фронтами? Рокоссовский — унтер-офицер царской армии, Жуков — унтер-офицер, Конев — тоже, Шапошников — высший офицер царской армии, Василевский — капитан и к тому же сын попа, Горбатов — командир кавалерийского полка в царской армии, Малиновский — служил в царской армии, Толбухин — был капитаном в царской армии, Говоров — поручик, который к тому служил еще и у Колчака! Выраженными советской властью командирами такого уровня были только Черняховский и Ватутин.

— *Могли бы мы сегодня победить в мировой войне? Каково ваше мнение о сегодняшнем состоянии вооруженных сил России?*

— Нет сегодня этих сил практически. Когда я был министром обороны СССР, одни сухопутные войска насчитывали 2,5 миллиона человек, а всего наша армия насчитывала около 4 миллионов солдат и офицеров. А сейчас? Одним миллионом такому государству, как наше, которое имеет протяженность государственных границ десятки тысяч километров, обойтись, конечно, очень трудно. Я понимаю, у нас сейчас материальные трудности, но что важнее: честь и независимость или материальные блага? Не армия сейчас много расходует средств, а миллиардеры, которым неизвестно с какой стати раздали народное благосостояние. Почему Абрамович прихватил сибирскую нефть, а затем втридорога продал ее же государству? Абрамович, Березовский, Смоленский, Гусинский... Боже мой!

Или. Нынешнее сокращение офицерского корпуса Российской армии... Вспомните: по Версальскому договору немцам было разрешено иметь армию в 100 тысяч человек. Они имели в этой армии 100 тысяч офицеров!

Держали их на любых должностях и как следует платили. А потом, имея такое количество офицеров, они за два года развернули первоклассную армию, с которой заняли всю Европу. А мы сами себя лишаем главного костяка армии — ее офицерского состава. Не знаю, в чем тут дело, такова, вероятно, политика, но лично я считаю, что в основе армии прежде всего лежит офицерский корпус. Солдата можно подготовить за 2-3 месяца, а офицера за эти сроки не получишь.

Зачем России нужна чисто контрактная армия? Больше всего в армии нарушают дисциплину именно контрактники. В контрактники идут те люди, которые не нашли своего места в гражданской жизни. Деревенские, алкоголики... Поэтому и безобразничают. Есть, конечно, эффективные контрактные армии. Я был в США, видел такую армию — дивизию морской пехоты. Но там командир роты получал 2700 долларов! Кроме этого, ему выделялись средства на содержание семьи, было бесплатное питание, бесплатная квартира для его семьи... В общем, совершенно другие условия. А нашему дадут 10 тысяч, а он их пропивает. Он же один! Семейному же надо давать квартиру и так далее... Так что здесь проблема на проблеме.

— *Вы бы стали заключать сегодняшний СНВ?*

— Нет, конечно. Тут интересно вспомнить, что это еще Громыко (в 1957—1985 годах — министр иностранных дел СССР. — *Авт.*) нехорошо поступил в этом плане. Когда заключали рамки первого договора о стратегических наступательных вооружениях во Владивостоке во времена Брежнева, Громыко согласился с американцами не включать их флот в этот договор. Под сокращение вооружений подпадали наземные войска, воздушные войска... Брежнев к тому времени был уже болен и, честно говоря, не очень во всем этом разбирался. После Громыко министром иностранных дел стал Шеварднадзе. Но в дальнейших событиях виноват не столько он, сколько Горбачев.

Когда они первый раз встретились с Рейганом (с 1980 по 1988 год президент США. — *Авт.*) в Рейкьявике, Ахромеев сказал Горбачеву, что нельзя подписывать договор, не включив в него системы ПРО — американцы хотели, чтобы шло сокращение вооружений, а они бы имели право продолжать создавать противоракетную оборону. Но Горбачев потом все же подписал такой договор. Кроме того, нам пришлось сократить раз в сто больше ракет, чем им. У американцев было всего штук 50 «Атласов», подпадающих под этот договор — они их уничтожили, а основная масса их ракет осталась на флоте, на атомном подводном флоте — ракеты «Поларис», на полутора тысячах самолетов Б-52, которые мы согласились считать за один боеприпас, в то время как этот самолет поднимал 12 ракет. У нас же было 6 ракетных армий, которые надо было сокращать по этому договору! Когда я стал министром обороны, я раз сказал Горбачеву: «Михаил Сергеевич, что же Вы делаете-то?» Он: «Не твое дело! Ты ничего не понимаешь!» Два сказал — та же самая реакция. Потом Горбачеву это надоело, и он назначил Зайкова (в 1986—1990 гг. — член Политбюро ЦК КПСС. — *Авт.*) председателем комиссии по разоружению. И вот мы: переговорщики, Министерство иностранных дел, КГБ, Министерство обороны сходились в спорах в его присутствии, а Зайков нас мирил, чтобы не докучали своими спорами Горбачеву. О чем в частности шел спор? Американцы на каждый дивизион, который мы уничтожали, присылали свою группу наблюдателей — разведчиков, проще говоря. Мы же могли послать в Америку на заводы, где производятся ракеты, всего две группы. По договору ОБСЕ мы должны были уничтожить 20 тысяч единиц бронетехники! Американцы в Америке не уничтожали ничего, французы около 60 штук, англичане — ничего. Тогда я в срочном порядке из Польши, из Германии, из Венгрии стал вывозить более современные танки на Дальний Восток, а старые в Европу, чтобы под сокращение попали бы

они. Что тут началось... Приехала Тэтчер! Только она уехала — приезжает Никсон! «Почему, — говорит, — вы так делаете?» Я отвечаю: «Ваш флот не входит под сокращение и наш не входит. И мое дело, какими войсками этот флот укомплектовывать». Передал потом еще современные танковые дивизии Балтийскому, Северному, Черноморскому и Тихоокеанским флотам.

— *Против кого дружат страны Североатлантического альянса без Варшавского Договора? И кто, в принципе, может быть сегодня стратегическим партнером России?*

— С НАТО вот как получилось... Горбачев уволил секретаря ЦК, отвечавшего за Варшавский Договор, и назначил на его место Александра Яковлева, бывшего посла в Канаде, которого спешно ввели в политбюро. Через год Варшавского Договора не стало.

Разумеется, НАТО нужно сегодня, чтобы противостоять России. А зачем иначе? Смотрите: Венгрия, Румыния, Болгария, Польша... практически все страны Восточной Европы вошли в НАТО. А Россию, как я понимаю, туда могут принять только при условии, если мы уничтожим все до единой ракеты или значительно поделимся своими территориями. Сейчас уже ведутся такие разговоры: у вас, мол, на Дальнем Востоке всего 2 — 3 человека на квадратный километр, зачем вам так много нерационально используемой земли.

Стратегическим союзником России в противостоянии Америки может быть Китай. Но что такое Китай в военном смысле? Там есть всего одна ракетная база, на которой, может быть, с десяток ракет всего. Мне рассказывали, как они у нас купили зенитный комплекс С-300 и делают примитивные ракеты «вручную». Нет у них еще тех технологий, которые могли бы вырабатывать такое количество ракет, как у нас или американцев. Китайцы — трудолюбивый народ, когда копаются в земле, но создать современную военную технику им еще слабо. Что уж говорить об осталь-

ных ядерных странах... Ситуации с Северной Кореей, Ираном специально нагнетают американцы, чтобы мировое общественное мнение не препятствовало строительству их ПРО. Как только они построят эти новые ПРО, они сразу же забудут и корейцев, и иранцев, все будет направлено против России. Зачем создавать ПРО в Чехии или Польше? Что, Северная Корея будет через всю Россию обстреливать Америку, когда она это может проще сделать через океан. Никогда Корея не сделает таких ракет. Ракета стоит дороже золота! Ее цена равна цене золота, вес которого примерно равен весу ракеты. То же самое касается современных военных самолетов. Это летает золото!

— *Если сложить полярные мнения о событиях 19—21 августа 1991 года, то, как ни парадоксально, можно вывести характеристику действиям ГКЧП, которая, думаю, устроит и правых, и левых: заговор нерешительных людей. Как вы сегодня оцениваете ГКЧП и свою роль в нем?*

— Прежде всего: никакого заговора не было. Перед тем, как ехать в Форос к Горбачеву, на одном из объектов КГБ собрались: Крючков, Павлов, Янаев, Шейнин, я, со мной были Варенников и Ачалов... Короче, все те, кто остался в Москве и не уехал отдыхать. Решив ввести чрезвычайное положение, мы опирались на то, что 17 марта 1991 года был проведен всесоюзный референдум, на котором более 70% населения СССР проголосовали за его сохранение. Горбачев же, вопреки референдуму, собирал князьков из союзных республик, для того чтобы вырабатывать договор о создании Союза суверенных государств. А что значит суверенное государство? Суверенное — значит, самостоятельное. Я, Крючков, Пуго были на двух или трех таких совещаниях. Я говорил Горбачеву: «Армию тогда не сохранить». Он: «Ты ничего не понимаешь!» Крючков тоже со своей стороны говорил Горбачеву: «Перестанет существовать Комитет государственной безопасности, способный контролировать эти республики». В ответ:

«Ничего ты не понимаешь!» И в результате Горбачев перестал нас приглашать. И они все-таки выработали такой договор, опубликовали его в газетах в пятницу 17 августа, когда люди собирались на дачи и отдых, а во вторник 20 августа должны были его уже подписывать. Вот мы и поехали к Горбачеву: давайте введем чрезвычайное положение, иначе Союз распадется. Он обиделся: «Что вы меня учите? Меня народ избрал...» Какой народ его избрал?

ГКЧП обвиняют в нерешительности. Но я не мог поступить, как Ельцин в 1993 году, не мог быть Пиночетом и кого-то арестовывать. А арестовывать надо было верхушку во главе с Ельциным. Комитет госбезопасности, Министерство внутренних дел говорили мне: «Выдели в Медвежьих озерах две казармы, будем туда сажать арестованных». Но так никого и не арестовали. Мне звонит член военного совета десантных войск: «Уражцева арестовали, что делать?» Я говорю: «Отпустите, нужен он мне...»

— *Спустя пару дней с вами обошлись иначе...*

— Да. Когда мы приехали к Горбачеву в Форос 21 августа, он нас не принял — видимо, с ним уже переговорил Ельцин. Сразу вслед за нами на ТУ-134 прилетают Руцкой, Бакатин, Примаков. А когда они стали возвращаться, позвали с собой в самолет Крюкова: «поговорить», а на самом деле, чтобы нас разъединить. Крюкова по прилете сразу и арестовали. Через 20 минут сел наш самолет. Нас тоже тут же арестовали. Они для этого привезли на аэродром рязанскую школу милиции. Я же мог посадить на каждый аэродром по десантной бригаде. Что такое школа милиции и что такое бригада десантников? Но это была бы гражданская война. Стрельба, по крайней мере... И это точно. Я знал обстановку. К этому времени многие москвичи уже не любили советскую власть.

— *Для чего же вы тогда ввели танки в Москву?*

— Войска были введены в Москву для охраны Кремля, водозабора, госхрана — важнейших объектов города.

Когда 19 августа 1991 года у Белого дома стал собираться народ, Грачеву позвонил Лобов, просить охрану у армии. Грачев: «Поможем!» и перезванивает мне. Я говорю: «Хорошо, направьте туда батальон». И генерал Лебедь появился со своим батальоном у Белого дома, зашел к Ельцину и доложил: «Мы вас охраняем!» Тут вдруг «Эхо Москвы» передает, что Лебеда застрелили. А через несколько минут он появляется у меня в кабинете: «Я был у Ельцина, доложил ему, что мы его охраняем». Никто ведь не знал, как народ будет реагировать. Лужков с Поповым на автобусах завозили водку к Белому дому. И если сначала там было тысячи две человек, то к вечеру стало тысяч семьдесят. Многие просто перепились. Собчак в это время морочил голову народу в Ленинграде. Кстати, я считаю, что Собчак не достоин того, чтобы студенты Санкт-Петербургского университета получали стипендии его имени. Я не согласен, что существуют стипендии имени Ельцина. Ну, кто они такие? Разрушители Советского Союза. Так вот... Мы не собирались брать Белый дом, даже свет и телефоны там не отключили.

— *Обстоятельства вашего назначения на должность министра обороны СССР в 1987 году носили — понятно, не по вашей воле — трагикомичный характер. Согласны, Дмитрий Тимофеевич? Какой-то Матиас Руст...*

— Все это было сделано специально! Мы Руста прекрасно видели. Несколько раз реактивный самолет пролетал рядом с ним, и если бы истребитель пролетел на полной скорости, то, не задевая Руста, просто перевернул бы его воздушной волной. С какой стати какому-то Русту было с таким риском лететь на какую-то Красную площадь? Но, дело в том, что, когда в 1983 году мы сбили корейский пассажирский самолет, было принято решение: гражданские суда больше не сбивать. Может быть, Руст поэтому и летел так смело? Мы же понятия не имели, что эта «птаха» летит именно на Красную площадь. Над Мо-

сквой его уже, конечно, было поздно трогать — обломки бы посыпались на город. Важно помнить, что в этот самый момент министр обороны Соколов, Горбачев и Рыжков были в Берлине на консультативном совещании стран Варшавского Договора. После известия о прилете Руста Горбачев на обратном пути демонстративно не взял Соколова в свой самолет. У меня, конечно, нет данных, что Горбачев мог заранее знать об этом полете, но предполагать, что он о нем мог заранее знать, я имею право. Этот полет — дискредитация Советской армии в глазах общественного мнения нашей страны и всего мира.

Я был на заседании Политбюро, которое разбирало этот инцидент. В тот день в три часа ночи меня стуком в дверь разбудил зять — я закрыл телефон подушкой, чтобы он не мешал выспаться. Говорит: «Вас вызывает министр!» Приезжаю в Генштаб, Соколов удивляется: «Я тебя не вызывал». Начальник Генштаба Ахромеев говорит: «Это звонил я, тебе в 10 часов надо быть на Политбюро».

Открывает Политбюро Горбачев: «Позор на всю Европу! Какой-то самолетишко прилетел, понимаешь, болтался тут...» Дальше докладывал первый замминистра Лушев, остававшийся в Москве вместо Соколова. Горбачев ему говорить не дал: «Хватит, садись!.. — и обращается к дважды герою Советского Союза Александру Ивановичу Колдунову, главкому ПВО, — давай ты, Колдунов!» И опять: «Да у тебя тоже одни оправдания!..»

— *То есть Михаил Сергеевич хотел, чтобы тогда Руста сбили?..*

— Слушайте дальше. Константинова, Героя Советского Союза, маршала авиации Горбачев тоже сажает на место и обращается к министру обороны Соколову: «А тебе, Сергей Леонидович, тоже надо определиться!» Потом нас всех выпроводили, а члены Политбюро ушли в Ореховую комнату. Через 20 минут Савинкин, заведующий административным отделом ЦК КПСС, приходит за мной и ведет

к Горбачеву. Горбачев говорит: «Мы решили, что ты будешь министром обороны». Я отвечаю: «Я не готов. В Москве всего-навсего три месяца в должности замминистра по кадрам». — «Мы тебе лишние сутки для вхождения в должность дадим...» Все смеются. Соколов мне подмигнул: соглашайся. Я Соколова знал и раньше, когда он был командующим Ленинградским военным округом, я у него был начальником отдела планирования и общевойсковой подготовки. Горбачев продолжает: «Ты, Толя, — обращаясь к Лукьянову, — и ты, Лев, — обращаясь к Зайкову, — представьте его в шесть часов коллегии. Все, ты — министр!» Вот так, похамски, со всеми на «ты»... Соколов передал мне ядерный чемоданчик: пришли ребята, рассказали, как с ним обращаться — там никаких разговоров не надо вести, фишки передвигаешь, даешь ими команду на удар или на отмену удара. В подчинении у меня оказались пять маршалов: Ахромеев, Куликов, Соколов, Куркоткин, Петров. Но в результате мы работали дружно: с замами у меня никаких эксцессов не было.

— *Правда ли, что в период Карибского кризиса в 1962 году вы со своим мотострелковым полком, командиром которого являлись, в боевой готовности были скрытно переброшены на Кубу для отражения возможного нападения войск США на этот остров?*

— Правда. Я был на Кубе во время Карибского кризиса. Мы должны были противостоять вторжению американцев. Но если бы оно случилось, то американцы нас, конечно бы, просто сожгли. Я был на 40-летию Карибского кризиса в Гаване, и там Макнамара (министр обороны США в 1961—1968 гг. — *Авт.*) рассказывал в присутствии жены Роберта Кеннеди и его советников, что на военном совещании в самый разгар кризиса Кеннеди спросил министра военной авиации: «Сможете ли вы сразу уничтожить все ракеты на Кубе?» Тот ответил: «Авиация у нас, конечно, хорошая, но из 41 ракеты пара штук может и уце-

леть...» — «...Значит, не будет двух американских городов! Все! Вводим карантин!» — решил Кеннеди. Кстати, американцы — трусливая нация. Когда во время Карибского кризиса в прессе появились сообщения, что на Кубе есть ракеты с ядерными боеголовками, вся Америка устремилась с севера на юг — на дорогах скопилось 74 миллиона автомобилей! Так нам дословно переводили на Кубе их же информацию.

— *Правда ли, что в следственный изолятор Матросская Тишина к вам привозили «подсадных уток» из родной вам Омской области, чтобы втереться к вам в доверие?*

— Нет, это неправда. Сначала нас там охраняли обычные тюремщики. Стоит майор, смотрит в мое окошечко, как только я повесил полотенце, чтобы красный фонарь мне в глаза не светил, он заходит и его снимает. Я говорю: «Вот сволочь! Майоры в войну командовали полками, а ты здесь возле окошечка стоишь... Как тебе не стыдно?» Он: «Ты еще поговори у меня!» Потом их сменили омоновцы, порядочные ребята, солдаты, короче говоря... Мы ни у кого ничего не просили, они на свои деньги то арбуз нам купят, то дыню. Но каждый месяц их меняли, чтобы между нами не возникло сговора.

— *Правда ли, что, увольняя вас с военной службы в отставку в феврале 1994 года, Ельцин наградил вас именным пистолетом?*

— Не Ельцин, а Грачев мне вручил этот пистолет. Я его отдал в Музей Вооруженных Сил.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ФОРОСА — В МОСКВУ	5
ДОПРОСЫ В «СЕНЕЖЕ». ЧТО ДЕЛАЛА АРМИЯ В АВГУСТЕ 91-го? . . .	8
НОВЫЕ ДОПРОСЫ. ГОРБАЧЕВ И «ЯДЕРНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК»	49
ТЮРЕМНЫЕ ДУМЫ. С ЧЕГО НАЧАЛСЯ РАСПАД СТРАНЫ?	74
«ПОТЕРПЕВШИЙ». СВИДЕТЕЛЬСТВА ГОРБАЧЕВА	101
СВИДЕТЕЛЬСТВА ЕЛЬЦИНА И ГРАЧЕВА	116
ТЮРЕМНЫЕ ДУМЫ. НАША АРМИЯ В АФГАНИСТАНЕ	127
ТЮРЕМНЫЕ ДУМЫ. МАРШАЛ АХРОМЕЕВ	144
ОБВИНЕНИЕ ИЛЮХИНА ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА	160
СУД ПО ДЕЛУ ГКЧП. АМНИСТИЯ ОТ ГОСДУМЫ	179
СУД НАД ГЕНЕРАЛОМ ВАРЕННИКОВЫМ	202
ПРИЛОЖЕНИЕ	220

Массово-политическое издание

СУД ИСТОРИИ

Язов Дмитрий Тимофеевич

АВГУСТ 1991

Где была армия?

Редактор *О. Селин*

Художник *Б. Протопопов*

Художественный редактор *Ю. Марданова*

Компьютерная верстка *А. Кувшинников*

Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 14.06.2011.

Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 4000 экз. Заказ №0195

Отпечатано в ООО «Северо-Западный Печатный двор»,
188300, Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Железнодорожная, 45Б

ISBN 978-5-899-50434-3

9 785699 504343 >

Дмитрий Тимофеевич Язов — последний (по дате присвоения звания) Маршал Советского Союза. Его жизненный путь — это путь солдата, служащего своей Родине и верного присяге, которую, как известно, принимают только один раз.

В Красную Армию Дмитрий Язов вступил добровольно в ноябре 1941 года, не окончив среднюю школу. Был ранен в боях, награжден орденом...

В 1987 году Д.Т. Язов был назначен на должность министра обороны СССР и до конца отстаивал интересы Советской державы. 19 августа 1991 года Д.Т. Язов вошел в состав ГКЧП, за что был арестован.

По словам известного писателя Владимира Карпова, «в своем произведении Дмитрий Тимофеевич поступил как опытный литератор, он не пошел затоптанными мемуарными тропами. Главы о катастрофе, называемой «перестройкой», перемежаются с воспоминаниями о Великой Отечественной войне. А страницы, передающие высочайший накал роковых событий августа 1991 года, а затем описывающие пребывание автора в тюрьме, подкреплены фактурными пластами жизни и службы в мирное время».

ISBN 978-5-699-50434-3

9 785699 504343 >

ЭКСМО